

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ КНИГИ ЭРАТО.

ОТДЕЛЕНИЕ ВЪРХНЕГО СЪЮЗА

ДРУГИМЪ НЕЛЬЗЯ.

Драма безъ развязки, игранная на домашнемъ театрѣ М. А. Б—ой.

Л и ц а :

Михаилъ Петровичъ Зиновьевъ, засѣдатель уѣзднаго суда; 42 лѣтъ. Судья и секретарь не даютъ участія во взяткахъ; что жъ ты будешь дѣлать?—Словомъ, честный человѣкъ. И добрый отецъ, тоже.

Елена Михайловна, его дочь; 18 лѣтъ. Держить себя безъ кривлянья.

Леонидъ Александрычъ Хоненевъ, вельможа на цѣлыя двѣ губерніи; 35 лѣтъ. Важенъ. Умѣетъ быть и милъ.

Максимъ Кириллычъ Горбылевъ, писецъ уѣзднаго суда; 21 года. Идиотъ съ ангельскимъ сердцемъ и волчьимъ желудкомъ,

Иліодоръ Николаичъ Свиридовъ, человѣкъ порядочнаго общества; 24 лѣтъ. Держитъ себя смиренно.

Семень Клементычъ Парадизовъ, бывшій сослуживецъ Зиновьева; 53 лѣтъ. Страдалецъ за правду, съ незапамятныхъ временъ выгнанный изъ службы, какъ выжига, нестерпимый никакому начальству, ни добрѣйшему, ни подлѣйшему.

Сергѣй Васильевичъ Короваевъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Гостинная Зиновьевыхъ,—сдѣланная 20 лѣтъ тому назадъ по новой модѣ, такимъ образомъ, что она же и залъ. То есть, по среднѣй длинѣ двѣ тоція деревянныя колонны.—Дверь прямо, изъ передней; дверь направо—во внутреннія комнаты; дверь налево—въ кабинетъ Зиновьева.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Зиновьевъ сидитъ и курить трубку; **Елена Михайловна** входитъ снимая шляпу.

Зинов. —Леночка! *(протягиваетъ руки, обнять)*.

Ел. Мих. —Погодите, папаша! *(Идетъ къ окну, смотритъ въ него издали и закрываясь шляпкою)* Такъ! Онъ ѣхалъ за мною! *(Торопливо уходя, направо)* Папаша, если онъ спроситъ, кто я, скажите: „гостья“;—гдѣ я?—скажите: „ушла“. *(Договариваетъ это уже изъ-за двери)*.

Зинов. —*(вставая идти за нею)* Что жъ это зна... *(видитъ входящаго Хоненева; останавливается и кланяется)*.

ЯВЛЕНИЕ 2.

Зиновьевъ. Хоненевъ.

- Хонен. — Ба! Кого вижу! Лицо что-то знакомое.
- Зинов. — *(снова кланяясь)* Точно такъ, Леонидъ Александрычъ: имѣлъ честь являться къ вамъ. Михайль Петровъ сынъ, Зиновьевъ, засѣдатель здѣшняго уѣзднаго суда, вашею милостію. Покорнѣйше прошу.
- Хонен. — А! Точно, помню *(садится)*. А вы здѣсь, какъ я вижу, хозяинъ.
- Зинов. — Точно такъ, Леонидъ Александрычъ: домишко мой собственный.
- Хонен. — Прекрасно. Очень достаточный домъ. А кто эта дѣвушка, сейчасъ вошла сюда? Значить ваша дочь? Да что же вы самъ-то не садитесь?
- Зинов. — *(садится)* Такъ точно, Леонидъ Александрычъ: моя дочь.
- Хонен. — Очень милое лицо, очень милое. Можно сказать, красавица.
- Зинов. — *(кланяется, прикладывая руку къ сердцу)*.
- Хонен. — Я очень заинтересовался. Прошу васъ познакомить меня съ нею.
- Зинов. — *(подбѣгаетъ къ двери направо)* Леночка! Иди сюда! Леонидъ Александрычъ желаютъ съ тобою познакомиться! — А, Леночка! слышишь? *(Отворяетъ дверь, просовывается)* А, Леночка! слышишь? *(Успокаивается, идетъ назадъ)* Идетъ, Леонидъ Александрычъ.
- Хонен. — Леночка, говорите вы; — Елена, — по отчеству?...
- Зинов. — Михайловна, Леонидъ Александрычъ.
- Хонен. — Да, такъ. Васъ зовутъ Михайль. Помню. *(Встаетъ, идетъ навстрѣчу Еленѣ Михайловнѣ)*.

ЯВЛЕНИЕ 3.

Тѣже. Елена Михайловна.

- Хонен. — *(подходя къ входящей)* Честь имѣю рекомендоваться, Елена Михайловна: здѣшній помѣщикъ, Хоненевъ.
- Ел. Мих. — *(протягивая руку)* Васъ знаютъ здѣсь всѣ *(салятся)*.
- Хонен. — Маленькій городъ; общества нѣтъ; я думаю, довольно скучная жизнь, Елена Михайловна?
- Ел. Мих. — Я привыкла.
- Хонен. — Но всетаки, это должно быть скучно. Есть ли, по крайней мѣрѣ, какія нибудь развлечения? Въдите въ гости, по сосѣдству? Есть знакомыя помѣщичьи семейства?
- Ел. Мих. — Есть.
- Хонен. — Я просилъ бы васъ *(къ Зиновьеву)* навѣстить меня, Михайло Ммы — ычъ *(мычитъ, не помня отчества)* вмѣстѣ съ Еленой Михайловною. *(Къ ней)* Я почелъ бы это за большую честь себѣ, и надѣюсь, это было бы пріятнымъ развлеченіемъ для васъ.
- Зинов. — Покорно благодаримъ, Леонидъ Александрычъ; съ нашимъ величайшимъ удовольствіемъ.
- Хонен. — *(По прежнему, къ Еленѣ Михайловнѣ)* Могу похвалиться моимъ

садомъ: великолѣпенъ. Въ оранжереяхъ, всегда найдете, все, чего хотите.

Зинов. — Съ величайшимъ нашимъ удовольствіемъ воспользуемся вашимъ приглашеніемъ, Леонидъ Александрычъ *(съ безпокойствомъ смотритъ на дочь)*.

Хонен. — Что касается до моей картинной галлерей, я нахожу, что она бѣдна сравнительно съ извѣстнѣйшими въ Европѣ. Но для провинціальной, недурна, и вамъ, ничего еще не видѣвшей, будетъ интересна.

Ел. Мих. — О, конечно. *(Отецъ успокоивается и просвѣтляется. Она къ нему)* Папаша, васъ тамъ дожидаются какіе-то просители. Кстати вы скажете, чтобы приготовили закуску *(Зиновьевъ шевелится, не зная, какъ тутъ быть)*.

Хонен. — О, будьте такъ добръ, Михайло Ммм—ычъ! *(Зиновьевъ встаетъ)* Проголодался съ дороги. Чувствительно благодарю васъ, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — Вы не взщите, Леонидъ Александрычъ: у насъ не то, что у васъ; чѣмъ Богъ послалъ.

Хонен. — На бивуакахъ не годится быть слишкомъ разборчиву. Старый гусаръ.

Ел. Мих. — *(говоритъ въ слѣдъ уходящему отцу, пока онъ совсѣмъ скроется, такъ чтобы ей безъ перерыва обратиться къ Хоненеву, когда отцу не будетъ слышно)* Папаша, тамъ жарятся цыплята, — поторошите, присмотрите самъ, какъ будутъ они дожариваться *(Зиновьевъ между тѣмъ уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Елена Михайловна. Хоненевъ.

Ел. Мих. — *(продолжая безъ перерыва, вдругъ давая волю своему страданію; съ усиленіемъ)* Я слышала, вы добрый и благородный человѣкъ, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. — Хоненевы никогда не дѣлали ничего безчестнаго. Что же касается доброты, въ чемъ ваша просьба? За кого? За вашего батюшку? Или какого родственника?

Ел. Мих. — Вы добрый и благородный человѣкъ, Леонидъ Александрычъ. Вы не будете преслѣдовать бѣдную дѣвушку. *(Надрывающимся голосомъ)* У меня есть женихъ. Я люблю его!

Хонен. — *(вскакиваетъ)* Этого я никакъ не ожидалъ! *(Ходитъ. Останавливается)*. Именно, этого я никакъ не ожидалъ! *(Ходитъ)*.

Ел. Мих. — Вы благородный человѣкъ, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. — *(останавливается)* Это правда.

Ел. Мих. — Будьте же великодушенъ! Забудьте обо мнѣ!

Хонен. — Признаюсь вамъ, вы ставите меня въ большое затрудненіе, потому я никакъ не ожидалъ. *(Ходитъ; останавливаясь говоритъ)* Совершенно не знаю, какъ долженъ поступить, потому что никогда не бывало подобнаго случая *(ходитъ; окончательно останавливается)* рѣшительно не знаю, чѣмъ мнѣ руководиться, и даже въ какомъ смыслѣ я долженъ

понимать это. Можетъ быть, даже въ смыслъ обиды (*назидательно и снисходительно*) или, скорѣе въ смыслъ вашей молодости, и можно сказать, неопытности, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — Понимайте это, какъ довѣріе къ вашему благородству, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. — Но это, дѣйствительно, не въ смыслъ обиды. Однако же повторяю: я вижу себя въ совершенномъ затрудненіи, по новости случая.

Ел. Мих. — Будьте великодушень! Забудьте меня! Вы найдете другую, лучше меня.

Хонен. — (*садится раздумывая*) Съ этой стороны, ваши слова совершенно вѣрны. За этимъ, конечно, не будетъ остановки (*Думаетъ*). Такъ. Найдется и другая, и третья.

Ел. Мих. — Идетъ отецъ. О, скажите же, что вы соглашаетесь на мою просьбу!

Хонен. — Отчасти, затрудняюсь; но извольте, съ удовольствіемъ.

Ел. Мих. — Благодарю васъ, благородный человѣкъ! (*Жметъ ему руку; между тѣмъ, входитъ отецъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ-же. Зиновьевъ.

Хонен. — (*ей, безъ вниманія къ Зиновьеву*) Я Хоненевъ. Никто изъ Хоненевыхъ не дѣлалъ никогда ничего, кромѣ самаго благороднаго.

Ел. Мих. — Папаша, а закуски?

Зинов. — Сейчасъ подадутъ, Леночка. Знаешь, Мавра совѣмъ захопоталась (*садится*).

Ел. Мих. — Мавра ничего не умѣетъ сдѣлать. Я пойду сама (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Хоненевъ. Зиновьевъ.

Хонен. — Откровенно скажу вамъ: ваша дочь очень умная дѣвушка. Умѣетъ по дѣйствовать на самыя благородныя струны сердца. Одно скажу противъ нея: молода; потому неразсудительна.

Зинов. — Это хорошій порокъ въ дѣвушкѣ, Леонидъ Александрычъ, — молодость.

Хонен. — Совершенно согласенъ; тѣмъ не менѣе, скажу: не всегда. При всемъ томъ, повторяю: умѣла понять меня. Имѣете въ виду жениха?

Зинов. — Есть въ виду одинъ. Впрочемъ, еще не знаю, посватаетъ ли. Такихъ разговоровъ не было. Да и не замѣтно, чтобы онъ особенно нравился ей, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. — Кто такой?

Зинов. — Чиновникъ изъ Петербурга, Свиридовъ.

Хонен. — Хорошій человѣкъ?

Зинов. — Не знаю, какъ вамъ сказать, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. — Итакъ ваша обязанность, какъ отца, рассмотреть, дѣйствительно ли хорошій человѣкъ. Хорошій — прекрасно. Не заслуживаетъ, тогда

можно подумать. Потому что, хотя она очень умная дѣвушка, но я также прибавилъ: молода, потому неразсудительна.

ЯВЛЕНИЕ 7.

Тѣже. Елена Михайловна.

Ел. Мих. — *(входитъ, неся подносъ съ закускою)* Это еще не все; сейчасъ другой подносъ, и тогда буду угощать васъ *(ставитъ подносъ, хочетъ уйти)*.

Хонен. — Какъ, сама? Сама подаете, Елена Михайловна?

Ел. Мих. — Что жъ такое? Сама *(уходитъ)*.

Хонен. — *(Зиновьеву)* Чрезвычайно хорошо понимаетъ вещи.

Ел. Мих. — *(входитъ съ другимъ подносомъ; ставитъ; кладетъ на тарелку для Хоненева)* Циплята зажарены прекрасно. Наши вина изъ здѣшнихъ лавокъ; пробуйте или не пробуйте; не хочу рекомендовать. Но вотъ наливки я дѣлала сама, и эта вишневка очень удалась мнѣ *(наливаетъ)*.

Хонен. — *(отвѣдывая)* Превосходно! Нектаръ! *(пьетъ, какъ знатокъ)*.

Ел. Мих. — Я очень рада, Леонидъ Александрычъ; мнѣ такъ хотѣлось, чтобы вы остались довольны! Папаша, угощайте добраго Леонида Александрыча! *(Протягиваетъ руку Хоненеву)*.

Хонен. — Теперь вы совѣмъ уходите, Елена Михайловна? Очень, очень благодарю за ваши хлопоты *(Елена Михайловна уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ 8.

Хоненевъ. Зиновьевъ.

Хонен. — Я чрезвычайно доволенъ вашею дочерью. Прекрасно понимаетъ вещи, людей и все. Возьмите вы то: какъ бы то ни было, она дворянка: можетъ быть, даже столбовая?

Зинов. — Такъ точно, Леонидъ Александрычъ: мы столбовые. Мой прадѣдъ былъ даже Чембарскимъ воеводою.

Хонен. — Вашъ прадѣдъ былъ Чембарскимъ воеводою? Чего же вамъ еще! — Очень, очень достаточно! Вы столбовые! — И дѣвушка изъ такой, можно сказать, порядочной фамиліи, сама подаетъ мнѣ закуску, — сама! — по собственному понятію, — не по отцовскому приказанію, но по чувству собственнаго ума — что вы скажете на это?

Зинов. — Точно такъ, Леонидъ Александрычъ: не по отцовскому приказанію, а по чувству собственнаго ума.

Хонен. — Это очень нравится мнѣ. — „Я столбовая дворянка“, думаетъ она: — „и мой прадѣдъ...“

Зинов. — *(не безъ робости)* Для нея онъ будетъ уже прапрадѣдъ, Леонидъ Александрычъ. Это мнѣ онъ прадѣдъ, а ей прапрадѣдъ.

Хонен. — *(милостиво)* Такъ, согласенъ. Ей, онъ дѣйствительно прапрадѣдъ. Когда вашъ прадѣдъ, то ей прапрадѣдъ. Согласенъ, и продолжаю: —

„Я столбовая дворянка“, думаетъ она:—„и мой прапрадѣдъ былъ Чембарскій воевода, и у меня есть прислуга...“

Зинов. — Кучеръ, и лакей, и козачекъ, и кухарка, и прачка, и горничная.

Хонен. — Кучеръ и прачка нейдутъ къ этому разсужденію. И кухарка можетъ не годиться. Но лакей, и козачекъ, и горничная—чего жъ вамъ еще? Это довольно и предовольно. — „Я столбовая дворянка“, думаетъ она:—„и мой прапрадѣдъ былъ Чембарскій воевода; и у меня есть довольно прислуги, чтобы подать закуску: лакей, и козачекъ, и горничная. Но онъ—Хоненевъ, и для меня не должно составлять никакой непріятности то удовольствіе, которое я хочу доставить себѣ именно тѣмъ, чтобы показать ему, какъ я понимаю, чтѣ такое—Хоненевъ! И я сама подамъ ему закуску, и не найду себѣ въ этомъ никакой непріятности, а напротивъ большую пріятность!“—Противъ такой дѣвушки, не могу имѣть никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ похвалы! Одинъ порокъ въ ней, повторяю: молодость.

Зинов. — *(съ сожалѣніемъ)* Такъ точно: молодость, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. — Она молода, я согласенъ, но тѣмъ не менѣе повторяю: не могу имѣть противъ нея никакого другого понятія, кромѣ одобренія. У нея, вы говорите, есть женихъ—прекрасно!—хорошій человекъ—душевно радъ!—съ Богомъ, отдавайте!—Благословляю! И не забуду, ни ихъ, ни васъ! На слѣдующіе выборы, васъ въ исправники! Они же мои дѣти! Зовите въ посаженные отцы—готовъ!—И затѣмъ *(встаетъ)* прощайте *(подаетъ руку Зиновьеву)*.—Да, кстати *(останавливаясь въ дверяхъ)*, у васъ довольно прислуги, какъ я видѣлъ по вашимъ словамъ; пошлите кого нибудь къ судѣ, сказать, что я пробуду еще съ полчаса въ городѣ, и онъ можетъ явиться.

Зинов. — Я побѣгу самъ, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. — Прекрасно. Но у васъ, когда есть кучеръ, должны быть и лошади?

Зинов. — Пара гнѣдыхъ, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. — Такъ вы поѣзжайте; зачѣмъ же бѣжать?

Зинов. — Скорѣе. Запрягать долго, Леонидъ Александрычъ. А это недалеко.

Хонен. — Тѣмъ лучше. Прощайте. *(Уходитъ. Зиновьевъ, проводивъ его, возвращается захватить шапку и стремглавъ уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 9.

Горбылевъ, одинъ. Потомъ Елена Михайловна.

Горбыл. — *(Просовывается въ дверь изъ передней, обнюхиваясь; рычитъ отъ удовольствія)* Ы-ы-ы *(приближается къ закуску, обнюхиваетъ, потрагиваетъ вилкою)* Ы-ы-ы *(облизывается. Колеблется. Но побѣждаетъ себя, отходитъ, облизываясь, не спуская глазъ)* Ы-ы-ы...

Ел. Мих. — *(Входитъ съ права)* А! Максимъ Кириллычъ!

Горбыл. — Да-съ, Елена Михайловна *(поглядываетъ на нее и на закуску)*.

Ел. Мих. — Что жъ вы такъ стойте, Максимъ Кириллычъ? Кушайте.

Горбыл. — Покорно благодарю, Елена Михайловна. *(Накидывается на закуску,*

и съ перемежку съ пдою говоритъ) А какой сонъ я видѣль-сь, Елена Михайловна! — Будто судейская кошка, — только съ бѣлымъ хвостомъ вмѣсто чернаго...

Ел. Мих. — Это, я думаю, все равно, Максимъ Кириллычъ.

Горбыл. — Нѣтъ-сь, Елена Михайловна: во снѣ всякая вещь непремѣнно что нибудь значить. Бѣлый хвостъ вмѣсто чернаго, это, я думаю, перемѣна къ лучшему-сь.

Ел. Мих. — И то можетъ быть.

Горбыл. — И что же-сь? — Идетъ эта судейская кошка ко мнѣ-сь, и несетъ въ зубахъ крысу-сь и говорить...

Ел. Мих. — Какъ же она говорить, когда въ зубахъ у нея крыса? Этого не можетъ быть.

Горбыл. — Я забылъ сказать-сь, Елена Михайловна: она вынула крысу изо-рту-сь, взяла въ лапки-сь, и говорить-сь...

Ел. Мих. — А, это другое дѣло. Такъ, она можетъ говорить.

Горбыл. — Взяла она эту крысу-сь въ лапки, и подаетъ мнѣ, и говорить-сь: „кушайте на здоровье, Максимъ Кириллычъ-сь!“ — И я взялъ эту крысу-сь, и сталъ ѣсть, и она такая вкусная-сь! Это хорошій сонъ-сь, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — Должно быть, хорошій.

Горбыл. — Я думаю-сь, это значить, что судья прибавить мнѣ цѣлковый жалованья-сь.

Ел. Мих. — Дай Богъ.

Горбыл. — И тогда-сь, хозяйка будетъ мнѣ давать къ обѣду каждый день пирожное!

Ел. Мих. — Конечно. (*Видя Свиридова*) Вы? Зачѣмъ?

ЯВЛЕНИЕ 10.

Тѣже. Свиридовъ.

Свирид. — Да я вовсе не къ вамъ, Елена Михайловна. Я къ Михайлу Петровичу.

Ел. Мих. — Михайла Петровича Зиновьева нѣтъ дома.

Свирид. — Тѣмъ лучше. Я подожду.

Ел. Мих. — И я не знаю, скоро ли онъ воротится. Быть можетъ не воротится до вечера.

Свирид. — Тѣмъ лучше. Надобно будетъ ждать до вечера.

Ел. Мих. — Я не хочу говорить съ вами.

Свирид. — (*садится*) Я буду говорить съ Максимомъ Кириллычемъ. Что новаго, Максимъ Кириллычъ?

Горбыл. — Судья прибавляетъ мнѣ жалованья-сь, Иллѣодоръ Николаичъ.

Свирид. — Обѣщаль?

Горбыл. — Нѣтъ-сь, не обѣщаль; а долженъ. Такъ выходитъ-сь.

Свирид. — Почему же такъ выходитъ?

Горбыл. — По сну выходитъ-сь, Иллѣодоръ Николаичъ. Подходить ко мнѣ судейская кошка-сь, только съ бѣлымъ хвостомъ-сь вмѣсто чернаго, и подаетъ

мнѣ крысу-съ и говорить: „кушайте на здоровье, Максимъ Кириллычъ“, и я сталъ ѣсть-съ эту крысу, и она такая вкусная-съ!—Я думаю-съ, Илюдоръ Николаичъ: кошка — это значить судья-съ; а подаетъ крысу-съ — будетъ прибавка жалованья-съ.

Свирид. — (*вынимая портъ-моне*) Это совсѣмъ другое, Максимъ Кириллычъ. Кошка поймала крысу — это значить, я получилъ деньги. Она подарила вамъ крысу — значить я дарю вамъ эту бумажку, — вотъ (*подаетъ*).

Горбыл. — (*беретъ*) Господи! 25 рублей! Да это будетъ, и на пирожное на цѣлный годъ, и жилеть кушлю съ букетами! (*Впадаетъ въ колебаніе*) Да какъ же это, Илюдоръ Николаичъ: я дворянинъ, и чиновникъ; а вы и чужой, и не проситель: прилично ли мнѣ взять? (*Держитъ бумажку въ сомнѣніи*).

Свирид. — Отчего же не прилично, когда сонъ былъ къ этому?

Горбыл. — Да къ этому ли-съ, Илюдоръ Николаичъ? — То была судейская кошка, значить, судья-съ.

Свирид. — У судейской кошки черный хвостъ, вы говорите?

Горбыл. — Черный-съ.

Свирид. — А у этой бѣлый. Значить, это не судья. Вотъ видите, у меня въ карманѣ бѣлый платокъ (*вынимаетъ и показываетъ*). Вотъ вамъ и бѣлый хвостъ у кошки. Значить, это я.

Горбыл. — Это точно-съ... А все таки, вы чужой, и не проситель, — какъ же это? Елена Михайловна, можно взять отъ Илюдора Николаича?

Ел. Мих. — Можно. Какой же онъ чужой? Онъ, я — это все равно. Берите, Максимъ Кириллычъ. (*Горбылевъ прячетъ бумажку*).

Свирид. — Вотъ вы стали говорить, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — Нѣтъ.

Свирид. — Такъ я буду опять говорить съ Максимомъ Кириллычемъ. Не видѣли еще чего нибудь во снѣ, Максимъ Кириллычъ?

Горбыл. — Видѣлъ-съ. Будто пріѣхалъ Сергѣй Васильичъ.

Ел. Мих. — Ахъ, какъ я была бы рада!

Свирид. — А я былъ бы радъ еще больше вашего.

Ел. Мих. — Нѣтъ, я больше вашего!

Свирид. — Нѣтъ, я больше вашего.

Ел. Мих. — Не смѣйте спорить. Вы съ нимъ были только въ университетъ; а я и не помню, когда я не любила его!

Свирид. — А теперь, не видѣли два года, и забыли.

Ел. Мих. — Какъ вы смѣете говорить, что забыла, когда я каждый день говорила о немъ?

Свирид. — Вовсе не вы говорили; а я говорилъ.

Ел. Мих. — Нѣтъ, я больше!

Свирид. — Ну, давайте спорить.

Ел. Мих. — Ну, давайте. Я ни за что не уступлю!

Свирид. — Хорошо. Я уступлю. Только будемъ говорить.

Ел. Мих. — Хорошо. Пожалуй, говорите, — но только вы одинъ: мнѣ нельзя го-

ворить при Максимѣ Кириллычѣ. Я хочу сказать то, чего никакъ нельзя сказать ни при комъ!

Свирид. —Такъ велите Максиму Кириллычу уйти, или сами уйдемъ, потому что и мнѣ нельзя сказать при немъ того, о чемъ я хочу говорить.

Ел. Мих. —Вамъ, нельзя говорить при немъ! Вотъ новости!

Свирид. —Нельзя, Елена Михайловна; потому что я хочу говорить серьезно.

Ел. Мих. —Вотъ что! Опять серьезно! Когда я не велѣла вамъ!

Свирид. —Елена Михайловна, надобно же, чтобы вы позволили мнѣ сказать Михайлу Петровичу.

Ел. Мих. —Зачѣмъ это надобно? (*Переходя въ элегическій тонъ*) Зачѣмъ, Илюдоръ Николаичъ? Теперь, никто не мѣшаетъ намъ. А тогда церемоніи, гости! —Такая скука! Когда вѣнчаться, тогда и успѣете сдѣлать предложеніе. (*Опять, съ бойкостью, хотя все тономъ жалобы*) Я сказала вамъ; —не стыдно ли вамъ не слушаться, надоѣдать?

Свирид. —Я и послушался, Елена Михайловна. Развѣ я надоѣлъ?

Ел. Мих. —Такъ и теперь не надоѣдайте.

Свирид. —Я и не надоѣдаю, Елена Михайловна. Я заговорилъ объ этомъ потому, что теперь можно сдѣлать, какъ мы говорили.

Ел. Мих. — Потому что вы получили деньги?

Свирид. —Да, Елена Михайловна. Скажемъ, повѣнчаемся, и уѣдемъ.

Ел. Мих. —Ахъ, нѣтъ, Илюдоръ Николаичъ. Вамъ можно прожить здѣсь еще мѣсяца два, такъ зачѣмъ же раньше? Все таки, жаль разставаться съ отцомъ. Поживемъ здѣсь, пока вамъ можно.

Свирид. —Но можно пожить здѣсь и повѣнчавшись. Значить, для васъ все равно, повѣнчаться и теперь.

Ел. Мих. —Нѣтъ, не все равно!

Свирид. —Почему же не все равно?

Ел. Мих. —Ахъ, какой вы! Когда мы уговорились, что какъ повѣнчаемся, такъ и уѣдемъ.

Свирид. —Уговорились, правда. Но можно и перемѣнить это. Повѣнчаемся, и будемъ оставаться здѣсь, пока кончится мой отпускъ.

Ел. Мих. —Боже мой, да когда я не хочу этого!

Свирид. —И вовсе не вы не хотите этого. Я не хотѣлъ этого. Я такъ сказалъ: „не будемъ оставаться здѣсь, а сейчасъ же уѣдемъ, —я такъ сказалъ, а вы только согласились.“

Ел. Мих. —Я только сказала, что соглашаюсь, а я и сама такъ хотѣла, и хочу такъ.

Свирид. —Почему же вы такъ хотите?

Ел. Мих. —Почему? —Почему? —Да не хочу я говорить, почему. Вотъ вамъ и все. (*Оба молчатъ*).

Горбыл. —Я доѣлъ, Елена Михайловна. Вотъ (*повертываетъ тарелку на ребро*). Унести на кухню, отдать Мавръ, Елена Михайловна?

Ел. Мих. —Отнесите, отдайте.

Горбыл. —Я тамъ посмотрю, Елена Михайловна, какъ она готовитъ.

Ел. Мих. —Отчего же не посмотрѣть, когда это вамъ нравится? (*Горбылевъ уходитъ съ подносами въ дверь на право*).

ЯВЛЕНИЕ 11.

Елена Михайловна и Свиридовъ одни.

Свирид. — Почему жь вы не хотите оставаться здѣсь, повѣнчавшись, Елена Михайловна?

Ел. Мих. — Когда я сказала, что не хочу!

Свирид. — Да почему же?

Ел. Мих. — Ахъ, какой вы, право, Илюдоръ Николаичъ! Остаться тутъ и обниматься съ вами, и чтобъ они все смотрѣли! Это стыдъ! А въ Петербургъ, это ничего, потому что тамъ никто и не будетъ знать, что прежде я не была замужемъ. (*Докторально*) Вотъ до чего довели вы меня съ вашимъ приставаемъ. Станьте же.

Свирид. — Хорошо, я отстану.

Ел. Мих. — (*весело*) Конченъ вашъ разговоръ?

Свирид. — Конченъ.

Ел. Мих. — Теперь начинается мой. Ахъ, что я хочу сказать вамъ! Боже мой, какъ это хорошо! (*Молчитъ*).

Свирид. — Что же такое?

Ел. Мих. — Ахъ, я не знаю, какъ и сказать это! Стыдно, ужасно стыдно! (*Молчитъ; вскакиваетъ*) Знаете ли что?— Должно быть, я въ самомъ дѣлѣ красавица!— Сказала, слава Богу!

Свирид. — И я скажу: слава Богу! Наконецъ-то, повѣрили!

Ел. Мих. — Все таки, не вашимъ же словамъ, разумѣется. Развѣ вы можете судить, когда такъ любите меня? Но сейчасъ былъ такой случай, что я сама увидѣла: должно быть, это правда! Вообразите, —но, ахъ, если бы вы знали, какъ я встревожилась! Думала, будетъ ссора съ отцомъ! —и все изъ-за васъ же! Такъ рада, что онъ долженъ былъ выбросить это изъ головы! — Представьте себѣ: я иду по улицѣ, — ѣдетъ Хоненевъ, видитъ меня, —и за мною, къ намъ! — Отецъ вызвалъ меня къ нему! Что дѣлать? Я сказала ему, что у меня есть женихъ, —что ужъ тутъ разбирать! — Лишь бы отговорить его! — И отговорила. И ахъ, какой онъ смѣшной! Разумѣется, не найденъ никого, подать закуску, —все распропали Богъ знаетъ куда, по обыкновенію, —и я подала сама, —думала, что жь такое?— долженъ знать, что у небогатыхъ людей часто бываетъ такъ, — а онъ воображаетъ, это изъ уваженія къ нему! — а это, чтобы какъ нибудь поскорѣе спровадить его! Такой глупый! Но видите, значитъ я въ самомъ дѣлѣ красавица, Ахъ, какъ я рада! Быть красавицею, это прелесть какъ мило! И особенно, я рада за васъ, что у васъ жена будетъ въ самомъ дѣлѣ красавица! И еще больше, за себя, потому что когда я въ самомъ дѣлѣ такая, вы не можете разлюбить меня!

Свирид. — (*спокойно*) Но я думаю, вы были смертельно обижена такую наглостью Хоненева?

Ел. Мих. — Еще бы нѣтъ! Ахъ, сердце закипѣло, закипѣло.

Свирид. — (*цѣлуетъ ея руку*) Онъ будетъ наказанъ (*уходитъ, ровнымъ шагомъ*).

Ел. Мих. — *(миг оставшаяся въ изумленіи, бросается къ окну)* Иліодоръ Николаичъ! Иліодоръ Николаичъ! Не слышать! *(Бѣжитъ къ двери на правую)* Максимъ Кириллычъ! Догоните Иліодора Николаича! Скорѣе, бѣгомъ! Воротите его! *(За сценою топотъ Горбылева, ринувшагося въ погоню. Елена Михайловна опять бѣжитъ къ окну)* Слава Богу, догонитъ его! Слава Богу, догоняетъ! Онъ не слушается, уходитъ! Боже мой, что будетъ съ нимъ? Онъ будетъ убить! Иліодоръ! *(Съ этимъ воплемъ, падаетъ на стулъ. Черезъ мигъ беретъ за голову)* О-о-о... *(собираясь съ мыслями)* О-о-о... Что жь это? Что жь я должна дѣлать? Что такое? О-о-о... За нимъ, за нимъ! Я еще удержу его! *(бросается къ двери прямо, на встрѣчу объѣзжаетъ Горбылевъ, начинающая кричать еще за сценою).*

ЯВЛЕНІЕ 12.

Елена Михайловна, Горбылевъ.

Горбыл. — *(вбѣгая)* Воротился, Елена Михайловна! Не слушался, — услышалъ, какъ вы закричали его, — воротился!

Ел. Мих. — *(опускается на стулъ. Отдыхая)* О-о-охъ.

Горбыл. — Да; ему было не слышно; а какъ вы закричали погромче „Иліодоръ“, — онъ и услышалъ, и воротился.

Ел. Мих. — Да гдѣ жь онъ?

Горбыл. — Идетъ. Только сердится. Самъ идетъ, а самъ нейдетъ; точно его ведутъ на веревкѣ, ей Богу!

ЯВЛЕНІЕ 13.

Тѣже. Свиридовъ.

Свирид. — *(входитъ неохотно; покорнымъ, но недовольнымъ голосомъ)* Я воротился, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — *(довольно слабымъ голосомъ)* Я приказываю вамъ не смѣть видѣть его!

Свирид. — Конечно, Елена Михайловна, если я воротился, то уже рѣшился не дѣлать того, что вамъ не угодно.

Ел. Мих. — Благодарю васъ, Иліодоръ Николаичъ *(жметъ руку)*, я такъ испугалась за васъ!

Горбыл. — Я не нуженъ вамъ больше, Елена Михайловна? Такъ я пойду туда, къ Маврѣ; тамъ у меня остался славный кусочекъ. Можно, Елена Михайловна?

Ел. Мих. — *(даетъ знакъ головою, что можно. Горбылевъ уходитъ на право).*

ЯВЛЕНІЕ 14.

Елена Михайловна и Свиридовъ.

Ел. Мих. — *(начинаетъ кротко, потому что еще слаба)* Какъ вамъ не стыдно, Иліодоръ Николаичъ?

Свирид. — Я не зналъ, что это вамъ не понравится.

Ел. Мих. — *(оживляясь, потомъ горячася)* Вотъ это умно! Вы не знали! Онъ убилъ бы васъ, — хорошо бы это было? Ахъ, вы, безсовѣстный человѣкъ! Не смѣйте и глядѣть на меня! Какъ вы смѣли вздумать это, чтобъ онъ убилъ васъ? Садитесь, и ждите, и не смѣйте глядѣть на меня! *(Онъ стоитъ растерявшись)* Ахъ, вы, сумасшедшій! Я давно знаю васъ, какой вы! Только притворяетесь умнымъ, а въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій! И прекрасно сказалъ Максимъ Кириллычъ! Такъ и надобно съ вами! Только попробуйте повѣнчаться! Увидите, что я съ вами сдѣлаю! Привяжу васъ на веревку, такъ и буду держать! Что жъ вы молчите? Видите, вамъ самому стыдно, что вы такой сумасшедшій! Что жъ вы стоите? Садитесь и сидите, говорятъ вамъ, и не смѣйте глядѣть на меня! *(Онъ садится)* И зачѣмъ вамъ было нужно, чтобъ онъ убилъ васъ?

Свирид. — Ни за чѣмъ. Но только я самъ хотѣлъ убить его.

Ел. Мих. — А это зачѣмъ вамъ было нужно? Мѣшаетъ онъ намъ съ вами?

Свирид. — Нѣтъ, не мѣшаетъ. Вы сказали, что Михаилъ Петровичъ долженъ былъ выбросить это изъ головы.

Ел. Мих. — Такъ что жъ вамъ было нужно?

Свирид. — Какъ же онъ смѣлъ такъ подумать о васъ, Елена Михайловна? Это такое оскорбленіе вамъ.

Ел. Мих. — Онъ обидѣлъ меня? Вы въ тысячу разъ больше обидѣли меня. Какъ вы смѣли забыть обо мнѣ.

Свирид. — Какъ же я забылъ о васъ, Елена Михайловна?

Ел. Мих. — Вы еще спорить? Какъ же вы не забыли обо мнѣ, кагда пошли, чтобъ онъ убилъ васъ? Молчите и не смѣйте ничего говорить, безсовѣстный человѣкъ.

Свирид. — Елена Михайловна...

Ел. Мих. — Молчите!

Свирид. — Я совсѣмъ о другомъ, Елена Михайловна; я не объ этомъ.

Ел. Мих. — Да вы понимаете, что это безсовѣстно?

Свирид. — Это я понимаю, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — И раскаяваетесь?

Свирид. — И раскаяваюсь.

Ел. Мих. — И впередъ никогда не будетъ этого?

Свирид. — Никогда, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — Ну, хорошо. Говорите, что вы хотѣли сказать.

Свирид. — Если бы Михаилъ Петровичъ зналъ, что у васъ есть женихъ, вамъ не было бы этого безпокойства.

Ел. Мих. — Это правда.

Свирид. — Такъ вы позвольте, я поговорю съ Михаиломъ Петровичемъ.

Ел. Мих. — Хорошо. Я вижу, что я сама виновата. Не слѣдовало откладывать этого.

Свирид. — Конечно не слѣдовало, Елена Михайловна. А это можно сдѣлать завтра же. — повѣнчаться, — чтобы не было гостей и церемоній и всей этой скуки.

Ел. Мих. — Конечно, можно. Такъ и надобно. Если бы только скука, это еще ничего бы. Но я призналась вамъ: это стыдъ.

Свирид. — Значить, вы приказываете...

Ел. Мих. — Ахъ, не спрашивайте меня, Илюдоръ Николаичъ. Мало ли что я говорю, а сама ничего не знаю, что лучше для меня. Какъ лучше по вашему для меня, такъ и сдѣлайте, — все, какъ вы хотите. Завтра ли вѣнчаться, быть ли женихомъ и невѣстой; ѣхать ли въ Петербургъ прямо изъ церкви, пожить ли здѣсь — ничего не знаю. И здѣсь оставаться, я думаю, будетъ стыдно, — и съ отцомъ не хотѣлось бы разставаться раньше, нежели необходимо для васъ... Ничего не умѣю рѣшить... Дѣлайте, какъ лучше для меня...

Свирид. — Если такъ, Елена Михайловна, то.

(За сценою шаги и голоса).

Ел. Мих. — Да, да. Отецъ и кто это съ нимъ? Будто видѣла, но не помню. Господи, какое гадкое лицо! *(Это уже при входѣ Парадизова, въ полъ-голоса Свиридову).*

(За сценою, между тѣмъ, голосъ Зиновьева, который договариваетъ уже на сценѣ).

ЯВЛЕНІЕ 15.

Тѣже. Зиновьевъ, Парадизовъ.

Зинов. — *(начинаетъ за сценою)*... Значать, обчистили и отпустили. Видно, и въ Москвѣ тѣ же люди. И хоть бы такъ отпустили! А то съ жандармомъ, на мѣсто жительства, подъ надзоръ полиціи! Илюдоръ Николаичъ! Добраго здоровья! *(Жметъ руку. Къ Парадизову)*. Дочка моя; чать помнишь, Семень Клементьичъ, вотъ этакую *(показываетъ рукою ростъ маленькаго ребенка)*. А ты, Леночка, помнишь Семена Клементьича?

Ел. Мих. — Теперь вспомнила.

Парад. — Ручку, барышня *(цѣлуетъ ея руку, повертываетъ ладонью вверхъ)*. Ворожить умѣю, барышня. Женихъ генераль, тысяча душъ. По ливіямъ такъ выходитъ.

Ел. Мих. — У меня ужъ есть женихъ, именно такой *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 16.

Зиновьевъ, Парадизовъ, Свиридовъ.

Парад. — Съ гостемъ познакомъ, братецъ.

Зинов. — Илюдоръ Николаичъ, прошу любить и жаловать: мой бывшій сослуживецъ, отставной коллежскій секретарь Семень Клементьичъ Парадизовъ. *(Свиридовъ кланяется, сторонясь)*.

Парад. — *(мѣтеть за рукою Свиридова)*. Позвольте быть знакомъ *(Свиридовъ принужденъ подать руку. Садятся)*. Петербургскій, смѣю спросить?

Свирид. — А вы изъ Москвы? Пострадали за правду, кажется?

Парад. — По зависти.

- Зинов. — Уфхаль бытъ ходатаемъ по дѣламъ при Московскомъ Сенатѣ. Враги искали случая погубить, обвинили въ составленіи фальшивыхъ документовъ...
- Парад. — Уличить не могли.
- Зинов. — Раззорили человѣка и вотъ выслали сюда на мѣсто жительства.
- Парад. — По зависти къ уму.
- Свирид. — Когда вы будете свободенъ, Михаилъ Петровичъ? Мнѣ надобно поговорить съ вами.
- Зинов. — Я всегда готовъ переговорить съ вами, Иліодоръ Николаичъ. Семень Клементычъ, ты, братецъ, извинишь? У насъ дѣло. Ступай, посиди съ Леночкою.
- Парад. — *(вытаскивая изъ кармана бумаги)*. Лучше просмотрю.
- Зинов. — Уже обзавелся новыми дѣлами?
- Парад. — Маленькими.
- Зинов. — Такъ ты иди въ кабинетъ.
- Парад. — Туда *(уходитъ нальво)*.

ЯВЛЕНІЕ 17.

Зиновьевъ, Свиридовъ.

- Свирид. — Конечно, вы давно замѣчали мое расположеніе къ Еленѣ Михайловнѣ, Михаилъ Петровичъ.
- Зинов. — Замѣчалъ, Иліодоръ Николаичъ.
- Свирид. — И, надѣюсь, одобряете наши чувства.
- Зинов. — Одобрю, Иліодоръ Николаичъ.
- Свирид. — Пойдемъ же къ ней.
- Зинов. — Нѣтъ, позвольте, Иліодоръ Николаичъ. Такъ не дѣлается. Прежде всего, я долженъ формально слышать отъ васъ. Потомъ поговорить съ нею. Такъ принято. Конечно, въ настоящемъ случаѣ это только форма. Но такъ принято. Итакъ, вы просите руки Леночки, Иліодоръ Николаичъ.
- Свирид. — Прошу.
- Зинов. — Съ моей стороны я очень радъ и передамъ ей ваше предложеніе. Но прежде мы должны говорить объ условіяхъ, какихъ вы требуете, и какія будутъ соразмѣрны съ моими возможностями, въ случаѣ ея согласія.
- Свирид. — Мои условія тѣ, что вы благословите ее подъ вѣнецъ, мы повѣнчаемся и поѣдемъ въ Петербургъ.
- Зинов. — Въ Петербургъ, конечно, потому что тамъ у васъ и служба и фабрика. Хоть мнѣ и тяжела разлука съ моею единственною дочерью, но я понимаю, что это должно быть такъ. Не скрою, предвидѣлъ это и приготовился. Но вы знаете, я человѣкъ небогатый. Я желалъ переговорить съ вами въ точности именно на счетъ этого.
- Свирид. — Въ этомъ нѣтъ надобности. Я тоже человѣкъ небогатый. Но жалованье по службѣ, моя доля въ фабрику Ильиныхъ, жалованье за уп-

равленіе фабрикой—вы знаете, все это составляетъ тысячи три дохода; этого довольно, Елена Михайловна не испытаетъ нужды.

Зинов. —Знаю, Иліодоръ Николаичъ, и ожидалъ отъ васъ именно такихъ словъ, какъ отъ человѣка, которому дорога Леночка, а не ея приданое. Но она моя единственная дочь и тѣмъ больше обязанъ я не отпустить ее изъ дому въ одномъ платьѣ. Могу дать за нею двѣ тысячи деньгами. Что касается вещей, надобно будетъ составить реестрецъ.

Свирид. —Пожалуй, составляйте.

Зинов. —Знаю, Иліодоръ Николаичъ, въ настоящемъ случаѣ это одна форма, не больше. Но нельзя безъ этого: такъ принято. Кромѣ того, расходы по свадьбѣ, сколько они, какъ принято, касаются невѣстиной стороны, конечно, на мой счетъ.

Свирид. —Этихъ расходовъ не будетъ, Михаилъ Петровичъ. Я попрошу священника молчать, чтобъ и въ церкви никого не было.

Зинов. —По нынѣшней модѣ, Иліодоръ Николаичъ?—Я человѣкъ не нынѣшнихъ модъ; но понимаю, что это самое лучшее во всѣхъ отношеніяхъ. Только одно, Иліодоръ Николаичъ: Леонидъ Александрычъ Хоневъ — Леночка сказывала вамъ?— вызвался быть посаженнымъ отцомъ.

Свирид. —Нѣтъ, Елена Михайловна не говорила мнѣ. Должно быть, онъ, какъ ни глупъ, не рѣшился сказать ей этого.

Зинов. —Значитъ, такъ. Иліодоръ Николаичъ, нельзя же отказать такому человѣку въ такомъ его добромъ расположеніи. А при такомъ человѣкѣ нельзя не сдѣлать парада, хоть маленькаго.

Свирид. —Это было бы непріятно Еленѣ Михайловнѣ. Потому этого не будетъ, Михаилъ Петровичъ.

Зинов. —Иліодоръ Николаичъ, она молода; можетъ ли она понимать, Иліодоръ Николаичъ.

Свирид. —Прошу васъ, Михаилъ Петровичъ, не говорить о ней такъ.

Зинов. —*(вздыхаетъ)*. Рѣшительно отказываете, Иліодоръ Николаичъ?

Свирид. —*(Не отвѣчаетъ)*.

Зинов. —*(вздыхаетъ)*. Ну, что дѣлать.

Свирид. —Вы желали переговорить со мною обо всемъ въ точности, Михаилъ Петровичъ; и переговорили *(встаетъ)*.

Зинов. —*(удерживая его)* Иліодоръ Николаичъ, вы куда жъ это? къ Леночкѣ? Нѣтъ, пожалуйста! Такъ не принято. Вы знаете; обычай требуетъ: сдѣлавши предложеніе отцу, или кому, тамъ, — сдѣлавшій предложеніе уходитъ и въ назначенное время приходитъ и получаетъ отвѣтъ. Сдѣлаемъ и мы такъ.

Свирид. —Да зачѣмъ же намъ такъ дѣлать? Я знаю, да и вы увѣрены: Елена Михайловна согласна. Что же мнѣ приходится, да уходитъ?

Зинов. —Конечно, пустая форма. Но прошу васъ. Потѣшите старика хоть въ этомъ. И какъ это въ настоящемъ случаѣ только форма, то и отсрочку возьмемъ самую маленькую, — вотъ, часа черезъ два пора обѣдать, — мы и будемъ ждать васъ къ обѣду, — два часа, ну много ли это? —

Ну, и раньше, пожалуй, — ну, приходите черезъ часъ, ну, черезъ полчаса; полчаса, какая тутъ важность, полчаса?

Свирид. — Да зачѣмъ же вамъ такъ нужна эта отсрочка?

Зинов. — Илюдоръ Николаичъ, скажу вамъ откровенно: хочу обстоятельно сообразить свои возможности на счетъ приданого вещами.

Свирид. — Да не нужно оно, ни ей, ни мнѣ.

Зинов. — Ну, пожалуйста, Илюдоръ Николаичъ. Позвольте составить реестрець, какъ принято, съ точностью.

Свирид. — Да, если бы я былъ вспыльчивый человѣкъ, я могъ бы обидѣться этимъ и за себя и за Елену Михайловну: или вы мало увѣрены въ насъ.

Зинов. — Илюдоръ Николаичъ, ну, пожалуйста, форма того требуетъ. Ну, прошу васъ.

Свирид. — *(пожимаетъ плечами)*.

Зинов. — Ну, потѣшите старика!

Свирид. — Хоть вы и не старикъ, но извольте, потѣшу *(беретъ фуражку)*.

Зинов. — Вотъ и прекрасно. Больше мнѣ ничего и не нужно, какъ только составить реестрець и чтобы соблюсти форму. Вотъ и прекрасно! *(Провождаетъ Свиридова въ переднюю. Изъ кабинета высовывается Парадизовъ, смотритъ въ слѣдъ имъ)*.

ЯВЛЕНИЕ 18.

Зиновьевъ, Парадизовъ.

Парад. — *(выходя къ возвращающемуся изъ передней Зиновьеву)* Обдѣлалъ дѣльце, Михайль Петровичъ.

Зинов. — Не совсѣмъ еще, Семень Клементьичъ. *(Кричитъ)*. Леночка! Другъ мой, Леночка! *(Парадизову)*. Ты, Семень Клементьичъ, оставь насъ однихъ.

Парад. — Другъ ты мой, ты прежде посовѣтовался бы со мною.

Зинов. — Не о чемъ совѣтоваться-то, Семень Клементьичъ.

(Входитъ Елена Михайловна. Парадизовъ уходитъ опять въ кабинетъ).

ЯВЛЕНИЕ 19.

Зиновьевъ, Елена Михайловна.

Зинов. — *(обнимая дочь)* Вотъ, Леночка, счастье твое и устраивается.

Ел. Мих. — *(обнимая его)* Да, папаша! Только все таки мнѣ жаль бросить васъ.

Зинов. — *(сидясь, сажая ее подлѣ себя и лаская)* Ну, что дѣлать, Леночка. Ты не плачь. Человѣкъ онъ такой, что мое сердце спокойно за твое счастье съ нимъ.

Ел. Мих. — Да, папаша.

Зинов. — У меня къ тебѣ только одна просьба, Леночка. Леонидъ Александрычъ Хоненевъ былъ такъ добръ, что вызвался быть твоимъ посаженнымъ отцомъ.

Ел. Мих. — *(живо)* Нѣтъ, Папаша.

Зинов. — Леночка, дружокъ мой, не откажи. Онъ можетъ все сдѣлать для моего счастья. А отказать ему — обидится. Вы уѣдете, а я тутъ остаюсь, весь въ его власти.

Ел. Мих. — *(ласково)* Хорошо, папаша.

Зинов. — Благодарю тебя, Леночка. *(Обнимаетъ ее)*. Ты уговоришь и Илюдора Николаича, Леночка, чтобъ онъ согласился?

Ел. Мих. — Онъ согласится, папаша *(спокойно, съ уверенностью)*.

Зинов. — Безпокоюсь я за это, Леночка, согласится ли онъ: онъ былъ такъ противъ этого.

Ел. Мих. — Согласится, папаша.

Зинов. — Ну, слава Богу, когда ты такъ общаешься! *(Обнимаетъ ее)*. Милая моя дочка, единственное ты мое сокровище! Разставаться намъ съ тобою. *(Плачетъ)*. Ну, да что дѣлать! Ты не плачь, мой другъ...

Ел. Мих. — *(смѣется)*. А самъ то вы, папаша?

Зинов. — *(утираетъ глаза)*. И я не буду, Леночка, что же плакать. Не такъ расстаемся, чтобы не видѣться. Будете приѣзжать навѣщать меня; дороги нынѣ хорошия.

ЯВЛЕНІЕ 20.

Тѣ-же Парадизовъ.

Парад. — *(входя)* Не помѣшалъ ли?

Ел. Мих. — *(утираетъ слезы и встаетъ)*.

Парад. — Уходите отъ старика, барышня? А старикъ васъ любить.

Ел. Мих. — У меня теперь много дѣла. Сборы *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 21.

Парадизовъ, Зиновьевъ.

Парад. — *(указывая на уходящую Елену Михайловну)* Капиталь!

Зинов. — Какъ ты говоришь?

Парад. — *(сидясь)* Говорю: капиталъ. А ты умѣлъ воспользоваться.

Зинов. — Какъ воспользоваться?

Парад. — Умно устроилъ дочку.

Зинов. — А ты подслушивалъ?

Парад. — Неподслушивалъ; слышалъ *(сострадательно качаетъ головою)*. Жаль.

Зинов. — Какъ жаль? Ты про кого говоришь? Про нее, что ли?

Парад. — Про тебя. А хоть и про нее тоже самое, пожалуй.

Зинов. — Чего жъ ее жалѣть? Прекрасный человекъ. Любитъ ее. Есть и состояніе.

Парад. — Я и говорю: хорошо.

- Зинов. — Нѣтъ, братецъ ты мой, ее жалѣть нечего.
- Парад. — Я и говорю: ее жалѣть нечего. (*Качаетъ головою*). И тебя тоже. Умѣлъ воспользоваться.
- Зинов. — Что же? Сколько было можно, я воспользовался тѣмъ, что онъ беретъ ее безъ расчета. Всѣмъ было извѣстно, что за нею было назначено четыре тысячи. Я даю ему двѣ. Вовсе ничего не дать неприлично. Да и люблю ее. Какой же еще выгоды? Опять приданого вещами не нужно дѣлать. Что есть, то и есть. Ни салопа новаго, ни чего. Это тоже надобно считать по крайней мѣрѣ въ тысячу. Нѣтъ, Семенъ Клементьичъ, ты что хочешь говори, а я очень доволенъ.
- Парад. — Я и говорю: хорошо.
- Зинов. — Да ты къ чему жь это говоришь?
- Парад. — Я къ тому говорю, что лучше и нельзя было.
- Зинов. — И нельзя было.
- Парад. — (*качаетъ головою*) Отсрочки просить — я думаю: видить, что можно лучше устроить счастье дочери, — а онъ за тѣмъ, чтобы дочь упросить Хоненева взять въ посаженные отцы.
- Зинов. — Что же кромѣ-то? Больше ничего нельзя.
- Парад. — Говорилъ я тебѣ или нѣтъ: посоветуйся со мною?
- Зинов. — Да не о чемъ тутъ совѣтоваться-то. Понимаешь ты или нѣтъ: значить, наотрѣзъ отступился, когда въ посаженные отцы назвался. Что же тутъ сдѣлаешь? И покоретвуй, благословляй. Больше дѣлать нечего.
- Парад. — И я говорю: больше дѣлать нечего.
- Зинов. — Да ты что же такъ говоришь?
- Парад. — А я вотъ что говорю: ты мнѣ какую долю можешь дать?
- Зинов. — (*съ горячностью*). Да что это, братецъ ты мой, ты про что жь это такое говоришь?
- Парад. — Я про то: доставлю я тебѣ отъ Хоненева, примѣрно, сто тысячъ, — меньше братъ — дуракъ будешь: дѣвушка, одно слово, капиталъ. Ну, я доставлю тебѣ сто тысячъ, ты мнѣ какую долю даешь?
- Зинов. — Да что же ты въ самомъ дѣлѣ? Какъ же ты меня понимаешь? За подлеца?
- Парад. — Никакъ я тебя не понимаю. Нѣтъ надобности мнѣ тебя никакъ понимать. Я говорю о дѣлѣ, а ты рацею заводишь. Одно къ другому нейдетъ.
- Зинов. — Нѣтъ, братецъ ты мой, я никакой подлости никогда не дѣлалъ, и не сдѣлаю.
- Парад. — Да я вовсе не про подлость и говорю, а про твои собственныя мысли.
- Зинов. — Нѣтъ, я этого не хотѣлъ.
- Парад. — Чего ты не хотѣлъ, того я и не вѣлю тебѣ хотѣть.
- Зинов. — Нѣтъ, братецъ ты мой, я на это не согласенъ!
- Парад. — На что ты несогласенъ? Я ни о чемъ и не говорю. Я говорю только: какую долю ты можешь дать?
- Зинов. — Какъ же ты ни о чемъ не говоришь? Ты говоришь, чтобъ онъ взялъ ее въ любовницы. Я этого не хотѣлъ.
- Парад. — Да ты не говори со мною, какъ съ малымъ ребенкомъ.
- Зинов. — (*все больше горячится*) Нѣтъ, братецъ ты мой, я на это несогласенъ.

- Парад. — Чудны мнѣ эти люди, такіе, какъ вотъ ты, Михаилъ Петровичъ. Самъ хочеть; а скажи ему, чего онъ хочеть — отрекается.
- Зинов. — Нѣтъ, я этого не хотѣлъ.
- Парад. — *(качаетъ головою и молчитъ)* Эхъ, люди, люди! *(Молчитъ)*. Эхъ, люди, люди! *(Молчитъ. Оживляется)*. Ну, хорошо. Будь по твоему. Ты чего хотѣлъ?
- Зинов. — Чтобъ онъ женился на ней.
- Парад. — Хорошо. Сколько даешь за труды?
- Зинов. — Да неужто ты берешься за это? Да это невозможно, братецъ ты мой.
- Парад. — Сколько даешь?
- Зинов. — Да ты скажи свои условія.
- Парад. — Прежде всего эту свадьбу разстроить. Четыре тысячи, какъ ты обѣщаль за ней, то и давай. Тогда приданого не нужно. Видишь, я ни копѣйки не обижаю тебя. А тамъ, послѣ, условимся объ остальномъ.
- Зинов. — Да ты, взявши деньги, отступишься.
- Парад. — Какъ тебѣ не грѣшно такъ обижать меня, Михаилъ Петровичъ; кого другого, а тебя стану ли я обманывать? *(Встаетъ; съ пафосомъ)*. Вотъ, знай же ты меня, каковъ я человѣкъ. Ни копѣйки твоей мнѣ не надо. Даромъ сдѣлаю! Вотъ тогда совѣсть-то и упрекнетъ тебя, что ты понапрасну меня обидѣлъ! Захочешь отблагодарить — твоя воля; не захочешь — Богъ тебѣ судья!
- Зинов. — *(вытучивъ глаза)* Да ты не въ шутку, Семень Клементычъ?
- Парад. — Какія тутъ шутки, когда ты меня въ самое сердце уколешь!
- Зинов. — Да какъ же это сдѣлать-то? Отказать въ приданомъ, что ли?
- Парад. — Попробуй. Только хуже сдѣлаешь.
- Зинов. — Такъ какъ же, по твоему. *(Встаетъ)*.
- Парад. — Просто, другъ ты мой. Плакала она тутъ, или нѣтъ?
- Зинов. — Плакала.
- Парад. — О чемъ?
- Зинов. — Жаль со мною разставаться.
- Парад. — Чего жъ тебѣ еще?
- Зинов. — Да что же, я все не пойму.
- Парад. — Видно, надобно долго тебѣ толковать. Не захватилъ бы онъ насъ тутъ, не давши договорить. Пойдемъ-ка въ кабинетъ. А сюда позови дочь, чтобы занимались тутъ про между собою, чтобы не нагрязнулъ онъ и туда къ тебѣ.
- Зинов. — *(кричитъ)*. Леночка! *(Парадизову)*. Что же я ей скажу-то?
- Парад. — Скажи: все пусть, какъ они хотятъ. Не смущать же ихъ.

ЯВЛЕНІЕ 22.

Тѣже, Елена Михайловна.

- Зинов. — Ты посиди тутъ, Леночка. Скоро придетъ Илюдоръ Николаичъ за отвѣтомъ. Ты согласна, что ли? *(Смѣется)*. Я тебя еще не спрашивалъ.
- Ел. Мих. — *(грустно)* Папаша, онъ говорилъ: прямо изъ церкви въ Петербургъ.

Зинов. — Поговорите обо всемъ и рѣшите, какъ разсудите. (*Зиновьевъ и Парандизовъ уходятъ съ кабинетъ, Елена Михайловна садится, постепенно задумывается и начинаетъ плакать*).

ЯВЛЕНИЕ 23.

Елена Михайловна сидитъ, задумавшись, и по временамъ утираетъ глаза. Черезъ нѣсколько времени входитъ Свиридовъ.

Ел. Мих. — (*не вставая; съ улыбкою, но сквозь слезы*). Илюдоръ Николаичъ, если бы вы знали, какъ мнѣ грустно.

Свирид. — (*садится подлѣ нея*). Я понимаю, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — Илюдоръ Николаичъ, неужели вы сдѣлаете все такъ, какъ говорили?

Свирид. — Да, Елена Михайловна, я ходилъ къ священнику. Завтра поутру онъ повѣнчаетъ насъ. Прямо изъ церкви сядемъ въ коляску и уѣдемъ!

Ел. Мих. — (*со слезами*) Илюдоръ Николаичъ, я не хочу такъ!

Свирид. — Елена Михайловна, то, что вы говорили объ этомъ, совершенная правда. Быть невѣстою — оставаться послѣ свадьбы въ обществѣ прежнихъ знакомыхъ, это очень тяжело для дѣвушки, которая не любитъ вѣтринничать.

Ел. Мих. — Нѣтъ, Илюдоръ Николаичъ, лучше я буду невѣстою.

Свирид. — Вы хотите быть невѣстою? Въ такомъ случаѣ, я долженъ быть женихомъ (*тихо обнимаетъ ее одною рукою и хочетъ поцѣловать*).

Ел. Мих. — (*хочетъ принять поцѣлуй, но вдругъ откачнувшись*) Нѣтъ, нѣтъ! Лучше когда нибудь послѣ.

Свирид. — Видите, какъ вамъ стыдно? Какъ же вы будете невѣстою?

Ел. Мих. — Правда. Пусть будетъ по вашему. (*Беретъ его руку, снимаетъ ее съ своей талии*). Илюдоръ Николаичъ, пожалуйста! Не надобно обнимать.

Свирид. — Вы милая дѣвушка, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — Для васъ должна быть милою, Илюдоръ Николаичъ; потому что очень люблю васъ. Я сама не рада, что не могу приласкать васъ.

Свирид. — Это именно оттого, что вы любите меня.

Ел. Мих. — (*смѣется*) Ахъ, разумѣется. Если бы вы видѣли, какъ я обнималась съ Сережею.

Свирид. — Значить, его вы не любили?

Ел. Мих. — Не смѣйте такъ говорить! (*Смѣется*). Съ вами нельзя говорить. И вотъ вамъ за это новость: я беру Хоненева въ посаженные отцы.

Свирид. — Елена Михайловна, но это неприятно вамъ.

Ел. Мих. — Илюдоръ Николаичъ: отецъ просилъ.

Свирид. — Нѣтъ, Елена Михайловна, мы не согласимся.

Ел. Мих. — Нѣтъ, я согласилась, Илюдоръ Николаичъ. Да онъ и не до такой степени неприятенъ мнѣ: онъ глупый, но дѣйствительно добрый.

Свирид. — Что жъ, Елена Михайловна, мнѣ самому съѣздить за нимъ?

Ел. Мих. — Нѣтъ, пусть ѣдетъ отецъ. Это тридцать верстъ. Чтобы я отпустила васъ на столько времени!

ЯВЛЕНИЕ 24.

Тѣ-же, Парадизовъ, Зиновьевъ.

Парад. — *(идетъ впереди, совершенно убитый. Зиновьевъ сзади, насмѣшливо показываетъ глазами на него Свиридову и дочери. Проходятъ въ переднюю молча).*

Парад. — *(за сценою сердито)* Прощайте, Михаилъ Петровичъ.

Зинов. — *(сухо).* Прощайте, Семень Клементьичъ.

Свир. — Сора. Я очень радъ. Этотъ человекъ не нравился мнѣ.

ЯВЛЕНИЕ 25.

Елена Михайловна, Свиридовъ, Зиновьевъ.

Зинов. — *(возвращаясь)* Нацѣловались, женихъ съ невѣстою?

Ел. Мих. — Нацѣловались, папаша. *(Свиридову)* Ахъ, какую правду вы говорите. Даже и онъ!

Зинов. — Ну, и при мнѣ подѣлуйте. Утѣшьте отца.

Ел. Мих. — Ахъ, папаша, некогда. Мнѣ надобно собираться въ дорогу, вы знаете.

Зинов. — Мало любишь Иліодора Николаича, Леночка; а то было бы время. Иліодоръ Николаичъ, да вы чего же глядите?

Свир. — Я гляжу того, какъ вы дадите мнѣ реестръ приданого.

Зинов. — А! Смѣется надъ старикомъ! Хорошъ женихъ! Невѣсту не цѣлуетъ, надъ нареченнымъ тестемъ смѣется. — А каковъ гусь. мой другъ-то, Семень-то Клементьичъ? Дай ему четыре тысячи займы подъ росписку! Вишь ты, съ чѣмъ подѣхалъ! — Да, а реестрецъ-то приданого. *(Серьезно)* Передумаль я, Иліодоръ Николаичъ: никакого приданого у Леночки не будетъ.

Ел. Мих. — И тѣмъ лучше, папаша. Я такъ и хотѣла просить васъ.

Свир. — *(обнимаетъ)* Благодарю тебя, Леночка, за то, что ты такъ думала обо мнѣ.

Ел. Мих. — Я знаю тебя, Иліодоръ. *(Сама цѣлуетъ его).*

Зинов. — Ахъ, вы дѣти, дѣти! Съ ними шути, они и вѣрятъ. Передумаль я, Иліодоръ Николаичъ; передумаль, только не совѣмъ такъ сказалъ. И радъ бы душою дать что нибудь за Леночкою, да не могу. Самъ ничего не имѣю, такое дѣло вышло. Вотъ. *(Подаетъ Свиридову бумагу. Свиридовъ, взглянувши, начинаетъ спокойно раздирать).*

Ел. Мих. — Что это такое? Постой, не рви! И я хочу прочесть. *(Наклоняется къ бумаге; взглянувъ)* Ахъ, папаша! Неужели вы такой гадкій! *(Читаетъ).*

„Краткая опись имущества, принадлежащаго дочери моей, Еленѣ:

„1. Деревня Иваново Подворье;

„2. Домъ въ городѣ, со всѣмъ находящимся въ немъ;

„3. Наличныхъ денегъ 8050 рублей.

„На что и совершаю дарственную запись“.

Да у васъ ничего не остается, папаша!

Зинов. — А жалованье-то, Леночка? Да и наличными оставилъ себѣ на расходы

рублей съ сотню. (*Свиридовъ между тѣмъ раздираетъ бумагу*).
Рвите! Не въ этой бумагѣ сила, въ документъ. Моя воля его совер-
шить. Помѣшать не можете.

Ел. Мих. — Папаша, да что жъ это вы съ ума сошли? Что за несчастная судьба
моя! Женихъ — сумасшедшій, отецъ — сумасшедшій. (*Смѣется*).

Зин. — Нѣтъ, Леночка. На отца ты напрасно говоришь: никакого сумасше-
ствія тутъ нѣтъ. Пошли у меня мысли, мысли... не могу я вынести
этой мысли, что не буду видѣть тебя. Когда все тутъ ваше, то можетъ
хоть почаще будете навѣщать здѣшнія мѣста.

Ел. Мих. — Папаша, этого не нужно. Илюдоръ выйдетъ въ отставку и будетъ
жить съ нами здѣсь. Мы съ вами не разстанемся (*обнимаетъ отца*).

Свирид. — Я такъ сдѣлаю, Михаилъ Петровичъ.

Зинов. — Оживили вы мое сердце, Илюдоръ Николаичъ (*обнимаетъ Свири-
дова*). Ни просить не смѣлъ, ни надѣяться. Тѣмъ меньше могъ ожи-
дать, что фабрику за глазами нельзя оставить.

Свирид. — Конечно, нельзя. Я поѣду, сведу счеты съ компаньонами, возьму свои
деньги, куплю здѣсь землю.

Ел. Мих. — Илюдоръ, ты уѣзжаешь?

Свирид. — На полтора мѣсяца, не больше, Леночка; надѣюсь, и того меньше.

Ел. Мих. — Такъ поѣзжай скорѣе, чтобы скорѣе вернуться.

Занавѣсъ падаетъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лица:

Михаилъ Петровичъ Зиновьевъ.
Елена Михайловна, его дочь.
Леонидъ Александрычъ Хоненевъ.
Максимъ Кириллычъ Горбылевъ.
Семень Клементычъ Парадизовъ.
Сергій Васильичъ Короваевъ; 25 лѣтъ. Бойкій.

Сцена первая.

(Черезъ пять дней).

Та-же комната.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Парадизовъ бѣжить изъ кабинета; за нимъ торопливо идетъ Зиновьевъ, наталкивается
на входящаго Короваева; съ жестомъ удивленія обнимаетъ его.

Зинов. — (*обнимая Коров.*) Сергій Васильичъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Я
ворочусь черезъ минуту; а Леночка дома. (*Кричитъ*) Леночка! Иди
сюда! Посмотри кто. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 2.

Короваевъ. Елена Михайловна.

Ел. Мих. — *(входитъ; какъ видитъ Короваева, бѣжитъ къ нему съ крикомъ)* Сережа! *(Кидается ему на шею и виситъ).*

Коров. — *(цѣлуя ее)* Такъ вотъ какъ встрѣчаешь меня, Леночка. Я признаюсь, ожидалъ не такого приѣма. Думалъ: покраснѣеть, будетъ держать себя застѣнчиво, какъ слѣдуетъ дѣвицѣ — съ молодымъ человѣкомъ. А она, два года не выдавшись, доживши до восемнадцати лѣтъ, облапила меня по прежнему. Когда такъ, извините, скажу, сударыня: таскать васъ на шеѣ, шея заболитъ; вы росту не маленькаго, милая дѣвица *(снимаетъ ее у себя съ шеи, ведетъ въ охапку, сажаетъ, садится самъ вполоть, держитъ руки въ рукахъ, все безъ умолку, говоря).* И отъ шестнадцатилѣтней отъ васъ было мнѣ отчасти огорченіе, по такому вашему нраву со мною; а теперь я не могу принять этого иначе, какъ за афронтъ молодому человѣку! *(Встряхиваетъ руки и серьезно).* Ну, какъ же ты поживаешь, Леночка, голубушка моя?

Ел. Мих. — Ахъ, Сережа, порадуйся за меня, мой милый: я выхожу замужъ; и знаешь ли...

Коров. — *(не давая договорить, свистѣтъ)* Ф-ф-ть. Такъ и есть! Афронтъ молодому человѣку, какъ нельзя того хуже. *(Передразнивая)* Порадуйся, выхожу замужъ! *(Съ комедіальнымъ азартомъ).* Да, что жь, милостивая государыня, сестрица, что-ли, я дался вамъ, что вы угощаете меня такими радостями?

Ел. Мих. — Лучше сестры, Сережа; да ты слушай, мой милый, кто мой женихъ; ну, угадай.

Коров. — Съ удовольствіемъ угадаю и безъ ошибки: я.

Ел. Мих. — Ахъ, Сережа, да ты не смѣйся. Ты порадуйся за меня; ты слушай, кто мой женихъ: твой пріятель Илюдоръ Никола...

Коров. — Свиридовъ?! *(Обнимаетъ ее)* Отъ души поздравляю, Леночка. *(Цѣлуются).* Милая ты моя, радъ, радъ за тебя. Да стой! Какъ онъ попалъ сюда? Какъ проѣхалъ черезъ Москву, не справившись обо мнѣ? Вотъ, я задамъ ему звону! Не желай и злomu татарину, Леночка, попасть въ такую расправу, какъ я ругать буду. Ты тогда лучше уходи, а то жаль будетъ тебѣ его.

Ел. Мих. — Да онъ справлялся о тебѣ, когда проѣзжалъ черезъ...

Коров. — *(махнувъ рукою)* Оно точно. Искали и такіе, которымъ понужнѣе было найти, да не отыскивали. Подлецы эти кредиторы, Леночка, самый отвратительный народъ. Никогда не шей себѣ, Леночка, ни сапоговъ, ни какого мужского платья въ кредитъ, — вотъ тебѣ совѣтъ мой *(Елена Михайловна вскакиваетъ и бѣжитъ)* опытности. Да куда ты?

Ел. Мих. — Сейчасъ, Сережа! *(Убѣгаетъ; возвращается; подовая портъ-моне).* Вотъ, Сережа, это мой.

Коров. — Что ты, мать моя? Ты прежде спросила бы. Ну, да хорошо; давай. *(Беретъ портъ-моне; раскрывая)* Сколько тутъ?

Ел. Мих.—Сто семь рублей, Сережа.

Коров. —Семь рублей оставляю, сто беру (*вынувъ деньги, кладетъ семь рублей назадъ*). Спасибо тебѣ (*вынимаетъ свой бумажникъ, кладетъ ея деньги туда, вынимаетъ оттуда сторублевую бумажку, кладетъ въ ея портъ-моне*). А вотъ на ихъ мѣсто. Видишь, не отказался (*отдаетъ ей портъ-моне*).

Ел. Мих.—Да какъ же, Сережа, когда ты говорилъ, что прожилъ всѣ деньги, а у тебя ихъ много.

Коров. —А, длинная исторія, Леночка. Краткій же смыслъ ея: когда не осталось никакихъ ресурсовъ бездѣлничать, разсудилъ, что пора сдѣлаться почтеннымъ человѣкомъ, какимъ ты и имѣешь удовольствіе видѣть меня (*кланяется важно*).

Ел. Мих.—Тебя вижу, Сережа, а почтеннаго человѣка не вижу.

Коров. —Твое зрѣніе обманываетъ тебя, душа моя. Да гдѣ же твой Свиридовъ? Посылай за нимъ; подавай его мнѣ сюда, удушить.

Ел. Мих.—(*впадая въ элегическій тонъ*) Онъ уѣхалъ въ Петербургъ, Сере...

Коров. —Устроить свои дала передъ свадьбой? У него тамъ доля въ чьей-то фабрикѣ, кажется? Чтожь это значить,—сюда, что-ли, переселяется?

Ел. Мих.—Да, Сережа; и уже шестой день...

Коров. —Какъ уѣхалъ. И до сихъ поръ нѣтъ. Долго! По нашему въ Петербургъ съѣздить въ пять минутъ?

Ел. Мих.—Нѣтъ, Сережа, не смѣйся; но если бы ты зналъ...

Коров. —Въ какомъ ты горѣ? Вижу. Да что-жь ты не плачешь? Ты плачь.

Ел. Мих.—Ахъ, Сережа! какъ тебѣ не стыдно смѣяться!

Коров. —Какой тутъ смѣхъ, мать моя! Самъ вмѣстѣ съ тобой ударился бы въ слезы, да только вотъ некогда чемоданъ развязывать; а то вынулъ бы (*Елена Михайловна начинаетъ толкать его, чтобы остановился и далъ ей договорить*) дюжину платковъ, уѣдлись бы мы съ тобою и какой отличный ревъ могли бы поднять: ы-ы (*прикладываетъ платокъ къ глазамъ и хнычетъ*).

Ел. Мих.—(*толкая сильнѣе*) Сережа, да ты постой дурачиться. (*Онъ все воетъ*) Сережа, ты видишь, я хочу спросить тебя. (*Онъ останавливается*). Ты сказалъ: не будешь развязывать чемодана,—что жъ это? Уѣзжаешь? Только что показался и уѣзжаешь? А я думала, ты къ намъ надолго.

Коров. —Вовсе поселюсь у васъ. Но теперь только на три, четыре часа, только заѣхалъ повидаться съ тобою; считай, во сколько веретъ сдѣлалъ крюкъ: ѣду въ Волчекъ. Недѣли черезъ три вернусь и тогда примусь утѣшать тебя, если этого нехристя еще не будетъ. Видишь ли, другъ мой Леночка, разсудивши, какъ я тебѣ сказалъ, сдѣлаться почтеннымъ человѣкомъ...

ЯВЛЕНИЕ 3.

Тѣ-же, Хоненевъ, Зиновьевъ.

Хонен. —Елена Михайловна, добраго здоровья. На перепутьѣ—только взглянуть на васъ...

- Ел. Мих. — (*жметъ ему руку*) И выпить моей вишневки, не правда-ли? Не отъ пуцу васъ безъ того. Сю минуту (*хочетъ уйти*).
- Хонен. — (*удерживая*) Погодите. Прежде скажите, что женихъ?
- Ел. Мих. — Женихъ измѣнилъ. До сихъ поръ ни одной строчки. Когда вернется, я выпарапаю ему глаза.
- Хонен. — Вы умѣете парাপаться?
- Ел. Мих. — О, страшно! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 4.

Хоненевъ, Зиновьевъ, Короваевъ.

- Хонен. — Что это за милая дѣвушка ваша дочь, Михаилъ — Эмм...
- Зинов. — Михаилъ, сынъ Петровъ.
- Хонен. — Петровичъ! — очень милая; и до такой степени, какъ будто бы даже воспитывалась въ хорошемъ обществѣ. А это? (*указывая на Короваева*) вашъ родственникъ, или знакомый?
- Зинов. — Это, Леонидъ Асександ...
- Коров. — Позвольте, Михаилъ Петровичъ, я самъ отрекомендую себя, если это необходимо. — Комисіонеръ по здѣшнему торговому району отъ фирмы Скараманга и К^о, Короваевъ.
- Хонен. — (*протягивая руку*) Очень пріятно познакомиться.
- Коров. — Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?
- Хонен. — Здѣшній помѣщикъ, Хоненевъ.
- Коров. — Очень пріятно познакомиться (*беретъ и жметъ руку*).
- Хонен. — А вы, какъ вижу, не здѣшній?
- Коров. — Нѣтъ, я выросъ здѣсь.
- Хонен. — (*хлопаетъ глазами*) Амम्म... (*мнется, чтобы сказать*) Амम्म...
- Коров. — Вы, можетъ быть, удивляетесь, какъ же я не зналъ васъ? Нѣтъ, я зналъ. Но въ Петербургѣ, въ Москвѣ такъ принято.
- Хонен. — Ггггда, ггггда... Надѣюсь... надѣюсь, мы будемъ съ вами дѣла...
- Коров. — Дѣла? Пожалуй. Теперь я ѣду побывать на пристаняхъ, поговорить съ купцами, въ особенности, съ братьями Сапожниковыми.
- Хонен. — Да, братья Сапожниковы, — да, братья Сапожниковы, — какъ же, какъ же.
- Коров. — Съ такими милліонами и фирма Скараманга и К^о не должна быть въ контрѣ, вы понимаете.
- Хонен. — Да, да!
- Коров. — А когда вернусь, то уже отъ васъ будетъ зависѣть, будемъ ли мы съ вами имѣть дѣла! Я всегда готовъ. Но закупка у меня въ нынѣшнемъ году маленькая: здѣсь не можетъ быть большихъ закупокъ. Отъ пристаней далеко. Можно покупать лишь на столько, чтобы не подымать цѣны, — не искать, а пока упрашиваютъ: „сдѣлай милость, возьми“. Но если вамъ угодно начать со мною дѣло, я очень радъ. Купить все изъ однѣхъ рукъ, — тѣмъ меньше хлопотъ.
- Хонен. — Да... Итакъ вы, пожалуйста, ко мнѣ первому (*протягиваетъ руку*).

- Коров. — (*беретъ*). Извольте.
- Хонен. — Я такъ и буду ждать. — А вы, какъ видно, занимались изученіемъ торговаго положенія здѣшняго края?
- Коров. — Благодаря начальству, прожилъ здѣсь много лѣтъ.
- Хонен. — Были присылаемы на казенный счетъ для изученія здѣшняго края?
- Коров. — Нѣтъ. Въ пятомъ классѣ гимназіи побилъ инспектора. Выгнали. Вернулся на родину. Прожилъ четыре года, поѣхалъ въ Москву, въ университетъ. Пробылъ тамъ годъ, случилась студенческая исторія. Выгнали. Вернулся на родину, прожилъ два года. Думалъ, забыли; поѣхалъ въ Москву. Не забыли; не приняли. Не допустили бъ и до экзаменовъ, если бъ явился. Предвидя это, я и не являлся. Прожилъ два года, прожился. Тогда растолковалъ одному пріятелю, пріятель написалъ Скарамангъ, что я хорошо знаю этотъ край, благодаря начальству...
- Хонен. — (*хохочетъ*). Благодаря начальству—ха, ха, ха!.. Благодаря начальству,—ха, ха, ха!..

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ-же, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — Идите туда закусывать: у меня довольно прислуги; и козачекъ и лакей, и горничная, но, по обыкновенію, некому подать закуску: горничная пропала, лакей на ногахъ не стоитъ, козачекъ измарался такъ, что въ два часа не отмоеся. А сама столбовая дворянка не можетъ подать. Идемъ же (*беретъ Короваева подъ руку*).

Хонен. — (*встаетъ*). Елена Михайловна, вы знаете: благодаря начальству!

Ел. Мих. — Что такое?

Хонен. — Ха, ха, ха! это очень мило: благодаря начальству, Елена Михайловна!..

(*Идутъ направо: Короваевъ и Елена Михайловна подъ руку, впереди; Хоненевъ за ними; сзади Зиновьевъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Зиновьевъ, Парадизовъ.

Парад. — (*просовывается въ дверь изъ передней, когда Елена Михайловна и Короваевъ ушли, а Хоненевъ уходитъ*) Кхе, кхе (*слышка кашляетъ*).

Зинов. — (*оглядывается, останавливается*).

Парад. — (*входя*) Что, братецъ ты мой, каково?

Зинов. — Хорошо, Семенъ Клементьичъ.

Парад. — То то же!

За сценою реветъ и хохотъ Хоненева: „Благодаря начальству, ха, ха, ха“.

Парад. — А гдѣ Горбылевъ?

Зинов. — Чать тутъ гдѣ нибудь. Ужь и Богъ его знаетъ, какъ это онъ видитъ:

чуть экипажъ чей нибудь къ воротамъ, онъ ужь и тутъ, — глупъ, глупъ, а понимаетъ, что послѣ гостей останется ему доѣхать что нибудь хорошее. — Ну, ты извини, Семень Клементычъ: мнѣ надо туда.

Парад. — Не держу. Мнѣ только про Горбылева-то. (*Зиновьевъ идетъ направо*). Дверь-то за собою притвори, да не совсѣмъ.

(*Зиновьевъ дѣлаетъ такъ. Парадизовъ подкрадывается къ щелкѣ, заглядываетъ и прислушивается*).

(*За сценою ревъ и хохотъ Хоненева*) Благодаря начальству, ха,-ха,-ха!

(*Парадизовъ при этомъ ревѣ сострадательно качаетъ головою и сладко улыбается. Опять прислушивается. Вдругъ отбѣгаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ 7.

Парадизовъ, Коровасвъ.

Коров. — (*быстро входя*) Чѣмъ вы здѣсь занимаетесь?

Парад. — Дожидаюсь хозяина. Больше ничемъ не занимаюсь.

Коров. — Кто вы такой?

Парад. — Неужели не вспомните Парадизова, Семена Климентыча, Сергѣй Васильчъ? — Давно, а видывались частенько.

Коров. — (*перемѣняя тонъ*) А! И узналъ бы васъ, если бъ ожидалъ, что могу увидѣть васъ опять здѣсь. Но я слыхивалъ въ Москвѣ, какъ прекрасно вели вы свои дѣла. Какъ же вы смогли разстаться съ первопрестольною, Семень Клементычъ?

Парад. — (*вздыхая*) Зависть злыхъ людей.

Коров. — (*треплетъ по плечу*) Понимаю, Семень Клементычъ, злобу человѣческую. Самъ страдалъ за правду. Что-же, значить: какъ въ Пензѣ, въ Симбирскѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ, такъ и въ Москвѣ: злые люди выхлопотали запрещеніе быть ходатаемъ?

Парад. — (*возводя глаза къ небу*) Хуже! въ Москвѣ люди еще злѣе. Суди между ними и мною Царь небесный! Я прощаю; но Онъ, правосудный, не проститъ! Въ тѣ разы хотя частицу спасалъ отъ алчныхъ! Въ Москвѣ, Сергѣй Васильчъ, до послѣдней нитки обобрали, до послѣдней! Вотъ какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами говорю: пріѣхалъ сюда, рубль восемьдесятъ одна копейка оставалась! И не взирая на всѣ эти пожертвованія, пасквиль такой наложили, какого никогда на себѣ не имѣлъ и не перенесъ-бы, если бы не подкрѣпилъ самъ Господь силу моего духа!

Коров. — Сердечно сожалью, Семень Клементычъ. Что же вы теперь думаете?

Парад. — Вотъ, желаю быть отрекомендованъ отъ Михаила Петровича Леониду Александрычу, не поручить ли мнѣ какихъ дѣлишковъ. Да вы ему нужный человѣкъ, Сергѣй Васильчъ? Порекомендуйте, сдѣлайте Божескую милость.

Коров. — Съ удовольствіемъ, Семень Клементычъ. Все, что могу; потому что самъ страдалъ, знаю. Не могу ли быть полезенъ еще чѣмъ нибудь?

- Парад. — Обь этомъ покорнѣйше прошу васъ, Сергѣй Васильичъ: отрекомендуйте Леониду Александрычу.
- Коров. — Только обь этомъ?
- Парад. — Больше ничего не желаю, Сергѣй Васильичъ. Другого ничего не имѣю въ виду, какъ передъ Богомъ.
- Коров. — А что, если я скажу вамъ, Семень Клементьичъ: услуга за услугу? — Я васъ рекомандую Хоненеву, а вы мнѣ помогите у Михаила Петровича: деньги-то у него лежать даромъ, хоть и небольшія, но все же лучше бы пустить въ оборотъ; не правда ли? Какъ вы обь этомъ думаете?
- Парад. — *(складывая руки)* Сергѣй Васильичъ, помилуйте, какъ передъ Богомъ, чиста моя душа отъ такой мысли!
- Коров. — Когда съ вашей стороны нѣтъ дружеской откровенности, Семень Клементьичъ, то извините. До пріятнаго разговора. *(Уходитъ)*.
- Парад. — *(вслѣдъ ему)* У, бестія! Въ душу хотѣлъ влѣзть, аспидъ! *(Опять начинаетъ залядывать и прислушиваться, но осторожнѣе)*. ♦
(За сценою опять ревъ и хохотъ Хоненева) Благодаря начальству, ха-ха-ха!

ЯВЛЕНИЕ 8.

Парадизовъ, Горбылевъ.

- Горбыл. — *(крадется изъ передней, нюхая и облизываясь, и потихоньку рычитъ)* м-э-э-м...
- Парад. — *(оглядывается; отходитъ къ нему)* А, это ты, Максимушка! А мнѣ тебя-то и надо. Сладко пахнетъ?
- Горбыл. — *(улыбляется)* Сладко-съ.
- Парад. — А о пензенскихъ трактирахъ-то слыхивалъ, Максимушко?
- Горбыл. — Какъ же-съ; всегда слушаю, когда про нихъ рассказываютъ. *(Осклабляется еще шире)*.
- Парад. — Какъ же въ нихъ пахнетъ? Поди, чать еще слаще?
- Горбыл. — Еще слаще-сть! *(Переминается отъ живовити воображенія)*.
- Парад. — А не хочешь ли ты, Максимушко, пожить въ Пензѣ мѣсяць, другой, въ тамошнихъ трактирахъ и завтракать, и полдничать, и обѣдать, и ужинать, сколько въ брюхо влѣзетъ?
- Горбыл. — Какъ бы не хотѣть-съ.
- Парад. — Это можно. Ты человѣкъ не глупый, такъ ли?
- Горбыл. — Такъ-съ.
- Парад. — Мнѣ такіе люди надобны. Пошлю тебя въ Пензу, по моимъ дѣламъ. Дамъ тебѣ, кромѣ прогоновъ, семьдесятъ пять рублей впередъ.
- Горбыл. — Давайте-съ. А дѣла-то какія же? Я здѣсь никакими дѣлами не утруждаюсь; только жалованье беру-съ. А впрочемъ, я всякія могу дѣлать-съ, лишь бы не много-съ. Потому что у меня здоровье слабое-съ. Всѣ говорятъ: „Нѣжная комплекція“, — даже смѣются-съ. А мнѣ-то и на руку-съ, дѣловъ-то не дѣлать-съ.
- Парад. — Это дѣло будетъ не во вредъ комплекціи, Максимушко. Только ходить по трактирамъ, покуда я самъ пріѣду. Да и послѣ то же.

Горбыл. — На это я согласенъ-съ.

Парад. — Ладно. Такъ ступай теперь на кухню, пока понадобится. А теперь мнѣ тутъ надо побыть одному. У меня дѣло.

Горбыл. — Хорошо-съ (*Уходитъ*).

(*Парадизовъ занимается прежнимъ. Отскакиваетъ и торопливо, на цыпочкахъ, скрывается въ кабинетъ*).

ЯВЛЕНИЕ 9.

Хоненевъ, Зиновьевъ, Елена Михайловна, Короваевъ.

Хонен. — Итакъ, до свиданья, Елена Михайловна. Денька черезъ четыре поѣду въ Симбирскъ; хоть и не по пути, нарочно заѣду и тогда посижу.

Ел. Мих. — (*весело, дружески*) Заѣзжайте, Леонидъ Александрычъ.
(*Хоненевъ уходитъ, Зиновьевъ провожаетъ его*).

ЯВЛЕНИЕ 10.

Елена Михайловна, Короваевъ.

Коров. — А дѣйствительно, добрый малый этотъ индюкъ.

Ел. Мих. — Сережа, какъ тебѣ не стыдно было насмѣхаться надъ нимъ?

Коров. — Что жъ за грѣхъ, душа моя, когда онъ и не воображаетъ, что надъ нимъ смѣются?

Ел. Мих. — Нѣтъ, Сережа, мнѣ было жаль его. Правда, онъ не очень уменъ, но онъ благородный человѣкъ. Вотъ я расскажу тебѣ, какъ мы познакомились...

Коров. — (*перебивая*). А знаешь ли что, Леночка, пойдемъ-ко мы съ тобою прокатиться, а? — Часа два еще ждать обѣда; успѣемъ прокатиться до Липовой Горы.

Ел. Мих. — Счастливая мысль, Сережа!

Коров. — На дорогѣ ты мнѣ все и расскажешь.

Ел. Мих. — Прекрасно, Сережа. Бѣгу, вѣлю запрягать (*убѣгаетъ направо*).

Коров. — (*запускаетъ руки въ карманъ и ходитъ, посвистывая*).

ЯВЛЕНИЕ 11.

Короваевъ, Зиновьевъ.

Зинов. — (*возвращаясь*) А, такъ вотъ какъ вы устроились, Сергѣй Васильичъ! Слава Богу!

Коров. — Покуда особенно благодарить Его еще не за что. Агентство неважное. Развѣ завести здѣсь крупчатку, на крупчатой мукѣ дальность провоза можетъ наверстаться. Но то, когда еще будетъ. А теперь — съ процентными и со всѣмъ тѣсячи полторы рублей, не больше. Столько-

то можно бы получить и въ Москвѣ. Я сюда больше по старой памяти. А очень радъ я за Леночку, Михайль Петровичъ. Что, нѣтъ у васъ тутъ другихъ такихъ дѣвушекъ? Ей Богу, женился бы, какъ бы нашлась такая милая. Да найдется! Были бы глаза, порядочную дѣвушку можно найти. Пока не испорчены старшими, многія очень милы. А кстати, о старшихъ! (*Нарочно громче*) — какъ вы пускаете къ себѣ этого мерзавца Парадизова? Берегитесь, пока меня нѣтъ: не обчистилъ бы онъ вамъ карманы! Когда вернусь...

ЯВЛЕНИЕ 12.

Тѣ-же, Парадизовъ.

Парад. — (*кашляетъ и входитъ съ очаровательной улыбкой*).

Коров. — Вотъ, кстати. Мы именно о васъ и говорили, Семень Клементычъ, — вы не слышали?

Парад. — Нѣтъ, не слышалъ.

Коров. — Ну, я очень радъ: потому что мало ли что говорится о человѣкѣ за глаза? Въ глаза довольно будетъ сказать одно: если я, возвратившись изъ поѣздки, о которой вы слышали?

Парад. — Слышалъ-съ

Коров. — Какъ же вы слышали? отъ кого? когда? — Ну-съ, хорошо; я говорю: если я, вернувшись, узнаю, что вы запускали ручку въ карманъ Михайлу Петровичу, то согну васъ въ бараній рогъ, будьте на этотъ счетъ спокоенъ. Вы слышали, я здѣсь по дѣламъ отъ миллионеровъ; вы человѣкъ опытный, должны понимать, что полиція будетъ на моей сторонѣ, а не на вашей.

Парад. — (*подымая руки къ небу*) Помилуйте, Сергѣй Васильчичъ! Истиннымъ Богомъ моимъ свидѣтельствуюсь, что напрасно вы вооружились противъ меня. Какъ младенецъ въ утробѣ матери, такъ я чистъ передъ Михайломъ Петровичемъ! Божьѣ моей не вѣрите, спросите у самого Михаила Петровича. Михайль Петровичъ, скажи!

Зинов. — (*мнется*).

ЯВЛЕНИЕ 13.

Тѣ-же, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — Лошади готовы; ѣдемъ, Сережа. (*Уходитъ съ Коровьевымъ*).

ЯВЛЕНИЕ 14.

Парадизовъ, Зиновьевъ.

Парад. — (*складывая руки ладонями*). Изобидѣлъ! Изобидѣлъ! Азь же, яко глухъ, не слысахъ, и яко нѣмъ, не отверзохъ устъ моихъ во пререканіе! Помяни, Господи, кротость мою, егда придеши во царствіи своемъ! (*Жалобно*) И тебѣ не грѣхъ, Михайль Петровичъ, не заступился.

Зинов. — *(мнется)*.

Парад. — Я противъ тебя имѣю виды! Прошу ли я у тебя хоть копѣйку? При всей недостаточности моей, не я ли вхожу въ расходы для твоей пользы? На однихъ почталіоновъ уже восемнадцать рублей вышло. Самъ знаешь, не прихвастываю: три письма отъ него своими глазами ты видѣлъ. Горбылева теперь посылаю, въ Пензу—семьдесятъ пять ему въ руки, кромѣ прогоновъ. Это что? — уже за сотню! А впереди-то сколько можетъ быть еще? Ничего не требую. Будешь благодарень — твоя воля. Не будешь — помянется мнѣ на томъ свѣтѣ доброе дѣло. Кликни Горбылева-то.

Зинов. — *(вздыхаетъ и молчитъ)*.

Парад. — Что?

Зинов. — Семень Клементычъ, совѣстно какъ-то.

Парад. — Чего совѣстно?

Зинов. — Передъ Леночкою.

Парад. — Да ты о чьей пользѣ заботишься? о своей или для нея? Кого хочешь замужь-то выдать, себя или ее? Ей милліоны предоставляешь; а тебѣ самому какая прибыль?

Зинов. — Это такъ; для нея, не для меня.

Парад. — Ну такъ что-же?

Зинов. — *(молчитъ)*.

Парад. — Сколько ей лѣтъ-то?

Зинов. — Восемнадцать.

Парад. — Что она можетъ понимать?

Зинов. — Это-то оно такъ.

Парад. — Отецъ ты ей, или нѣтъ?

Зинов. — Это конечно; долженъ заботиться.

Парад. — Войдетъ въ разсудокъ, проклинать тебя будетъ, что не сдѣлалъ ты этого! — Зови Горбылева-то.

Зинов. — Покажи.

Парад. — Читай *(подаетъ четвертушку сърой бумаги)*.

Зинов. — *(читаетъ отдѣльными фразами, съ перерывами)*... „Леонидъ Александрычъ сдѣлалъ предложеніе“... „Она своему слову измѣнить не хочетъ“... „Михаилъ Петровичъ утѣшаетъ ее, говорить, съ вами будетъ счастливѣе, пусть не плачетъ“... „Она со дня на день все больше плачетъ“... „Пріѣзжайте поскорѣе, а то она дастъ слово Леониду Александрычу“...

Парад. — Ну, чѣмъ не хорошо?

Зинов. — Оно точно; такъ хорошо, какъ я и не думалъ.

Парад. — Ну, зови Горбылева-то.

Зинов. — *(молчитъ и мнется)*.

Парад. — Ну, что же?

Зинов. — А какъ обнаружится?

Парад. — Затѣмъ и отсылаю его въ Пензу, чтобы не могло обнаружиться. Ну, какъ оно обнаружится? Я сказалъ тебѣ: никакъ не можетъ.

- Зинов. — Оно точно не можетъ. Ну, а все таки, если обнаружится?
- Парад. — Экій ты человѣкъ, Михайлъ Петровичъ!
- Зинов. — *(вздыхаетъ и молчитъ)*.
- Парад. — Ну, пускай и обнаружится, хоть не можетъ. Пускай! А тебѣ-то что? Не ты писалъ, Горбылевъ. Твое дѣло тутъ сторона. Ты и знать-то не зналъ.
- Зинов. — Да онъ знаетъ, что Горбылевъ дуракъ.
- Парад. — И тѣмъ лучше. Божій человѣкъ, безъ хитрости; да и къ дочери-то твоей привязанъ; да и къ Свиридову-то. Какое же тутъ можетъ быть сомнѣніе у Свиридова. Такъ-ли? Какое же тутъ можетъ быть сомнѣніе у Свиридова. А къ тому же времени и депеша отъ тебя придетъ, то и вовсе не можетъ оставаться никакого сомнѣнія. Ну, и пришлетъ отказъ: „не стѣсняю“.
- Зинов. — Ну, вотъ видишь: депеша отъ меня будетъ, — какъ же я-то въ сторонѣ?
- Парад. — Да было ли тебѣ говорено или нѣтъ? Мною, не тобою будетъ послана депеша. Я злоупотребилъ твоимъ именемъ, только и всего. Ты знать не зналъ.
- Зинов. — Такъ-то оно такъ.
- Парад. — Ну, зови же.
- Зинов. — *(молчитъ и вздыхаетъ)*.
- Парад. — Ну что же?
- Зинов. — А какъ обнаружится?
- Парад. — Не человѣкомъ быть надо, ангеломъ, чтобы съ тобою говорить, Михайлъ Петровичъ!
- Зинов. — Да оно такъ; а ежели выйдетъ не такъ?
- Парад. — Какъ оно выйдетъ не такъ, что?
- Зинов. — А какъ онъ не пришлетъ отказа, а поѣдетъ сюда, по твоему зову.
- Парад. — Михайлъ Петровичъ, образумься. Было говорено объ этомъ. Понимаешь самъ, пустое говоришь. {
- Зинов. — А какъ пріѣдетъ?
- Парад. — Какъ онъ можетъ пріѣхать? Не понимаешь ты его, что-ли? Даже лучше напишетъ, нежели я тебѣ предрекаю. Потому это такой народъ: какъ ты ни понимай его, а онъ еще дальше твоихъ мыслей хватаетъ. Потому, понятія о благородствѣ у него совсѣмъ не тѣ. }
- Зинов. — Хорошо, когда бы такъ вышло, какъ ты говоришь.
- Парад. — А какъ же не выйдетъ-то? Семень Клементычъ, что обѣщаетъ, значить вѣрно. А какъ же не выйдетъ-то? Всегда мои слова оправдываются. Ты вспомни: ты вздумалъ попробовать не разстроишь ли ихъ, отказавши въ приданомъ. Я тебѣ говорилъ: „не подѣйствуетъ“. Ну что же? Подѣйствовало? Только обнялись крѣпче, какъ, можетъ, и не обнимались. Видишь, ты своими мыслями только вредилъ самому себѣ. А я тебѣ сказалъ: „отдавай все свое состояніе, не бойся, не возмуть, а подѣйствуетъ въ твою пользу“, — и подѣйствовало.
- Зинов. — Это точно.
- Парад. — То-то же. Семень Клементычъ знаетъ, гдѣ съ какой стороны прі-

ударить, какъ съ какимъ человѣкомъ поступить. Потому у него всегда, что обѣщано, то и выходитъ; даже лучше обѣщаннаго.

Зинов. — Хорошо, какъ бы такъ.

Парад. — Какъ-же не такъ-то? Сейчасъ-то что было? Я тебѣ обѣщаль только: зови Хоненева, не откажется, а онъ, вишь ты, хочетъ каждый разъ заѣзжать, и нарочно крѣжъ дѣлать; такъ или нѣтъ? Не тебѣ его ловить, самъ липнетъ и уже прилипъ. Такъ ли?

Зинов. — Это такъ.

Парад. — То-то же! Опять я тебѣ говорилъ: она фыркать не будетъ, приметъ его учтиво, а она къ нему даже съ ласкою, такъ-ли?

Зинов. — Это точно.

Парад. — То-то же! У Семена Клементыча всегда лучше того выходитъ, что онъ обѣщаетъ, потому что его слова всегда самыя осторожныя. Зови Горбылева-то.

Зинов. — (молчитъ).

Парад. — Эхъ, человѣкъ! Чего ты боишься-то?

Зинов. — (вздыхаетъ и молчитъ).

Парад. — Эхъ, люди, люди! (Вздыхаетъ, идетъ къ двери въ переднюю и кричитъ) Максимушко! Тутъ что-ли?

(За сценою голосъ Горбылева „тутъ“ и топотъ его, бѣгущаго).

ЯВЛЕНИЕ 15.

Тѣже, Горбылевъ.

Парад. — (вынимая бумагу, въ листъ) Вотъ и просьба о твоёмъ отпускѣ, Максимушко, ѣхать въ Пензу, подписывай.

Горбыл. — (садится, подписываетъ... Встаетъ).

Парад. — (вздыхаетъ) Максимушко, ты видишь, что тутъ дѣлается?

Горбыл. — Вижу-съ.

Парад. — Хоненевъ повадился сюда ѣздить, отобьетъ Елену Михайловну у Илюдора Николаича.

Горбыл. — Отобьетъ-съ.

Парад. — Хорошо ли это будетъ? Видишь, Михайл Петровичъ точно убитый отъ этого? Жаль ему Илюдора-то Николаича.

Горбыл. — Жаль-съ.

Парад. — И тебѣ жаль, Максимушко?

Горбыл. — И мнѣ-съ; потому что онъ хорошій человѣкъ и подарилъ мнѣ 25 рублей-съ.

Парад. — Надо предупредить его, чтобъ онъ поскорѣе пріѣхаль.

Горбыл. — Надо-съ.

Парад. — Такъ ты напиши ему.

Горбыл. — Что-же-съ?

Парад. — Да вотъ, садись-ко, пиши (подкладываетъ четвертушку и почтовую бумагу). Видишь, и Михайл Петровичъ желаетъ.

Горбыл. — (садится).

Занавѣсъ падаетъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Черезъ двѣ недѣли.

Та-же комната.

ЯВЛЕНИЕ 1.

Зиновьевъ (сидитъ, курить трубку, озабоченный. Входитъ Парадизовъ).

Парад. — Ну, что дочь?

Зинов. — Слава Богу. Вчера вечеромъ даже книжку читала.

Парад. — То-то же. Я тебѣ говорилъ: какъ рукой сниметъ. Значитъ, она и выѣхать кататься можетъ.

Зинов. — Можетъ.

Парад. — Тѣмъ и лучше. Такъ велико своихъ гнѣдыхъ-то запрягать поскорѣе, да увози ее, чтобы мнѣ свободнѣе поговорить съ нимъ. Онъ съ минуты на минуту здѣсь будетъ, Хоненевъ-то.

Зинов. — Да зачѣмъ увозить-то ее?

Парад. — Сказалъ я тебѣ: чтобы мнѣ съ нимъ свободнѣе переговорить. Да ступай ты, Христа ради, вели лошадей-то запрягать. Послѣ распросишь; и самъ расскажу.

Зинов. — (*уходитъ; возвращается*). Какъ же ты будешь говорить съ нимъ?

Парад. — А вотъ какъ, Михайль Петровичъ: при его гордости, скоро ли можно это сдѣлать, чтобы онъ сказалъ тебѣ, чего ты желаешь?

Зинов. — Это я понимаю, Семенъ Клементычъ. При его гордости надобно время. Хотъ бы въ мѣсяць, какъ ты общалъ, и то хорошо.

Парад. — Такъ?

Зинов. — Такъ.

Парад. — (*торжественно*) Слушай же мои слова, Михайль Петровичъ: уѣдешь ты съ нею прокатиться, вернешься черезъ часикъ времени и услышишь ты отъ него, чего желаешь.Зинов. — (*въ восторгъ и невѣріи*) Ну, будто такъ?Парад. — (*протягиваетъ ему руку*). Вотъ тебѣ моя рука: такъ?

Зинов. — Да неужто можешь такъ скоро?

Парад. — Мое слово вѣрно. И больше того сдѣлаю, что общаю. Но то пусть будетъ тебѣ въ пріятную неожиданность. Впередъ говорю только: вернешься ты черезъ часикъ времени и услышишь отъ него, чего желаешь.

Зинов. — Будетъ онъ у меня руки Леночкиной просить? Формальное предложеніе сдѣлаетъ?

Парад. — Такъ. Да лошади-то не готовы ли? (*Уходитъ; возвращается; садится*). Ну, другъ, сейчасъ будутъ готовы. Самъ ты человекъ умный. учить тебя нечего, какъ тебѣ съ нимъ держать себя: самъ понимаешь, отказомъ ты огорченъ; отъ него и не ждешь предложенія.

Зинов. — Конечно, такъ. И виду ему не покажу.

Парад. — Такъ. (*Погружается въ грустное размышленіе*). Эхъ, молодость

молодость! Судить по наружности! По наружности человѣкъ не поправился и ненависть къ нему, и прячясь отъ нея, когда для нея же стараешься. (*Вздыхаетъ*). Ну, да пойметъ со временемъ, кому больше всѣхъ, послѣ отца, обязана своимъ счастьемъ. Будетъ благодарна. (*Встаетъ*). Зови ее, чать лошади-то уже готовы. (*Уходитъ въ кабинетъ*).

Зинов. — (*кричитъ*) Леночка!

ЯВЛЕНИЕ 2.

Зиновьевъ, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — (*убита горемъ. Движенія медленныя. Голосъ безжизненный*) Вы звали меня, папаша? Или мнѣ такъ показалось?

Зинов. — Звалъ, душа моя Леночка. А у тебя въ головѣ-то еще шумъ, видно? Болитъ головка?

Ел. Мих. — Немножко, папаша.

Зинов. — Тебѣ надо развлечь себя, душа моя Леночка.

Ел. Мих. — Хорошо, папаша.

Зинов. — Не хочешь ли прокатиться? Я и лошадей велѣлъ запретъ.

Ел. Мих. — Хорошо, папаша.

Зинов. — Такъ бери шляпку. (*Елена Михайловна уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 3.

Зиновьевъ, Парадизовъ.

Парад. — (*просовывается. Шопотомъ*) Видишь? Что ты, то и она. На все согласна.

Зинов. — Это точно.

Парад. — Безъ упрямства.

Зинов. — Это такъ.

Парад. — То-то же. Я тебѣ говорилъ. Отъ нея сопротивленія не будетъ. (*Прячется*).

ЯВЛЕНИЕ 4.

Зиновьевъ, Елена Михайловна (*въ шляпѣ и верхнемъ платьѣ*).

Зинов. — Готова, душа моя Леночка? И прекрасно. Пойдемъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ 5.

Парадизовъ (*одинъ садится, выпинаетъ бумаги, пересматриваетъ, но разсѣянно, безпрестанно прислушивается, склоняясь къ створѣ оконъ. Прячетъ бумаги и становится*).

ЯВЛЕНИЕ 6.

Парадизовъ, Хоненевъ.

Хонен. — (*входитъ*). А, это вы? Гдѣ же наши добрые хозяева?

Парад. — Сейчасъ будутъ, Леонидъ Александрычъ. Вы изволили слышать? Женихъ отказался.

- Хонен. — Не можетъ быть! (*Садится*). Неужели отказался?
- Парад. — Такъ точно, Леонидъ Александрычъ. Четвертаго дня Михаилъ Петровичъ и Елена Михайловна получили отъ него по письму. Чистый отказъ, Леонидъ Александрычъ. Наотрѣзъ.
- Хонен. — Я душевно огорченъ. Впрочемъ, этого и слѣдовало ожидать.
- Парад. — Такъ точно, Леонидъ Александрычъ. Слѣдовало ожидать, если вы такъ изволите говорить.
- Хонен. — Я только молчалъ, чтобы не тревожить дурными предвѣщаніями, можетъ быть напрасными; потому что и умнѣйшій изъ насъ можетъ ошибаться, не правда ли?
- Парад. — Такъ точно, Леонидъ Александрычъ; но умные люди рѣдко ошибаются.
- Хонен. — Совершенно согласенъ. Тѣмъ не менѣе, скажу: душевно огорченъ. Да что же вы стоите? Садитесь, пожалуйста.
- Парад. — Покорнѣйше благодарю, Леонидъ Александрычъ. (*Садится*).
- Хонен. — Какъ же, столько времени не писалъ; обратили ль вы вниманіе на это обстоятельство?
- Парад. — Не пришло въ голову, Леонидъ Александрычъ. А теперь, по вашимъ словамъ, вижу.
- Хонен. — Обращу ваше вниманіе на другое обстоятельство: сколько мнѣ извѣстно, человѣкъ низкаго происхожденія всегда носитъ печать неблагородства въ чувствѣ своего ума, или, можно сказать, въ понятіяхъ своего чувства. — Онъ, я полагаю, или изъ мелкихъ дворянъ, или изъ чиновничьихъ или купеческихъ дѣтей; чего жъ вамъ еще? — Этого довольно, и предовольно. Отъ людей подобнаго происхожденія странно было бы ждать благородныхъ поступковъ.
- Парад. — Точно такъ, Леонидъ Александрычъ. Потому я, какъ имѣю уваженіе къ Еленѣ Михайловнѣ, душевно сожалѣлъ о такомъ выборѣ.
- Хонен. — Да. Но она, я полагаю, совершенно убита?
- Парад. — Разстроена, Леонидъ Александрычъ. Но, Впрочемъ, гораздо меньше, нежели можно бы полагать, не зная истинной причины.
- Хонен. — А истинная причина, по вашему мнѣнію, состоитъ въ чемъ же?
- Парад. — Какъ я человѣкъ мало извѣстный вамъ, Леонидъ Александрычъ, и потому...
- Хонен. — Совершенно согласенъ. Теперь помню даже, что не знаю, кто вы такой.
- Парад. — (*вставая*) Отставной коллежскій секретарь Парадизовъ.
- Хонен. — А! Прекрасно. Да садитесь. Что стоять-то?
- Парад. — Покорнѣйше благодарю, Леонидъ Александрычъ. (*Садится*). При такой малой извѣстности моей, и потому не могли удостоенъ быть вашего довѣрія, долженъ я заслужить его...
- Хонен. — Совершенно согласенъ.
- Парад. — (*продолжая*)... полною съ моей стороны откровенностью. Какъ не можетъ быть, чтобы вы не видѣли этого, Леонидъ Александрычъ, именно истинныхъ чувствъ ея, то есть, Елены Михайловны (*поглядываетъ ему въ глаза, выжидая*).
- Хонен. — Мм-да.
- Парад. — (*продолжая*)... относительно васъ, Леонидъ Александрычъ, именно,

что ея мысли послѣ знакомства съ вами перемѣнились и онъ, то есть, женихъ, это видѣль, и потому, что жь ему оставалось?—то есть, какъ на счетъ его отъѣзда, такъ и самаго отказа?

Хонен. —Мм-да!.. (*вынимаетъ сигару, вертитъ, зажигаетъ, куритъ и вертитъ*). Мм-да!

Парад. —И какъ вы не могли не видѣть этого, Леонидъ Александрычъ...

Хонен. —Совершенно согласенъ.

Парад. —Но какъ и человѣкъ мало извѣстный вамъ, то и не могъ я пользоваться вашимъ довѣріемъ въ разговорѣ.

Хонен. —Такъ. Согласитесь, могъ ли я говорить?

Парад. —То и желаю заслужить ваше довѣріе, какъ показавши вамъ, что мнѣ все это извѣстно, именно, что причина самаго отъѣзда была въ этомъ, и что отецъ говорилъ ей: „Ты дала слово Илюдору Николаичу Свиридову, и должна соблюсти“, и она, какъ дѣвушка благородная...

Хонен. —Совершенно согласенъ.

Парад. —... отвѣчала отцу, что я, милый батюшка, должна свое слово соблюсти, хотя бъ и была оттого несчастна. И хотя бы она соблюла свое слово, чѣмъ же могло это кончиться, Леонидъ Александрычъ, если молодая женщина, вышедши замужъ, видитъ человѣка, болѣе заслуживающаго?—то есть, относительно мужа. И какое же будетъ его положеніе?

Хонен. —Мм-да.

Парад. —И онъ, какъ человѣкъ съ понятіемъ, видитъ: гдѣ же ему противъ васъ?—не можетъ. И потому не могу ничего другого, какъ возвратить ей свободу. И какъ вы теперь видите, Леонидъ Александрычъ, что мнѣ все это извѣстно, то позвольте мнѣ быть откровенну съ вами, потому что имѣю къ ней полное мое уваженіе за ея понятіе о васъ, именно, какъ вы сами изволили сказать, что это самая благородная дѣвушка. (*Ждетъ, глядя въ глаза*).

Хонен. —Совершенно согласенъ. (*Вертитъ сигару*). Совершенно согласенъ. (*Молчитъ. Мычитъ, начиная понимать, и потомъ, важно*) Мм-да. Совершенно согласенъ. Тѣмъ не менѣе прибавлю: неужели она разсчитываетъ, что ей удастся, чтобы я женился на ней?

Парад. —Я даже не могу правильно понять этого, Леонидъ Александрычъ, то есть, въ какомъ смыслѣ вы изволили сказать; какъ человѣкъ небойкаго ума не всегда можетъ понимать. Потому, имѣю смѣлость просить вашей помощи.

Хонен. —Извольте. Прежде всего, я спрошу васъ: кто я и кто она?

Парад. —Это точно, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. —И потому, спрошу васъ: могу ли я жениться на ней? Это было бы, какъ бы смѣшать золото съ грязью, не правда ли?

Парад. —Истинно изволили сказать, Леонидъ Александрычъ. Но какъ вы сами изволили выразиться, что она дѣвушка съ самыми благородными чувствами, то она и не могла думать объ этомъ, Леонидъ Александрычъ; такъ я вижу. Только отецъ могъ не понимать, что ея мысли о васъ самыя бдагородныя, какъ онъ дуракъ, потому и противился влеченію ея души. А она, Леонидъ Александрычъ, очень правильно чувствуетъ,

кто вы и кто она, и какая это честь пользоваться вашей любовью. И я не могу, Леонидъ Александрычъ, осуждать, что у нея такое чувство къ вамъ.

Хонен. — Вы понимаете правильно. Этого нельзя осуждать.

Парад. — И какъ вы могли полагать, что я говорю съ вами какъ бы со стороны ея отца, потому и должны были такъ со мною говорить; но когда вы позволили мнѣ объяснить, что я собственно по моей жалости къ чувству благородной дѣвушки, какъ при нынѣшнемъ ея душевномъ состояніи, которое вамъ извѣстно лучше, нежели кому нибудь, именно, что она сначала испугалась по своей неопытности, да и привыкла любить жениха, а потомъ стала понимать, и хотя теперь огорчена его отказомъ, но какъ это лишь отъ привычки и должна она скоро успокоиться и быть этому рада, и какъ вамъ это извѣстнѣе...

Хонен. — Позвольте, я объясню вамъ. Въ ея сердцѣ или, можно сказать, душѣ, была любовь. Потомъ, она пристрастилась ко мнѣ. Но къ прежнему была привычка и, сверхъ того, прошу васъ обратить вниманіе на одно обстоятельство: она молода и неопытна; потому, въ ея душѣ борятся два чувства: одно, которое съ каждымъ днемъ уменьшается, а другое, которое съ каждымъ часомъ растетъ, и потому, хоть она не могла не огорчиться, но это скоро пройдетъ.

Парад. — И ея отецъ хочетъ мѣшать ея счастью только потому, что вы не можете жениться на ней. Другъ онъ мнѣ; но скажу — дуракъ.

Хонен. — Поэтому и мѣшалъ счастьемъ дочери. Человѣкъ не дальняго ума; этимъ все сказано.

Парад. — И какъ вы теперь видите, Леонидъ Александрычъ, что я по жалости къ благороднѣйшей дѣвушкѣ, то неужели это можно допустить, Леонидъ Александрычъ, что вы позволите ему губить ее, — именно, что отъ глухой жестокости родителей эти примѣры не рѣдки, что дѣвушка можетъ даже умереть? Не могу я такъ судить о вашей душѣ, Леонидъ Александрычъ. Чтобы когда нибудь вы могли поступать съ подобными ему дураками иначе, нежели какъ они того заслуживаютъ, именно, что съ глупымъ человѣкомъ не спорить, а говорить ему, какъ того требуетъ его глупость, лишь бы не мѣшалъ счастьемъ дѣвушки, какъ у васъ и должны были быть подобные случаи, когда вы изволили служить въ лейбъ-гусарахъ, именно, что съ дураками поступать какъ съ дураками.

Хонен. — Съ дураками и нельзя поступать иначе, какъ съ дураками.

Парад. — Отвести ему глаза, Леонидъ Александрычъ? Такъ ли я понимаю?

Хонен. — Такъ.

Парад. — Это значитъ, я правильно понялъ вашу мысль, Леонидъ Александрычъ: дать ему денегъ подъ какимъ нибудь предлогомъ, хоть бы на заводъ какой, что ли, сказавши ему, какъ онъ желаетъ по своей глупости. — Такъ ли я понялъ вашъ намекъ, Леонидъ Александрычъ: отвести ему глаза?

Хонен. — Вы поняли правильно.

Парад. — И вы полагаете, Леонидъ Александрычъ, какъ я сужу по вашимъ словамъ, что съ нимъ все это можно сдѣлать теперь же, а съ нею объяснить, когда ея разстройство пройдетъ, значитъ, черезъ денекъ или

два; осмѣливаюсь спросить: не рано ли это будетъ, черезъ денекъ или два, Леонидъ Александрычъ?

Хонен. — Это мы посмотримъ. Но я думаю, денька черезъ два не будетъ рано. Согласитесь, это огорченіе должно скоро пройти. Такъ я сузу по моей опытности. Когда я служилъ въ лейбъ-гусарахъ, были подобные случаи. И въ особенности, одно происшествіе совершенно такое же. Тоже дѣвушка съ самыми правильными понятіями ума и можно сказать сердца... (*Парадизовъ вскакиваетъ*). Что такое?

Парад. — Возвращаются, Леонидъ Александрычъ. Чтобы онъ не замѣтилъ, Леонидъ Александрычъ, меня въ разговорѣ съ вами. (*Идетъ въ кабинетъ*).

Хонен. — Какъ же вы спрячетесь то? Тамъ есть дверь?

Парад. — Черезъ окно придется, Леонидъ Александрычъ (*скрывается*).

Хонен. — Остроумно. (*Вслѣдъ ему*) Вотъ какъ, по гусарски, черезъ окно!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Хоненевъ, Елена Михайловна, Зиновьевъ.

Хонен. — Елена Михайловна, какъ ваше здоровье?

Ел. Мих. — (*жметъ ему руку*) Благодарю васъ, добрый Леонидъ Александрычъ. Я совершенно здорова. Какъ вы поживаете? Проголодались? Сейчасъ будетъ готова закуска (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Хоненевъ, Зиновьевъ.

Хонен. — (*пожимая руку Зиновьеву и садясь*) Скажите, Михаилъ Петровичъ: мнѣ кажется, Елена Михайловна нѣсколько опечалена; — чѣмъ?

Зинов. — (*садясь*) Отказался женихъ. (*Вздыхаетъ*). Такой прекрасный человекъ, казалось! Ужъ какъ я былъ радъ за Леночку! Вы самъ видѣли мою радость, Леонидъ Александрычъ. И вдругъ такое происшествіе! Совсѣмъ убило меня! (*Вздыхаетъ и опускаетъ голову*).

Хонен. — Что же, развѣ для Елены Михайловны не можетъ найтись женихъ и гораздо лучше?

Зинов. — Гдѣ же, помилуйте, Леонидъ Александрычъ?

Хонен. — Что вы скажете, напримѣръ, обо мнѣ?

Зинов. — (*съ видъ крайняго изумленія выпяливаетъ глаза и молчитъ*).

Хонен. — (*добродушно*) Я спрашиваю, Михаилъ Петровичъ: что вы скажете, напримѣръ, обо мнѣ, если бы я представился вамъ въ качествѣ жениха?

Зинов. — (*будто не вѣря своимъ ушамъ*) Какъ вы изволили сказать, Леонидъ Александрычъ? Я, должно быть, ослышался?

Хонен. — Нисколько.

Зинов. — Господи, Творецъ Небесный! (*Всплескиваетъ руками, забывая внушительную роль*). Благодарю Тебя, Создатель Милосердый. (*Кричитъ*) Леночка! (*Бросается обнимать Хоненеву*).

Хонен. — (*обнимая и потомъ усаживая*) Говорить съ нею я самъ выберу

время, когда состояніе ея мыслей позволить это. Какъ благородный человѣкъ, я не хотѣлъ оставлять васъ ни на минуту въ неизвѣстности.

ЯВЛЕНИЕ 9.

Тѣ-же, (входитъ) Елена Михайловна.

Хонен. — Михаилъ Петровичъ напрасно потревожилъ васъ, Елена Михайловна. Онъ только безпокоился относительно закуски, такъ какъ вы сама, конечно, не можете заглянуть въ кухню...

Зинов. — Пожалуйста, загляни сама, Леночка.

Хонен. — Никакъ! Вы еще не совсѣмъ здорова. Кухонный воздухъ можетъ повредить вамъ.

Зинов. — Ты не ходи на кухню, Леночка. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ повредить.

Ел. Мих. — Хорошо, папаша (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 10.

Хоненевъ, Зиновьевъ.

Хонен. — Вы видите, она еще разстроена. Говорить съ нею теперь было бы не деликатно. Я самъ выберу время и для этого проживу здѣсь въ городѣ денекъ, два, — какъ тамъ будетъ надобно. Теперь я хотѣлъ только не оставлять васъ ни на минуту въ неизвѣстности о моихъ намѣреніяхъ. И какъ будущему родственнику, мнѣ должно быть съ вами безъ церемоній. Вы позволите?

Зинов. — Помилуйте, Леонидъ Александрычъ. Какія же церемоніи.

Хонен. — Я ѣхалъ на именины князя Ивана. Тамъ будетъ игра. Я хотѣлъ держать банкъ, по ихъ просьбѣ, какъ у нихъ меньше средствъ, и взялъ съ собою 25.000. Но какъ теперь остаюсь, не ѣду, то деньги оказываются лишнимъ бременемъ для меня. Согласитесь, я не могу допустить, чтобы мой тестъ продолжалъ жить не соотвѣтственно будущему имени своей дочери. Прошу васъ (*подаетъ ему пачку*). Эта незначительная сумма...

Зинов. — (*пряча руки*) Помилуйте, Леонидъ Александрычъ!

Хонен. — Между нами не можетъ быть церемоній или мы поссоримся. (*Беретъ его руки и насильно отдаетъ деньги*).

Зинов. — Леонидъ Александрычъ! Право, я не знаю, какъ и благодарить васъ.

Хонен. — Никакъ. Эта незначительная сумма — началъ я — недостаточна для пѣли, которую я указалъ. Но къ сожалѣнію, это все, чѣмъ я могу располагать въ настоящую минуту. Черезъ нѣсколько дней, дамъ вамъ средства болѣе соотвѣтственныя. Когда вы ждете сестрицу съ бородой? (*Хохочетъ. Зиновьевъ вторитъ*).

Зинов. — По времени, какъ онъ говорилъ, ему слѣдуетъ быть дня черезъ три, черезъ четыре, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. — Сестрица съ бородой! (*Хохочетъ; Зиновьевъ вторитъ*). Хотѣла быть у меня у перваго для покупокъ. Она облегчитъ у меня свои карманы

и тогда вы не откажетесь принять отъ меня еще пятьдесятъ тысячъ. Будемъ молиться Богу, чтобы скорѣе прѣѣхала сестрица...

ЯВЛЕНІЕ 11.

Тѣ-же, Елена Михайловна (въ дверяхъ)

Ел. Мих. — По обыкновенію, некому подать закуску, добрый Леонидъ Александръчъ. Идите самъ сюда (*Идетъ обратно. Хоненевъ за нею. Зиновьевъ хочетъ идти за нимъ. Но изъ кабинета выходитъ Парадизовъ, на ципочкахъ бѣжитъ, кашляетъ, чтобы остановить Зиновьева*).

ЯВЛЕНІЕ 12.

Парадизовъ, Зиновьевъ.

- Парад. — (*тихо*) Кхе, кхе! (*Зиновьевъ останавливается*). Получилъ?
- Зинов. — Да, Семень Клементьичъ. Буду благодаренъ тебѣ.
- Парад. — Когда?
- Зинов. — Вотъ, кончивъ все это дѣло.
- Парад. — Такъ-то, другъ?
- Зинов. — Такъ.
- Парад. — Нѣтъ, милый другъ, не такъ. Давай-ко сюда, что получилъ. Тебѣ обѣщано еще вдвое. Я тебя не обижаю.
- Зинов. — Двадцать пять тысячъ дать тебѣ? Въ своемъ ли ты умѣ, братецъ?
- Парад. — Въ своемъ, другъ ты мой. Я свель, я могу и развести. Словечкомъ однимъ, въ моментъ. Войду къ нимъ туда, скажу ей, какъ дѣло было — удержишь ты ее? Злодѣемъ своимъ назоветъ тебя, уйдетъ изъ дому, пошлетъ по телеграфу Свиридову, — такъ ли?
- Зинов. — (*дрожитъ*). Семень Клементьичъ... Семень Клементьичъ...
- Парад. — Я съ тобою по дружески, а ты со мною вотъ какъ! Нѣтъ, братецъ ты мой! Я многого не требую. Подавай эти, да тѣ восемь тысячъ, которыя у тебя въ шкатулкѣ, я и доволенъ. Остальными пользуйся безъ раздѣла.
- Зинов. — Семень Клементьичъ, помилуй. Какъ, и тѣ восемь тысячъ? Я-то съ чѣмъ же останусь?
- Парад. — А зятъ-то? На дняхъ пятьдесятъ тысячъ получишь. И потомъ сколько ты будешь получать отъ него? Кого ты хныканьемъ-то хочешь обмануть? Не своими ушами я слышалъ, онъ тебѣ что говорилъ? Чтобы жить тебѣ соотвѣтственно такому зятю? Это что? Мало, мало тысячъ по двадцати въ годъ будетъ давать.
- Зинов. — Семень Клементьичъ, помилуй!
- Парад. — Нечего мнѣ миловать-то тебя. Я тебя не обижаю. Больше бы могъ требовать; но доброе сердце мое — врагъ мой.
- Зинов. — Семень Клементьичъ...
- Парад. — (*идетъ къ двери во внутреннія комнаты*). Дашь, или нѣтъ? (*Берется за ручку*).

- Зинов. — Стой, Семень Клементычъ! Иди сюда!
- Парад. — Даешь или нѣтъ?
- Зинов. — Даю, Семень Клементычъ. (*Вынимаетъ пачку*).
- Парад. — (*не спѣша, отпускаетъ ручку двери, отходитъ ближе къ Зиновьеву*). Иди, неси и тѣ. (*Не спѣша беретъ пачку, разстеливаетъ сюртукъ, кладетъ пачку въ карманъ, оставляетъ сюртукъ разстелнутымъ*). Иди же, неси.
- Зинов. — Семень Клементычъ, тѣ мои кровныя.
- Парад. — Ну, такъ что? Двадцати пяти тысячъ не жаль, восьми тысячъ жаль! Дуракъ!
- Зинов. — Семень Клементычъ, тѣ мои кровныя.
- Парад. — Дуракъ! (*Беретъ его за руку, ведетъ къ кабинету*). Мало будешь получать отъ зятя?
- Зинов. — (*упираясь*) Да ты и послѣ будешь все такъ же вытягивать изъ меня?
- Парад. — Дуракъ! Что я могу противъ тебя, когда они будутъ повѣнчаны?
- Зинов. — Да ты только такъ говоришь!
- Парад. — Дуракъ, ты пойми!
- Зинов. — Ну, такъ по крайней мѣрѣ все отнимешь, что я до свадьбы-то отъ него получу.
- Парад. — (*вынимаетъ бумагу, развертываетъ, показываетъ*). Это что? — Гляди. Подорожная въ Петербургъ. Стану я тутъ жить съ вами дураками. Мало поприще для моего ума; въ столицу духъ мой стремится. Изъ одной изгнали, въ лучшую спѣшу. Когда въ Москвѣ нажилъ полтораста тысячъ, что же въ Петербургѣ? Тамъ поприще шире! Туда стремлюсь. Съ этими деньгами и погоню всякую остановлю, и пасквиль съ себя сниму. (*Кладетъ подорожную въ карманъ*). Иди же, неси.
- Зинов. — Да ты обманываешь.
- Парад. — (*качаетъ головою. Сострадательно*) Эхъ, человекъ! (*Беретъ за руку, ведетъ къ окну. Отворяетъ окно*). Михеичъ! (*Къ Зиновьеву*) Видишь?
- Зинов. — Это точно... лошади...
- Парад. — (*качаетъ головою*). Дуракъ ты, дуракъ!
- Зинов. — Такъ и-въ-правду уѣзжаешь?
- Парад. — (*качаетъ головою и молчитъ. Въ окно*) Сиди на облучкѣ, не слѣзай. (*Затворяетъ окно. Зинов.*) Ну, иди же, подавай. (*Беретъ его за руку*)
- Зинов. — Семень Клементычъ, тѣ мои кровныя.
- Парад. — (*качаетъ головою*) Иди! (*Ведетъ въ кабинетъ. Зиновьевъ по-двигается, упираясь*).
- Зинов. — (*упираясь*) Семень Клементычъ... кровныя...
- Парад. — (*успѣвая нѣсколько подвигать его*) Мямля ты, мямля, другъ ты мой. (*Подвигаются къ дверямъ кабинета. Два удара въ окно. Мгновенно Парадизовъ на ципочкахъ отбѣгаетъ отъ Зиновьева, застегивая сюртукъ*). Ну, чортъ съ тобою, мямля! (*Убѣгаетъ въ переднюю, но въ ту же секунду опять входитъ и стоя въ двери*) Ну, поди сюда. Сердце-то у меня доброе, старая дружба заговорила
- Зинов. — (*глядитъ со страхомъ*).

- Парад. — Подходи скорѣе, некогда мнѣ. Стукомъ-то этимъ время у меня отнято. Иди сюда, не бойся.
- Зинов. — *(подходитъ)*.
- Парад. — Не выпустилъ бы я тебя изъ рукъ, Михаилъ Петровичъ, это ты правильно понималъ. Да и зятка бы твоего нареченнаго прибралъ къ рукамъ. Но при этомъ аспидъ, дочери-то твоей другъ, нѣту мнѣ расчета оставаться здѣсь, — этого ты не понялъ, другъ мой, потому и обижалъ меня несправедливымъ сомнѣніемъ. Уѣзжаю, другъ. *(Вздыхаетъ)*. Слушай же. Хочу соблюсти твою пользу. Онъ съ минуты на минуту здѣсь будетъ, аспидъ-то. Стукомъ-то этимъ дано мнѣ знать, въ Канадеи пріѣхалъ. Ну, тамъ люди вѣрные; постромки будутъ рваться по дорогѣ, время у тебя еще можетъ достать. Воспользуйся. Съ Хоненевымъ сторгуйся хорошенько. Сторговавшись и выпроводьте этого аспида поскорѣе въ Хоненевскія помѣстья, хлѣбъ смотрѣть. Тамъ пусть его попридержатъ. Понимаешь?
- Зинов. — *(хлопаетъ глазами. Похлопавъ)* Какъ же ты это говоришь? Это что же?
- Парад. — Такъ. Зятя развѣ даютъ выкупъ за невѣсть? Мы не татаре, другъ. У насъ отцамъ деньги даютъ только, когда дочерей въ любовницы берутъ.
- Зинов. — *(хватается за голову, опускаясь и раскрывая ротъ. Парадизовъ закрываетъ ему ротъ рукою)*.
- Парад. — *(заботливо закрывая ему ротъ)* Не кричи. Она услышитъ. Можетъ догадаться. Тогда ты пропащій человекъ.
- Зинов. — *(опускается на стулъ)*.
- Парад. — Другъ ты мой, я и на то билъ, чтобъ онъ женился. Рыло воротить, осель. Значить, одна тебѣ дорога, эта самая. И если разсудишь, можешь понять: это даже и лучше для тебя. Отъ зятьевъ какой доходъ? Отъ дочернихъ любовниковъ какіе доходы бываютъ, — видишь.
- Зинов. — Господи, Господи!
- Парад. — И честь со временемъ возстановится. Такіе люди сразу не женятся на такихъ дѣвушкамъ; а, подержавши въ любовницахъ, могутъ.
- Зинов. — *(стараясь не возвышать голоса)* Безбожникъ ты этакій, подлець!
- Парад. — *(спокойно)* Что? Хочешь, крикну дочь то? — Мнѣ теперь все равно: больше не получить. Лошади-то тутъ. Крикну, да и уѣхалъ.
- Зинов. — *(опускаетъ голову еще ниже)*.
- Парад. — То-то же. — Такъ слушай же, я по дружбѣ тебѣ говорю. Ты противъ меня со злобой, а я противъ тебя съ добромъ. Мое-то чувство лучше, другъ. — Выпроводивши этого аспида, ты ее попринудь, или штуку подведи какую, — питья соннаго дай, или какъ тамъ этакъ. Безъ этого, другъ мой, нельзя; потому что она еще глупа.
- Зинов. — *(не подымая головы)* Какъ же я противъ совѣсти...
- Парад. — Это, другъ мой, вовсе нейдетъ къ дѣлу. Ты не во вредъ ей, а въ пользу. Войдетъ въ разсудокъ, благодарна тебѣ будетъ. — Ну, другъ: самъ ты счастливъ будешь; дочь твоя и того больше; современемъ и женою его сдѣлается, если умна будетъ. Оба счастливы будете;

помните: черезъ мой умъ счастье получили. Можетъ, еще и свидимся когда. А теперь, — ну, прощай, другъ. (*Съ чувствомъ жметъ руки неподвижно сидящему Зиновьеву и уходитъ*).

Зинов. — (*сидитъ, какъ пришибленный*) Господи, Господи! (*Кладетъ голову на руки*) Господи, Господи! (*Сидитъ такъ. Слышитъ шаги Хоненева, встаетъ и устраиваетъ улыбку*).

ЯВЛЕНИЕ 13.

Зиновьевъ. Хоненевъ. Елена Михайловна.

Зинов. — Какова была закуска, Леонидъ Александрычъ?

Ел. Мих. — (*оживляющаяся тревогою за отца*). Что съ вами, папаша?

Хонен. — Да, что съ вами, Михаилъ Петровичъ? На васъ лица нѣтъ.

Зинов. — Такъ, немножко стукнуло въ голову, будто небольшой приливъ крови. А впрочемъ, ничего: теперь полегче.

Хонен. — Такъ я позабочусь о пикникѣ, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — Благодарю васъ, добрый Леонидъ Александрычъ.

Хонен. — (*Зиновьеву*) Мы собираемся устроить послѣ обѣда пикникъ, Михаилъ Петровичъ. Пригласимъ судью съ семействомъ, еще кто тутъ есть у васъ болѣе или менѣе изъ порядочнаго общества. (*Жметъ руки*). До свиданья, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — До свиданья, добрый Леонидъ Александрычъ. Благодарю васъ. (*Хоненевъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 14.

Елена Михайловна. Зиновьевъ.

Ел. Мих. — Что съ вами, папаша?

Зинов. — Такъ. Немножко будто дурно сдѣлалось, Леночка. Пойду, отдохну, и совѣмъ пройдетъ. (*Дѣлаетъ шагъ, останавливается, обнимаетъ ее*). Леночка ты моя милая! Жалко мнѣ тебя; а чѣмъ пособить? — Охъ! (*Вздыхаетъ. Стоитъ*). Ну, я пойду, отдохну, Леночка. (*Идетъ въ кабинетъ. Елена Михайловна за нимъ*). Ты куда же, Леночка?

Ел. Мих. — Я боюсь, не боленъ-ли вы. Вы ляжете; я посижу подлѣ васъ.

Зинов. — (*махая рукою*). Нѣтъ, не надо, Леночка. Я вздремну; не мѣшай мнѣ. Лучше позаботься о себѣ. Ты отворила бы окно, сѣла бы къ окну; — здѣсь — (*тверже прежняго, спокойнѣе*) здѣсь воздухъ-то свѣжѣе.

Ел. Мих. — Добрый папаша. (*Успокоиваясь за отца, впадаетъ въ прежнюю апатію*).

Зинов. — Да, да, тутъ воздухъ-то свѣжѣе, Леночка. Сядь тутъ къ окну.

Ел. Мих. — Хорошо, папаша. (*Идетъ къ окну. Зиновьевъ уходитъ. Она отворяетъ окно, садится. Сидитъ, положивъ локоть на окно, положивъ голову на руку. Вдругъ оживляется, встаетъ, идетъ къ двери передней*).

ЯВЛЕНИЕ 15.

Елена Михайловна. Короваевъ.

Ел. Мих. — *(падаетъ на шею Короваеву)* Милый мой Сережа, какъ я рада тебѣ!

Коров. — *(цѣлуетъ ее)*. Еще бы не была рада! Тогда я и не знаю, какъ разбуянился бы съ тобою. *(Ведетъ ее съ собою; ея голова на плечъ у него)*. Отъ сколькихъ обѣдовъ отказался, душа моя, да отъ какихъ отличнѣйшихъ, торопившись къ тебѣ. *(Сажаетъ ее и тутъ видитъ, какое убитое лицо у нея)*. Да что это ты, душа моя? Исторія, что ли, какая? Или ты больна? Да нѣтъ, какое нибудь огорченіе. Что такое? Не случилось ли чего съ твоимъ отцомъ?

Ел. Мих. — *(закрываетъ лицо руками)*. Сережа, Сережа! *(Голосъ перерывается отъ стоны)*. О-о-о... Сережа, Сережа! Пожалѣй обо мнѣ... *(Рыдаетъ)*.

Коров. — *(глядитъ ея волосы)*. Душенька моя, Леночка, что это съ тобою?.. *(Елена Михайловна перерываетъ его слова стонами)*. Ну, полно же, душа моя; стыдно плакать.

Ел. Мих. — Нѣтъ, Сережа; вотъ *(выдергиваетъ изъ-за корсета письмо, быстро кладетъ на стулъ и опять закрывается руками)*. Боже мой, Боже мой! Сережа, Сережа...

Коров. — *(беретъ письмо)*. Отъ Свиридова; что съ нимъ? *(Вынимая изъ конверта и развертывая письмо)*. Боленъ, что-ли? Опрокинулся въ дорогъ? *(Какъ взглядываетъ на строки)* Что за чортъ! *(Кладетъ письмо на столъ, встаетъ и ходитъ. Останавливается, беретъ письмо, читаетъ фразу за фразою, вдумываясь)*. „Елена Михайловна, я искренно любилъ васъ“ — гм! — „но обстоятельства, независіяція отъ моей воли“ — гм! — „принуждаютъ меня возвратить вамъ ваше слово“ — гм! — „и просить васъ освободить меня отъ слова, даннаго мною вамъ. И. Свиридовъ“. — Какъ ни читай, ничего не вычитаешь, кромѣ одного: это чортъ знаетъ что! — Раззорился? Это не важность. И не такимъ тономъ написалъ бы. Попалъ въ кашу? — Тоже не тотъ тонъ. Непонятная вещь, Леночка!

Ел. Мих. — *(тихо)* Нѣтъ, Сережа, это именно такъ, какъ ты и самъ думаешь.

Коров. — Просто-на-просто раздумалъ жениться? Бываетъ и это, Леночка; мерзавцы на свѣтѣ не въ дикови...

Ел. Мих. — *(вскрикиваетъ, все съ лицомъ, закрытымъ руками)* Сережа, не брани его. *(Рыдаетъ)*.

Коров. — Не буду, Леночка. *(Цѣлуетъ ея волосы)*.

ЯВЛЕНИЕ 16.

Тѣ-же. Зиновьевъ.

Зинов. — Сергѣй Васильчъ! *(Елена Михайловна при голосъ отца отираетъ слезы и, поцѣловавъ Короваева, старается держать себя бодрѣ)*. А ужъ какъ мы заждались-то васъ! Думаю: когда-то прѣдетъ Сергѣй Васильчъ? Выхожу, анъ Сергѣй Васильчъ ужъ тутъ!

Ну, слава Богу, слава Богу!—А съ Леночкою-то какое огорченіе!
Говорила она вамъ, бѣдная?

Коров. — Да.

Зинов. — (*беретъ шапку со стола*). Вы у насъ посидите, Сергѣй Васильичъ?
Я схожу на часочекъ.

Ел. Мих. — Папаша, вы идете? Какъ же можно! Съ вами было такъ нехорошо.
Нѣтъ, я не пущу васъ.

Зинов. — Нельзя, Леночка. Надобность.

Ел. Мих. — Да къ кому же вы? Что за надобность?

Зинов. — Съ судьей надобно повидаться. Необходимо. По службѣ.

Ел. Мих. — Судью можно попросить къ намъ.

Зинов. — Нѣтъ... Мнѣ надо пройти отъ него къ Леониду Александрычу.

Коров. — Индюкъ здѣсь? Прекрасно!

Ел. Мих. — Сережа, не называй его такъ.

Коров. — А ты все съ прежними чувствами къ нему, душа моя? Очень радъ; и
въ такомъ случаѣ пусть онъ не будетъ индюкъ.

Ел. Мих. — Сережа, не надобно смѣяться надъ нимъ. Онъ очень добрый. Если бы
ты слышалъ, какъ мило онъ... (*Зиновьевъ садится*).

Коров. — Чтобъ очень мило, этого не полагаю, душа моя.

Ел. Мих. — Какъ умѣлъ, Сережа, выражалъ участіе; все говорилъ о томъ, что
мнѣ нужно развлеченіе. Послѣ обѣда устраиваетъ пикникъ. Будетъ
весело (*а сама опять уныло опускаетъ голову*).

Коров. — Вечеромъ у васъ пикникъ? Превосходно! Будете кутить до ночи? Да
тыхвати при случаѣ стаканчикъ шампанскаго, душа моя: ей Богу,
это полез...

Ел. Мих. — Сережа...

Коров. — Ну, хорошо, душа моя. Но все таки, ты будешь между людьми. До
ночи, я думаю? — Отлично! — А я воспользуюсь тѣмъ временемъ,
съѣзжу, сторгуюсь съ управляющимъ индю... Ну, хорошо, душа моя,
не индюка. Теперь заѣду къ нему—нельзя же, для вида, будто и онъ
что-нибудь значить,—пообѣдаю съ вами; снаряжу тебя на пикникъ и
маршъ въ деревню, къ его управляющему! Къ утру и вернусь. По
справкамъ, думаю, куплю у индю... а, все подвертывается! Извини,
душа моя, — куплю у него все, что заказано, — и свободенъ, пока
придется принимать хлѣбъ на пристаняхъ; не буду отходить отъ тебя,
душа моя. И на пристани поѣдемъ вмѣстѣ, и Михаила Петровича
возьмемъ съ собою, — служба-то и безъ васъ обойдется, Михайлъ
Петровичъ, я полагаю, — беремъ его съ собою, Леночка? Такъ?

Ел. Мих. — Да, Сережа... При тебѣ я не буду плакать...

Коров. — Это и видно. Даже сама будешь развлекать меня?

Ел. Мих. — Да, Сережа (*старается улыбнуться*). Но это пройдетъ, Сережа.

Коров. — А ты думаешь, не пройдетъ, душа моя? Да еще какъ пройдетъ-то!
Такой плясъ подыместъ, что...

Ел. Мих. — Сережа...

Коров. — Ну, хорошо, душа моя, успокойся: никогда не пройдетъ, вѣкъ будетъ
горевать.

Зинов. — *(встает)*. Леночка, ты говоришь, Леонидъ Александрычъ пикникъ дѣлаетъ? Ну, такъ я и тогда успѣю увидѣть его. Не пойду.

Ел. Мих. — Да, лучше отдохните, папаша.

Зинов. — А вы для пикника-то не останетесь, Сергѣй Васильичъ?

Коров. — Нѣтъ; Леночка будетъ между людей, — лучше же мнѣ воспользоваться этимъ временемъ.

Ел. Мих. — Да, Сережа. Я буду много ходить и устану, и усну.

Коров. — Такъ, и будешь умна, душа моя. *(Зиновьевъ уходитъ изъ кабинетъ)*.

ЯВЛЕНИЕ 17.

Елена Михайловна, Короваевъ.

Ел. Мих. — *(кладетъ голову на плечо Короваеву)*. Сережа, какъ я рада тебѣ. Только не брани его, мой милый.

Коров. — И не подумалъ бы огорчаться за тебя, Леночка, будь онъ человѣкъ, отъ котораго можно бы ждать такой... такой... такого поступка... Но отъ него... Это непонятная вещь, душа моя.

Ел. Мих. — Очень понятная, Сережа. Развѣ я лучше всѣхъ? Онъ увидѣлъ, что ошибся во мнѣ. Мнѣ больно, Сережа; это правда. Но чѣмъ же онъ виновать?

Коров. — *(качаетъ головою)*. Леночка, моя милая, — ты не хорошо говоришь.

Ел. Мих. — Нѣтъ, Сережа, онъ не виновать.

Коров. — Нѣтъ, Леночка, быть такимъ легкомыслен...

Ел. Мих. — Не говори, Сережа.

Коров. — *(молчитъ)*. Одно объясненіе, Леночка: онъ юноша. Хоть почти ровесникъ мнѣ, но вѣтъ не такую жизнь. А право, какъ посмотришь: оно и лучше надурачиться молодому человѣку въ первую молодость, чтобы въ серьезные годы не дѣлать такихъ позвѣй.

Ел. Мих. — Нѣтъ, Сережа, не лучше. Ахъ, Сережа, какой онъ милый, если бы ты зналъ...

Коров. — Жили вмѣстѣ съ годъ; знаю, Леночка. Разумѣется, почти такой же милый, какъ вотъ ты, напримѣръ. Чистота сердца, — нѣтъ пошлыхъ воспоминаній, — все это прекрасно, не спорю. Оттого и впечатлѣніе совѣсьмъ не то. Хоть и не понимаетъ отчего, но чувствуетъ скромная дѣвушка, что въ такомъ человѣкѣ есть что-то родное ей самой. Все такъ, и все мило. Но видишь, какія вещи могутъ выходить изъ этого. Не выучился владѣть своимъ сердцемъ.

Ел. Мих. — Да, Сережа; только это. И это хорошо, Сережа. Ты видишь, онъ не виновать. Не осуждай его, мой милый.

Коров. — А если осуждать, то осуждать мнѣ только развѣ самого себя, Леночка. Можно бы и не уѣзжать въ Москву. Или можно бы вернуться пораньше — ну, хоть полгодомъ, — и ничего этого не было бы. Ей Богу, повѣнчались бы мы съ тобою и не думала бы ты теперь ни о чемъ; да и мнѣ тебя не было бы жалъ.

Ел. Мих. — Нѣтъ, Сережа, мы не повѣнчались бы. Ты и не думалъ объ этомъ, Сережа.

Коров. — Разумѣется, не думалъ, если уѣхалъ отъ тебя въ Москву жить, чортъ знаетъ какъ, и жилъ такъ, пока не пришло до зарѣза. Думать-то я не думалъ. А все-таки, если бы пріѣхалъ пораньше, повѣнчались бы мы съ тобой.

Ел. Мих. — Нѣтъ, Сережа, не повѣнчались бы, мой милый. Если бы ты пріѣхалъ раньше, было бы одно: я раньше вышла бы за кого-нибудь. Подлѣ тебя были бы хорошіе молодые люди; мнѣ понравился-бы кто-нибудь. (*Живо*) Нѣтъ, Сережа, никто не понравился бы. (*Опять смирно*) И при тебѣ было бы то же. Дождалась бы его. А не дождалась бы, только было бы то, что позже пошла бы въ монастырь.

Коров. — То все прекрасно, Леночка: родство душъ; пока не встрѣтится, кого должно полюбить, нельзя никого полюбить — пусть это экзальтація; все-таки, тутъ есть смыслъ. Но послѣднія твои слова, Леночка, глупость. Что за монастырь? Глупо, глупо, душа моя.

Ел. Мих. — Разумѣется, это лишнее. Такъ сказалось какъ-то. И не думала объ этомъ ни минуты, Сережа. (*Приподнимается отъ его плеча*).

Коров. — Ну, что жъ ты встаешь? Лежи такъ.

Ел. Мих. — Плечо, я думаю, устало держать, Сережа.

Коров. — Вздумала жалѣть мое плечо, потому что стала спокойнѣе, кажется?

Ел. Мих. — (*вздыхаетъ*). Да, Сережа. Легче на душѣ. Не съ кѣмъ было поговорить, мой милый... Знаешь ли, Сережа. Не нанимай себѣ квартиры; живи у насъ. Пожалуйста, мой милый.

Коров. — Хорошо, душа моя, хоть и не долюбиваю твоего отца. Кстати, о немъ. Хорошъ онъ съ тобою?

Ел. Мих. — Когда жъ онъ былъ дурень для меня, Сережа?

Коров. — Ну, и прекрасно, что онъ хоть отецъ-то хорошій, — какимъ былъ и всегда, впрочемъ.

Ел. Мих. — Ахъ, Сережа, какъ выходитъ и похвала у тебя...

Коров. — Ну, извини, душа моя. Не долюбиваемъ мы съ нимъ другъ друга, а приходится жить вмѣстѣ. Прежде, думалъ иначе: съ тобою вдвоемъ, можетъ быть, и придется жить, думалъ, когда ѣхалъ сюда, но опоздалъ, стало быть, это было пропащее.

Ел. Мих. — Не оттого, Сережа, опоздалъ, а оттого, что мы съ тобою слишкомъ привыкли смотрѣть другъ на друга, будто на родныхъ.

Коров. — Съ моей стороны этой задержки, пожалуй, и не было бы, душа моя, потому что я отчасти и отвыкъ.

Ел. Мих. — Нѣтъ, Сережа.

Коров. — Ей Богу, совсѣмъ отвыкъ, Леночка.

Ел. Мих. — Ахъ, ты мой милый, какъ ты врешь на себя (*обнимаетъ его*).

Коров. — Ей Богу, отвыкъ, душа моя (*цѣлуетъ*).

Ел. Мих. — (*смѣется*). Я нарочно затѣмъ и обнялась, чтобъ уличить тебя. Развѣ такъ поцѣловался бы ты съ чужою? Ахъ, Сережа (*голосъ перерывается*). Не такъ легко было... цѣловаться намъ съ Иліодоромъ Ни... (*не можетъ договорить отъ слезъ*).

Коров. — Правда-то оно правда, душа моя. А главное, не время говорить съ

тобою объ этомъ теперь... (*Молчатъ оба. Короваевъ, взглядывая въ сторону окна*). А кто это къ вамъ? Судейша съ дочерьми. Да.

Ел. Мих. — Ахъ, это онѣ идутъ условливаться о пикникѣ.

Коров. — И толкуйте, душа моя (*беретъ фуражку*). А я тѣмъ временемъ къ индю... ну, хорошо, пусть онъ не будетъ индюкъ, — потомъ пообѣдаемъ съ тобою, и ты на пикникъ, а я — въ деревню къ его управляющему, — и утромъ опять съ тобою.

(*Занавѣсъ падаетъ*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Черезъ недѣлю.

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ 1.

Зиновьевъ. Хоненевъ.

Хонен. — (*входя впопыхахъ*) Убѣжалъ! (*Бросается на стулъ*).

Зинов. — Убѣжалъ?

Хонен. — Убѣжалъ!

Зинов. — (*опускается на стулъ и остается убитымъ. Немножко опомнившись*) Да какъ же онъ убѣжалъ?

Хонен. — Выскочилъ въ окно.

Зинов. — (*постепенно оживляясь негодованіемъ*) Да какъ же могли упустить?

Хонен. — Ночь-то кака была? На аршинъ не видно. Какъ тутъ поймашь? Искали, искали, такъ и ушелъ!

Зинов. — Да какъ же онъ могъ выскочить? Было или нѣтъ сказано управляющему въ верхнемъ этажѣ держать? А? Что же это?

Хонен. — Такъ и держали. Выпрыгнулъ.

Зинов. — Да какъ же дали ему выпрыгнуть? Плохо стерегли. Вашъ управляющій виноватъ. Взыскать съ него.

Хонен. — (*мрачно*) Взыскивай, не взыскивай, не воротись.

Зинов. — Что же теперь намъ дѣлать? (*Суетится*). Господи, что намъ теперь дѣлать? (*Впадаетъ въ отчаяніе*). Господи, что теперь дѣлать? Парадизова-то нѣтъ! Онъ придумалъ бы... Господи, что мы теперь будемъ дѣлать?

Хонен. — (*медленно встаетъ*). Горе, Михайлъ Петровичъ... Чувствую теперь, привязался... Чувствую теперь... (*Опускается*). Горе...

Зинов. — Парадизовъ говорилъ: „попринудь“. — Господи! Не могу.

Хонен. — (*выпрямляясь*) Что вы сказали?

Зинов. — Парадизовъ совѣтовалъ: принужденіемъ — не могу, Леонидъ Александрычъ, не могу.

Хонен. — Насиліемъ? Нѣтъ! Подлость! Хоненевы никогда не дѣлали подлостей! (*Гордо встаетъ*). Взять въ любовницы насильно — подлость, не могу. (*Ходитъ*). Да, другого средства нѣтъ. Какъ я откажусь отъ нея?

(Ходитъ). Нѣтъ! А все равно, когда такъ! Это съ Хоненевыми было. (Махнувъ рукою) Зовите ее, Михайль Петровичъ.

Зинов. — (хлопая глазами, вскакиваетъ) Приказываете звать, Леонидъ Александрычъ. Ее-то? Это Леночку-то?

Хонен. — (спокойнѣе и твердо) Зовите.

Зинов. — (усиливаясь быть благороднѣе) Нѣтъ, на это я не согласенъ, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. — (презрительно) На что? Дуракъ! (Спокойнѣе) Зовите же ее, говорю вамъ.

Зинов. — (хрестясь и подпрыгивая однимъ махомъ на шею къ Хоненеву) Слава Тебѣ, Господи. Я такъ того и ждалъ. Леонидъ Александрычъ, Леонидъ Александрычъ! Господи, Господи! (Кричитъ) Леночка!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ же, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — (входитъ твердою поступью. Рука опущена въ карманъ платья. Дѣлаетъ два шага, останавливается и ждетъ, что будетъ).

Хонен. — (идетъ на встрѣчу, но не подходитъ близко). Елена Михайловна, я прошу вашей руки.

Ел. Мих. — Это все равно равно, Леонидъ Александрычъ.

Зинов. — (кидается къ ней) Леночка...

Ел. Мих. — (приподнимая руку изъ кармана) Не подходите.

Хонен. — (перехватывая и отводя рукою назадъ Зиновьева) У нея кинжалъ. — Елена Михайловна... Я оскорбилъ васъ... простите... я прошу вашей руки.

Ел. Мих. — Это все равно, Леонидъ Александрычъ. Я вижу теперь, что вы дѣйствительно не злой человѣкъ. Но это все равно.

Хонен. — Елена Михайловна, позвольте мнѣ подойти къ вамъ. Я хочу поцѣловать вашу руку — клянусь, не бойтесь.

Ел. Мих. — Послѣ когданибудь. Теперь я слишкомъ ненавижу васъ. Послѣ; когда забуду. (Отиу) Я могу уйти?

Зинов. — (Издали) Леночка...

Хонен. — Послѣ. Она сказала: послѣ. (Елена Михайловна уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Зинвѣвъ, Хоненевъ.

Зинов. — Что это, Господи! Съ кинжаломъ! Да зачѣмъ же онъ ей?

Хонен. — Былъ нуженъ. (Садится).

Зинов. — За зачѣмъ же? Хотѣла убить васъ? (Садится).

Хонен. — Заколоться.

Зинов. — (всплескивая руками) Господи! Да когда-жъ это?

Хонен. — (съ презрѣніемъ) То-то; вы хотѣли перехитрить.
(Оба молчатъ).

Зинов. — Какъ же намъ теперь-то быть?

- Хонен. — Это пройдетъ. Вы слышали: она сказала „послѣ“;—это пройдетъ. Еще не успѣла нагореваться о женихѣ. Да и были не деликатности съ моей стороны, — черезъ васъ, вы меня ввели въ ошибку, будто она только такъ, дѣлаетъ видъ для приличія, будто жалѣетъ. Вы это виновать.
- Зинов. — Леонидъ Александрычъ, помилуйте! Я-то чѣмъ же?
- Хонен. — Молчите! (*Молчитъ и самъ*). Вдругъ нельзя простить. Но это пройдетъ. И она сказала: „когда забуду“.
- Зинов. — Да, а Короваевъ-то?—станетъ разстраивать ее.
- Хонен. — (*берется за лобъ*) Это правда.
- Зинов. — Время не терпитъ, Леонидъ Александрычъ.
- Хонен. — (*помолчалъ*) Это правда...
- Зинов. — Взять и везти вѣнчать, Леонидъ Александрычъ.
- Хонен. — Вѣнчать насильно? Не согласенъ. Это подло.
- Зинов. — Какъ же быть-то, Леонидъ Александрычъ? Если ее увезти, да такъ держать, этотъ разбойникъ...
- Хонен. — Да, да.
- Зинов. — Вы говорите, Леонидъ Александрычъ: повѣнчать безъ согласія нехорошо. Нѣтъ, Леонидъ Александрычъ. Взять въ любовницы дѣвушку противъ ея желанія—это нехорошо; а повѣнчаться—это дѣло честное. Это значить только оградить ее отъ злодѣя.
- Хонен. — А кинжалъ-то? Пусть и не успѣетъ заколоться. Но все же поранить себя. Я и того не могу допустить.
- Зинов. — Двѣ ночи не спала! Уснетъ. Тогда взять кинжалъ и везти вѣнчать.
- Хонен. — Увезти отсюда—надобно. Вѣнчать насильно—не соглашаюсь.
- Зинов. — Помилуйте, Леонидъ Александрычъ. Какъ же оградить, не повѣнчавши? Тогда ограждена; безъ того...

ЯВЛЕНИЕ 4.

Тѣ-же, Короваевъ.

- Коров. — (*видя Хоненева*) А, и вы здѣсь, милостивый государь. (*Къ Зиновьеву*) Гдѣ Леночка?
- Зинов. — Леночка больна.
- Хонен. — Елена Михайловна здорова, но вы не можете видѣть ее.
- Коров. — Почему жъ бы это?
- Хонен. — Потому что я женихъ ея и нахожу излишнимъ, чтобы ваша короткость съ нею продолжалась.
- Коров. — А, это резонъ. (*Идетъ къ двери во внутреннія комнаты*).
- Хонен. — (*беретъ его за плечо*).
- Коров. — Какъ вы больше любите стрѣляться: получивши оплеуху или безъ нея? Это зависитъ отъ вашего выбора. Во всякомъ случаѣ, вы будете такъ миль, что пропустите меня (*стряхиваетъ руку Хоненева и идетъ*).
- Зинов. — Разбой! Полиція! Караулъ! (*Хочетъ бѣжать*).
- Коров. — (*быстро идетъ назадъ*). Не беспокойтесь, Михаилъ Петровичъ, я ухожу (*отталкиваетъ Зиновьева отъ двери передней назадъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 5.

Зиновьевъ, Хоненевъ.

Зинов. — *(стоитъ мигъ. Хлопаетъ себя по лбу)* Именно такъ. Черезъ полицію. Задержать его черезъ полицію. Полиція задержитъ покрѣпче вашего управляющаго. *(Хватаетъ шапку)* Я за нимъ. Куда онъ? Вы пошлите за полиціймейстеромъ! *(Бъжитъ)*.

Занавѣсъ падаетъ.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Та же комната.

Ночь.

На столѣ свѣча, совсѣмъ нагорѣвшая. На диванѣ спитъ Зиновьевъ, совершенно одѣтый, какъ повалился, пивши чай. Подлѣ, на полу, валяется вышавшій у него стаканъ.

ЯВЛЕНИЕ 1.

Короваевъ.

Коров. — *(входитъ, идетъ къ Зиновьеву, шаритъ въ карманахъ его, вынимаетъ дверной ключъ, уходитъ во внутреннія комнаты. Щелкаетъ дверной замок)*. Спишь, Леночка? *(Послѣ паузы)* Успѣешь послѣ нараспрашивать, какъ убѣждалъ. Да ботинки-то теплыя надѣнь. *(Возвращается на сцену, идетъ къ окну. Всматривается въ темноту)*. Алексѣичъ, да гдѣ же ты? что слѣзъ съ облучка? Гуажъ лопнулъ? Не свяжешь, надо распрягать. Такъ уже все одно распрягать ли, новыхъ ли запрягать. Введи во дворъ. Тамъ оставишь. Въ кухнѣ найди козачка, разбуди; онъ тебѣ все покажетъ. Тѣхъ никого не опасайся: всѣ мертвецки пьяны. Вери Михайло-Петровичевыхъ лошадей — твоихъ-то мы совсѣмъ измучили — запрягай въ Михайло-Петровичевъ тарантасъ, — это спокойнѣе телѣги. Твое не пропадетъ. Я отвѣчаю. Завтра мнѣ нечего отъ нихъ прятаться, — Живо будетъ, говоришь? Знаю молодца, что будетъ живо. *(Отходитъ отъ окна и ходитъ, заложивъ руки въ карманы и посвистывая)*.

ЯВЛЕНИЕ 2.

Короваевъ, Елена Михайловна *(въ шляпѣ и мантильѣ)*.

Ел. Мих. — *(входитъ; какъ видитъ лежащаго отца, бросается къ нему)*.

Коров. — Не пугайся, душа моя: проснется живъ и здоровъ. А будить — лишнее. Да и не разбудишь.

Ел. Мих. — *(между тѣмъ пощупавшая лобъ и пульсъ отца)* Да что жъ это съ нимъ, Сережа?

Коров. — Опіумъ, душа моя, разумѣтся.

Ел. Мих. — Да кто жь это, Сережа?

Коров. — У васъ прислуги довольно, душа моя: кучеръ, и лакей, и кухарка, и прачка, — но не они прислужили, а они сами угощены, и даже горничная, не смотря на свое дѣвичество, не побрезговала, — вотъ это дѣвица, душа моя, не чета тебѣ. Козачекъ одинъ прислужилъ всѣмъ: имъ поставилъ полъ-ведра водки, а твоему папашѣ — деликатнѣе. Въ мальчишкѣ будетъ прокъ. Да садись, душа моя, успокойся (*отводитъ ее отъ Зиновьева*). Тамъ лошадей перепрягаютъ, надо подождать минутку. (*Елена Михайловна садится*). Да ботинки-то на тебѣ теплыя? Ъхать-то далеко, за Канадеи пять верстъ.

Ел. Мих. — Куда жь это, Сережа?

Коров. — Въ Срѣтенское, Леночка.

Ел. Мих. — Въ Срѣтенское, Сережа? Что жь это? Вѣнчаться? Тамъ вѣнчаютъ. А я и не думала...

Коров. — Думай, душа моя: время есть. Теперь часъ, а Хоненевъ пріѣдетъ за тобою въ три часа. Глупы, а разсчитали, что нередъ разсвѣтомъ всего вѣриѣ: одолѣетъ сонъ.

Ел. Мих. — Вѣнчаться, Сережа?.. какъ же это?

Коров. — Такъ, что невозможно иначе, душа моя. Они подняли полицію, ловить меня. Я прятался въ кабакѣ. Посылалъ къ тѣмъ, кто почестнѣе изъ этой сволочи, спрашивать, не дадутъ ли тебѣ пріютъ. Всѣ жалѣютъ, разумѣтся; а никто не смѣетъ. Куда жь я тебя дѣну? Въ кабакъ прятать? И то не укроешься надолго. Вытащатъ.

Ел. Мих. — Что жь они хотятъ дѣлать со мною, Сережа?

Коров. — Повезли бы въ Хоненевку — тоже вѣнчаться.

Ел. Мих. — У меня есть кинжалъ, Сережа.

Коров. — А я не зналъ. А то могъ бы взять его, или нѣтъ? Спала ты, или нѣтъ, когда я вошелъ? (*Оба молчатъ. Коровоевъ идетъ къ окну и смотритъ. Подгъзжаютъ лошади*). Ну, иди, душа моя.

Ел. Мих. — (*встаетъ и опять садится*). Сережа, какъ же это вѣнчаться съ тобою?

Коров. — Ну, скажи, умная голова, куда мнѣ дѣвать тебя — тогда и не вѣнчайся.

Ел. Мих. — Сережа, ты женишься на мнѣ только для того, чтобы спасти меня.

Коров. — Что ты, мать моя? Съ ума спятила?

Ел. Мих. — До нынѣшняго вечера ты и не думалъ объ этомъ, Сережа.

Коров. — Да развѣ безъ этой мысли я поѣхалъ бы сюда?

Ел. Мих. — Сережа, ты смотрѣлъ на меня, какъ на сестру.

Коров. — Душа моя, это правда, пожалуй. Но войди ты въ мое положеніе. Вѣшаешься на шею — поневолѣ долженъ забывать, что не сестра. Не я къ тебѣ равнодушень, а ты ко мнѣ. Но это пройдетъ. Забудешь всѣ эти поэзіи и станешь любить меня такъ же горячо, какъ я тебя.

Ел. Мих. — Да, Сережа... Это пройдетъ... Но только я не знаю, какъ мнѣ идти за тебя.

Коров. — Разсуждай послѣ, какъ идти за меня; а прежде повѣнчайся. Ты только повѣнчайся — и тогда отправляйся на всѣ четыре стороны, куда глаза глядятъ: никто не можетъ привязываться.

Ел. Мих. — (смѣется). Ну хорошо. (Встаетъ).

Коров. — А ты повѣрила? Такъ вотъ и отпущу тебя. Жди!

Ел. Мих. — Я и сама не отойду отъ тебя, Сережа; такъ и буду сидѣть обнявшись, ей Богу, Сережа (обнимаетъ его; идетъ къ отцу).

Коров. — Лишнее, Леночка. Онъ не стоитъ того.

Ел. Мих. — (молча цѣлуетъ спящаго отца). Иди, Сережа (подаетъ руку ему).
Ей Богу, я рада, Сережа.

Коров. — Ну, иди впередъ, Леночка (подвигаетъ ее рукою впередъ, самъ отстаетъ). Садись въ тарантасъ, я сію минуту. Мнѣ пришло въ голову—пришло въ голову: надо же запереть двери.

Ел. Мих. — Ахъ, да, Сережа: надобно. Ей Богу, Сережа, я рада, и это пройдетъ и я буду любить тебя, Сережа (цѣлуетъ его и уходитъ).

Коров. — (пока цѣлуетъ и провожаетъ) Благодарю тебя, моя милая Леночка, благодарю тебя. (Проводивъ за дверь, идетъ къ столу, снимаетъ пальцами нагаръ со свѣчи и мажетъ носъ Зинovieву) Эхъ, ты сволочь, Сволочь.

Зянов. — (шевелиясь во снѣ, мычитъ) Ммм...

Коров. — Ладно, пріятель; не проснешься, не пугай. (Вымазавъ носъ ему, смотритъ, хорошо ли? Домазываетъ). Теперъ хорошо. (Уходитъ).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Черезъ четыре года.

Лица:

Сергѣй Васильичъ Короваевъ.

Елена Михайловна, его жена.

Максимъ Кириллычъ Горбылевъ.

Леонидъ Александрычъ Хоненевъ.

Илюдоръ Николаичъ Свиридовъ.

Сцена первая.

Таже комната, но меблированная заново и лучше.

ДѢЛЕНИЕ 1.

Елена Михайловна ведетъ Короваева къ дивану; у Короваева большая кипа бумагъ; онъ кладетъ ее на столъ; жена усаживаетъ его, садится сама и склоняется головою къ нему на грудь, обнявъ его шею одною рукою; между тѣмъ говоритъ:

Ел. Мих. — Нѣтъ, Сережа, я не соскучилась о тебѣ. Вечеръ икрула съ Сашею. До десяти часовъ не хотѣлъ спать, гадкій мальчишка. Я даже устала съ нимъ. Потомъ стала читать и нарочно читала до трехъ часовъ, чтобы встать попозднѣе, когда ты уже пріѣдешь. Проснулась въ одиннадцать

часовъ, а тебя еще нѣтъ. Я сѣла къ окну ждать тебя; а сама читала. Видишь, вовсе не скучала. Но что же ты, Сережа, воротился такъ поздно?

Коров. — Всю ночь просидѣлъ за работою. Ты знаешь мою слабость къ индюку? Приѣзжаю, онъ прѣдетъ вотъ надъ этими бумагами; весь въ поту, бѣдняга. Видишь ли, рѣшился наконецъ прогнать управляющаго и повѣряетъ его отчеты. Разумѣется, гдѣ же дураку? Просить: „помогите“. Я возьми, да и согласись. Думалъ, кончу къ разсвѣту. Куда! Бросилъ, когда уже былъ давно бѣлый день, вспомнилъ, что ты будешь, пожалуй, безпокоиться. Взялъ бумаги съ собою, кончить здѣсь. Вотъ тебѣ какая исторія. Угадай, что изъ нея слѣдуетъ.

Ел. Мих. — Онъ просилъ тебя быть управляющимъ у него — да? — Но ты понималъ, что это было бы непріятно мнѣ, и отказался. Такъ?

Коров. — Такъ, душа моя; но не въ этомъ исторія. Что дальше?

Ел. Мих. — Тогда онъ просилъ тебя, чтобы ты рекомендовалъ ему честнаго человека, да?

Коров. — Само собою; но не въ томъ дѣло.

Ел. Мих. — А въ томъ, кого ты рекомендовалъ? Кого же?

Коров. — Никого, душа моя. За кого поручишься изъ всѣхъ здѣшнихъ? Не въ этомъ загадка. Вижу, ты и вообразить не можешь. Ну, приготовься. — Индюкъ расчувствовался, душа моя, и давай приставать, чтобы я сказала, сердилъ ли ты на него; чтобы я выпросилъ у тебя позволеніе бывать у насъ, и брани меня, душа моя! Мое нѣжное къ нему сердце не выдержало. Шутки въ сторону: онъ милый мнѣ человекъ. Безъ его глупостей, не устроилась бы такъ скоро наша свадьба. Пожалуйста, Леночка, скажи ему ласковое слово, когда онъ пріѣдетъ за этими бумагами.

Ел. Мих. — Изволь, Сережа: я всегда буду ласкова съ нимъ.

Коров. — Но тебѣ непріятно это?

Ел. Мих. — Не особенно, Сережа! Я давно понимаю, мнѣ и не за что было считать его дурнымъ человекомъ. Онъ воображалъ, что дѣвушка расположена къ нему, хотѣлъ поцѣловать ее; у него не могло быть дурныхъ мыслей: окна были отворены, въ сосѣдней комнатѣ сидѣли гости. А увезти меня это не его мысль, Сережа. Я говорила тебѣ. Онъ только поддавался чужому совѣту.

Коров. — Такъ ты даже и не сердилъ на него? (*Смѣется*).

Ел. Мих. — (*смѣется*). Если онъ милъ тебѣ, Сережа, то во сколько же разъ больше благодарна ему должна быть я? (*Серьезно*) Ахъ, Сережа, ты любишь меня горячѣе, это правда; но я больше люблю тебя, Сережа, нежели ты меня (*обнимаетъ его и другою рукою*). Ты можешь не думать обо мнѣ и по цѣлымъ днямъ, а я, Сережа... я и не знаю...

Коров. — (*цѣлуетъ ее съ головы*). Вижу, что ты женщина, душа моя, то есть, существо коварное и все только обманываешь меня. Какъ же это я повѣрю, будто ты такая хорошая жена, когда ты сама сейчасъ говорила, что вовсе не соскучилась обо мнѣ?

Ел. Мих. — Это правда, Сережа; я сидѣла и читала и вовсе не думала о тебѣ.

Коров. — Обманываешь, душа моя. Проѣзжая мимо окна, я видѣлъ: ты сидишь задумавшись, а не читаешь. Мнѣ показалось даже, что лицо у тебя грустное.

Ел. Мих. — Нѣтъ, Сережа: я не грустила; я только такъ задумалась. И вотъ видишь, Сережа, я опять весела. Когда я подлѣ тебя, я всегда весела, Сережа.

Коров. — Если „теперь опять весела“, значить, была невесела. Ты не мастерица лгать, душа моя.

Ел. Мих. — Не мастерица, Сережа (*улыбается*). Но ты не спалъ всю ночь, тебѣ надобно уснуть.

Коров. — Выспался дорогою, Леночка. О чемъ же ты грустила? Ты часто грустишь?

Ел. Мих. — Очень рѣдко, Сережа.

Коров. — Да въ этотъ мѣсяцъ я видѣлъ раза три.

Ел. Мих. — Ну, три раза, Сережа, развѣ это много.

Коров. — Да, это немного; потому что, кромѣ того, когда мнѣ удавалось подмѣтить, этого никогда и не бывало. Я не думалъ, что ты будешь такъ долго грустить по отцѣ — больше двухъ лѣтъ, и все таки плачешь, должно быть, каждый день. Подними глазки, посмотри на меня, Леночка: ты грустила по отцѣ? (*Елена Михайловна крѣпче и ниже опускаетъ голову на его грудь, чтобы ему нельзя было заглянуть ей въ лицо*). Мы давно не говорили объ этомъ, Леночка. Я все думалъ, это пройдетъ. Но — четыре года и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Скажи мнѣ, что мнѣ дѣлать съ тобой?

Ел. Мих. — Не говори, Сережа.

Коров. — (*начиная шутить*) Какъ же не говорить тебѣ, что ты дурная жена?

Ел. Мих. — (*прижимаясь крѣпче къ нему и сквозь слезы*) Я дурная жена, Сережа.

Коров. — Ты плачь больше, душа моя: это очень умно.

Ел. Мих. — Нѣтъ, это глупо, Сережа.

Коров. — (*серьезно*) И стыдно.

Ел. Мих. — Да, Сережа.

Коров. — (*опять шутя*) Неужели стыдно?

Ел. Мих. — Да, Сережа, я помню твои слова: это значить, не уважать себя; за пренебреженіе надобно платить пренебреженіемъ.

Коров. — Ты соглашалась тогда со мною, что это правда. А теперь, это перестало быть правдою?

Ел. Мих. — (*опять крѣпче прижимаясь къ нему*) Сережа, не мучь меня.

Коров. — Нельзя не мучить тебя, душа моя, когда ты дурная жена. Скажи ты мнѣ, сдѣлай одолженіе, отчего ты такая дурная жена: должно быть, ты не любишь меня, что ли?

Ел. Мих. — (*все прижавшись и сквозь слезы*) Не люблю, Сережа.

Коров. — Вотъ и видно, что ты коварная женщина: хорошо ли обманывать мужа? Зачѣмъ ты лжешь? Говори: лжешь или нѣтъ?

Ел. Мих. — Лгу, Сережа.

Коров. — Такъ будто любишь меня?

Ел. Мих.— Люблю, Сережа.

Коров.— Трудно вѣрить, душа моя. Побожись. Ей Богу, любишь?

Ел. Мих.— *(начиная смѣяться сквозь слезы)* Ей Богу люблю, Сережа, только перестань смѣяться надо мною.

Коров.— Хорошо. Я не понимаю тебя, душа моя. Повѣнчались мы съ тобою; года полтора ты держала себя очень хорошо. Сначала грустила о своей поззіи, но не больше, чѣмъ слѣдуетъ женщинѣ, которая уважаетъ себя. Потомъ стала и вовсе весела. И чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Умеръ твой отецъ — все перемѣнилось. Плачешь и плачешь. „По отцѣ“. Я долго тому и вѣрилъ. Хоть и поняла ты, что онъ не стоилъ любви, но все же отецъ. Думаю: пусть ее плачетъ, сколько хочетъ, это хорошая грусть. Но полгода и годъ и все тоже и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Слишкомъ долго; а, главное, наоборотъ противъ естественнаго хода такого чувства, какъ печаль по отцѣ: не ослабѣваетъ, а растетъ. Дѣло ясное: изъ умной женщины стала моя жена глупой. Знала — за презрѣніе плата презрѣніе и забвеніе, знала — и забыла. Я не понимаю этой перемѣны. Скажи, душа моя, что это такое? *(Елена Михайловна молчитъ, прижавшись къ нему. Домая пауза)*. Говори, душа моя.

Ел. Мих.— Мнѣ нечего сказать тебѣ, Сережа. *(Домая пауза)*.

Коров.— У тебя есть какая-то тайна отъ меня.

Ел. Мих.— *(задышающимся голосомъ и прячась лицомъ ниже и крѣпче на грудь ему)* Нѣтъ, Сережа. *(Домая пауза)*.

Коров.— Ну, душа моя, дѣйствительно, ты дурная жена. Но такъ ты не отдѣлаешься отъ меня. Изволь-ко, душа моя, смотрѣть мнѣ прямо въ глаза *(приподнимаетъ ее со своей груди)* — тогда тебѣ не такъ легко будетъ лгать. *(Она не сопротивляется тому, что онъ поднимаетъ ее и смотритъ ему прямо въ глаза)*. Говори же, душа моя.

Ел. Мих.— *(твердо)* Мнѣ нечего говорить, Сережа.

Коров.— Прощу тебя, скажи мнѣ, какая тайна у тебя на душѣ?

Ел. Мих.— Никакой, Сережа.

Коров.— Лжешь, душа моя.

Ел. Мих.— Нѣтъ, Сережа. *(Домая пауза)*.

Коров.— Однако же, упряма ты, душа моя.

Ел. Мих.— Нѣтъ, Сережа, не упряма, а люблю тебя *(при послѣднихъ словахъ съ рыданіемъ бросается ему на шею)*.

Коров.— Ты измучена этимъ разговоромъ, бѣдная моя Леночка. Продолжать его значило бы слишкомъ разстраивать тебя. Мы поговоримъ въ другой разъ.

Ел. Мих.— Никогда, Сережа, если ты любишь меня. Ты знаешь, у меня есть характеръ. Пока я думала, что ты не видишь и не понимаешь, я не дѣлала усилій подавить свою грусть; но я знаю, я потеряла бы твое уваженіе, если бы это продолжалось. Я должна презирать его и буду, и презираю. Кто не умѣлъ цѣнить мою любовь, тотъ не достоинъ, чтобы я помнила о немъ. Ты увидишь, какъ тверда, какъ всегда весела буду я. Ты снова будешь видѣть во мнѣ и умъ и гордость. Я не такъ слаба, чтобы понадобилось возобновлять разговоръ со мною объ этомъ. Если

ты возобновишь его, это будет значить, что не уважаешь меня, считаешь меня за безхарактерную женщину, — нѣтъ! — я не подамъ тебѣ повода такъ унижить меня. Я сдѣлаюсь госпожею надъ своими глухими воспоминаніями и подавлю, сложаю ихъ. Буду желать одного: чтобы его жена, если она честная женщина, какъ я слышала, никогда не узнала, какъ ненадежна его любовь. Сережа, дай мнѣ слово не возобновлять этого разговора.

Коров. — Разумѣется, не возобновлю, если ты не подашь повода.

Ел. Мих. — Не сомнѣвайся, мой ми... Ахъ! *(остается на мигъ неподвижною отъ ужаса, увидѣвъ Горбылева; вскакиваетъ и бѣжитъ къ нему)* Максимъ Кириллычъ!

ЯВЛЕНИЕ 2.

Тѣ-же, Горбылевъ (въ лохмотьяхъ).

Горбыл. — *(ослабившись)* Да-съ, это я. А вы и не узнали, Елена Михайловна, испугались?

Ел. Мих. — *(между тѣмъ, взявъ его за руку, тянетъ его къ двери во внутреннія комнаты)* Вы проголодались, я думаю; пойдемъ въ кухню, къ Маврѣ Кондратьевнѣ.

Горбыл. — *(утираясь)* Я ужъ былъ тамъ-съ. Она увидала меня, думала: нищій-съ; а я говорю: это я, и пошелъ къ ней, и она меня покормила немного-съ, поскорѣе-съ, и велѣла Степану Иванычу съ поваромъ — а у васъ и поварь-съ, вонъ какъ отлично-съ, — посадить меня въ корыто, вымыть и потомъ опять покормила-съ; отлично-съ. А обѣдъ черезъ полчаса-съ, я могу подождать-съ, потому что я совѣмъ наѣлся-съ. А лучше, посижу съ вами-съ. А я какъ удивился-съ, что вы не за Леонидомъ Александрычемъ. Какъ же-съ? Тогда вы хотѣли идти за Леонида Алек...

Ел. Мих. — *(все стараясь поскорѣе увести его)* Да идите же, Максимъ Кириллычъ.

Коров. — *(потиравшій себѣ лобъ)* Леночка, не тревожься, душа моя. Максимъ Кириллычъ, садитесь-ко, да поговоримъ. *(Елена Михайловна колеблетъ; видитъ, что чего дѣлать; пускаетъ руку Горбылева. Онъ идетъ, садится. И она. Короваевъ, между тѣмъ говоритъ)* Поразскажите намъ, гдѣ вы пропадали. Тогда, какъ вы просрочили отпускъ, а мнѣ случилось ѣхать въ Пензу, судья просилъ меня справиться о васъ. Мнѣ сказали, вы были въ богадѣльнѣ, да куда-то уѣхали, какая-то помѣщица взяла васъ.

Горбыл. — Какъ же-съ, увезла помѣщица Пырятина-съ. Я недолго и пробылъ въ богадѣльнѣ-то-съ, всего недѣли двѣ-съ; потому что я получилъ тамъ извѣстность-съ. Какъ же-съ, многіе пріѣзжали ко мнѣ. За это за самое она и увезла меня-съ, потому что ей это очень нужно.

Коров. — Что же такое ей очень нужно? То, чтобы многіе пріѣзжали къ ней для васъ?

Горбыл. — Нѣтъ-съ, она увезла меня не для другихъ-съ, а для самой себя.

- Коров. — Что жь такое въ вась нужно ей для самой себя? Ужь не влюбилась ли она въ вась?
- Горбыл. — Нѣтъ-сь, а чтобы толковать сны, потому что она всегда ихъ видить.
- Коров. — А, такъ вы пріобрѣли извѣстность въ Пензѣ этимъ.
- Горбыл. — А то чѣмъ же-сь? Этимъ самымъ-сь. И кормила меня эта Пыратина хорошо-сь; не въ примѣръ лучше богадѣльни-сь. Но только все же противъ трактирнаго не сравняется-сь. Оттого меня и переманили у нея-сь.
- Коров. — Опять въ трактиръ? Но зачѣмъ же вы тамъ нужень? Пріохочивать другихъ къ ѣдѣ, что ли?
- Горбыл. — Нѣтъ-сь; тамъ еще нѣтъ этой догадки-сь, въ трактирахъ-то; видно тамъ народъ-то глупый-сь. Не въ трактиръ переманили, а въ монастырь-сь, въ Богодуховскій-сь. Пыратина-то поѣзжай туда, да и меня возьми-сь. А тамъ увидали, что у меня губа-то не дура-сь, и говорятъ: мы станемъ тебя чѣмъ хочешь кормить-сь, только оставайся у насъ, будто въ родѣ святого-сь.
- Коров. — Вотъ какъ. Такъ вы святымъ стали?
- Горбыл. — Какъ же-сь. Прозорливцемъ-сь. Я и самъ не думалъ, что можно-сь. А какъ помазали меня масломъ-сь, освященнымъ-сь, такъ и вышло-сь: сталъ я будущее предвидѣть и тайны всякія постигать—ей Богу-сь. О чемъ кто меня спроситъ, все могу отвѣчать-сь; и все точно такъ и выходить, какъ есть все вѣрно-сь. И кормили-сь. Отлично-сь. Даже лучше трактирнаго-сь.
- Коров. — Какъ же это вы покинули такой рай?
- Горбыл. — Самъ-то и не вышелъ бы-сь, у меня губа-то не дура-сь. Да возьми, поссорься игумень съ полиціей-сь; она пріѣхала-сь, да и взяла меня; будто безпаспортнаго-сь, да и говорятъ: бродяга-сь. Отправить по стану-сь! И отправили-сь! Вотъ потерпѣлъ-то-сь!
- Коров. — Я думаю. Но вы предвидѣли будущее; вы бы и предсказали игумену, что пріѣдетъ полиція, онъ бы васъ и спряталъ. Вотъ и выходите вы самъ виноватъ, Максимъ Кириллычъ. Слѣдовало предсказать.
- Горбыл. — *(пораженъ недоумьніемъ. Потомъ видитъ, что правда)* Точно-сь. Слѣдовало предсказать.
- Коров. — Впрочемъ, особенно жалѣть не о чемъ. Когда вы предвидите будущее и можете постигать всякія тайны, то и здѣсь многіе будутъ кормить васъ не хуже монастырскаго, — не знаю только, вотъ Леночка позволить ли вамъ.
- Горбыл. — Нѣтъ-сь, если и Елена Михайловна позволятъ, я теперь этого не могу-сь.
- Коров. — Помилуйте, отчего же не мочь?
- Горбыл. — Не могу-сь.
- Коров. — Полноте, не повѣрю.
- Горбыл. — Ей Богу, не могу-сь.
- Коров. — Отчего же?
- Горбыл. — Оттого-сь, что этого дара лишился-сь.
- Коров. — Что вы говорите? Потеряли снятость?

Горбыл. — Потерял-сь.

Коров. — Да какъ же это? Грѣхъ, что ли, какой большой сдѣлали?

Горбыл. — Нѣтъ-сь. А потому что это было отъ масла-сь, а теперь оно съ меня смыто-сь.

Коров. — А, ну это такъ. А жаль.

Горбыл. — Жаль-сь.

Коров. — Но какъ же вы допустили это, чтобы святость смылась?

Горбыл. — Я и не допускал-сь. Они насильно-сь, арестанты-то-сь. Они насмѣшники-сь. Взяли, на одномъ этапѣ, насильно повели въ баню, да и смыли-сь.

Коров. — Это они дурно сдѣлали. Но только не напрасно ли мы съ вами винимъ ихъ? Можетъ быть они повели васъ въ баню и не для одной насмѣшки, Максимъ Кириллычъ. Когда вы столько времени не мылись, то, вѣроятно, вы были такой, что страшно было смотрѣть на васъ.

Ел. Мих. — *(встаетъ)* Какой ты добрый, Сережа.

Коров. — Помилуй, душа моя, какая же тутъ доброта. А только ты смѣшна, что перепугалась.

Ел. Мих. — *(обнимаетъ его)* Милый мой, какъ ты умѣлъ успокоить меня; такъ беззаботенъ, будто бы говоришь пустяки; будто и то все пустяки.

Коров. — Да пустяки и есть, Леночка.

Ел. Мих. — *(вздыхаетъ)* Дай мнѣ еще немножко оправиться отъ этого удара, — я приду къ тебѣ сама и все скажу тебѣ.

Коров. — Пожалуй и расскажи, если есть охота. А то хоть и не рассказывай, — потому что не очень любопытно. Я могъ думать прежде: можетъ быть, что нибудь и важное. А теперь ясно, что пустяки.

Ел. Мих. — Сережа, какъ я люблю тебя. *(Обнимаетъ его)*.

Коров. — Это новость для меня, душа моя *(цѣлуетъ ее)*. Ну, теперь отвязься отъ меня, милая дѣвица. Ступай и отдохни и перестань быть смѣшна.

Ел. Мих. — Добрый мой. Я скоро вернусь и скажу тебѣ все. Пойдемъ же, Максимъ Кириллычъ. *(Идетъ. За нею Горбылевъ)*.

Хозяйка театра встаетъ въ своей ложѣ и говоритъ: Messieurs et mesdames, идемъ пить чай. Вторую половину драмы мы увидимъ завтра.

Занавѣсъ падаетъ.

ПОТОМОКЪ БАРВАРУССЫ.

Историческій разсказъ.

Предисловіе.

(Написанное для Бѣлаго Зала).

Добрѣя мои слушательницы и слушатели.

Въ часы отдыха отъ ученой работы, я люблю доставлять себѣ развлеченіе. Пишу популярныя статьи объ истинахъ, уже достаточно разъясненныхъ великими мыслителями, у которыхъ научился я понимать, что разности расъ, національностей и сословій—факты незначительныя по сравненію съ колоссальною силою общаго человѣческаго элемента, дѣйствующаго совершенно одинаково въ матеріальной и идеальной жизни каждаго человѣка; научился поэтому равно желать добра—и въ сущности совершенно одинаковаго добра—всѣмъ людямъ всѣхъ племенъ и всѣхъ общественныхъ положеній; научился знать, что человѣчеству предстоитъ будущее прекрасное; что ужъ и теперь очень многое изъ этого прекраснаго удободостижимо для передовыхъ націй Америки и Европы и очень скоро войдетъ въ ихъ жизнь; а отъ нихъ будетъ очень быстро переходить и въ бытъ другихъ народовъ. Это главное развлеченіе моего отдыха. Но не единственное, относящееся къ такому же способу проводить время. О томъ, какія иныя занятія подобнаго характера даютъ разнообразіе моему отдыху, скажу послѣ; а теперь надобно объяснить вамъ, какимъ же образомъ я могу и долженъ называть отдыхомъ занятія, которыя кажутся работою многимъ изъ васъ. Вотъ какъ это.

Всѣ мы здѣсь—привилегированные. Въ томъ числѣ и я самъ. Но существуемъ на свѣтѣ не одни мы съ подобными намъ привилегированными. Существуютъ на свѣтѣ также простолюдины. Когда мы, съ привычными понятіями нашего привилегированнаго образа жизни, смотримъ на то, какъ идетъ день у простолюдиновъ, намъ кажутся довольно тяжелыми трудами тѣ занятія, на которыя употребляютъ они только время своего отдыха. Мастеровой, окончивъ работу по своему ремеслу, копается въ огородѣ; его жена, прачка, кончивъ стирку бѣлья, моетъ и убираетъ комнату, шьетъ. Мужикъ, возвратившись съ пашни, чинитъ плугъ, телѣгу, хомутъ; мужичка, возвратившись со жнитва чинитъ одежду мужу, себѣ, семьѣ.— „Работаете?“ — „Отдыхаемъ отъ работы“, отвѣчаютъ они.

Я слышу, нѣкоторые изъ васъ удивляются моему трудолюбію. Это естественная привилегированнымъ забывчивость о простолюдинахъ. Я не болѣе трудолю-

бивъ, нежели триста пятьдесятъ миллионъ изъ четырехъсотъ, составляющихъ населеніе земель нашей Европейско-Американской цивилизаціи. То, что я называю своею работою, — дѣло не тяжеле занятій ихъ отдыха. Что жь занятія моего отдыха? Это ужь даже не просто отдыхъ; это дѣла пріятности, прихоти; это развлеченіе.

Въ развлеченіяхъ нравится разнообразіе. Законъ тутъ одинъ — „такъ вздумалось“; —прихоть. У каждаго и у каждой есть какой-нибудь любимый способъ развлеченія. Напримѣръ, прогулка; или, у другихъ, музыка; или у третьихъ чтеніе. Не вѣчно развлекаться только однимъ этимъ любимымъ. Кому особенно нравится музыка, тѣ однако жь и читаютъ, и прогуливаются. —Такъ и у меня. Любимое мое развлеченіе въ часы отдыха за письменнымъ столомъ — писать популярныя статьи для распространенія въ публикѣ знакомства съ идеями великихъ мыслителей, научившихъ меня правильно понимать вещи. Но вздумается — я пишу что-нибудь другое: историческія статьи, повѣсти; записываю любопытное изъ того, что рассказываютъ мнѣ другіе.

Всѣ эти маленькія работы моего отдыха предназначаются для печати. Но не каждая, какъ разъ начата, продолжается безъ перерыва до такой законченности, чтобы годилась для печати. Это занятія по прихоти — „какъ вздумается“. —Какъ вздумается, отлагаю одно, берусь за другое, за третье. И много у меня такихъ письменныхъ забавъ, начатыхъ и не конченныхъ. Когда возвращусь къ той или другой изъ нихъ, чтобы докончить? —Это, какъ случится. Иная лежитъ такъ мѣсяцы; иная годы.

Одна изъ такихъ — начатыхъ и отложенныхъ въ сторону — забавъ моего отдыха — „Рассказы, относящіеся до исторіи южной Италіи и Сициліи съ конца прошлаго вѣка.“ — Въ числѣ немногихъ законченныхъ эпизодовъ этого сборника есть маленькій біографическій эскизъ, который хочу прочесть вамъ теперь. Составился онъ у меня вотъ какимъ образомъ.

Одинъ изъ моихъ друзей пересказывалъ мнѣ рассказы синьоры Габріеллы Росселлы, вдовствующей княгини Кастель-Бельнассо, — такъ скажу я, когда буду печатать; для васъ, по первымъ же строкамъ рассказовъ этого моего друга будетъ ясно, что это моя жена. Я стенографировалъ. Написалъ вступительныя замѣтки, прибавилъ кое гдѣ объясненія, какія нужны, чтобы все было всѣмъ понятно въ стенографированныхъ рассказахъ.

Самъ по себѣ, этотъ маленькій эскизъ не представляетъ ничего такого важнаго, чтобы стоило напечатать его особою статьею или брошюрою. Онъ будетъ заслуживать напечатанія лишь тогда, когда наберется у меня цѣлая большая масса подобныхъ матеріаловъ для нѣсколькихъ полновѣсныхъ томовъ сборника.

Но для васъ эскизъ будетъ достаточно интересенъ, потому что представляетъ біографическія свѣдѣнія о старшихъ родныхъ нашей доброй хозяйки.

Прошу васъ помнить, что маленькая статья, которую хочу прочесть вамъ, предназначена для печати. Этимъ объясняется, что первыя десять, пятнадцать строкъ составлены изъ подробностей, лишнихъ для васъ, живущихъ въ Кастель-Бельнассо. Лишняго не такъ много, вы согласитесь, чтобы стоило лишать статью начала или дѣлать непріятныя слуху запинки, ломая конструкцію рѣчи, для сокращенія того, что и безъ выпусковъ не займетъ въ чтенія больше одной минуты. — Итакъ, читаю: „Потомокъ Барбаруссы“.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Резиденція и фамилія.

князя Эццелино Кастель-Бельпассо.

На южномъ берегу Гуаралонги, на окраинѣ Катанской равнины, надъ тѣсною, по которой Дорога Восточнаго Края переходитъ волнистую гряду возвышеній, сопровождающихъ правую сторону рѣки, — на холмѣ, господствующемъ надо всей той окрестностью, сіяеть бѣлизною среди густой зелени сада колоссальный дворець, резиденція благороднѣйшей, свѣтлѣйшей княжеской фамиліи Кастель-Бельпассо, происходящей отъ Манфреда, короля Апулійскаго (то есть, Неаполитанскаго) и Сицилійскаго, который, какъ теперь извѣстно, былъ не побочнымъ, а законнымъ сыномъ Фридриха II, императора Гоэнштауфена, отъ законной супруги его Біанки, дочери Бонифація, графа Ланціанскаго.

Такъ начинается свою „Исторію Кастель-Бельпассо“ Таддео Прочида, писатель мало извѣстный и не написавшій ничего важнаго, но довольно ученый и очень даровитый, — библіотекаръ, хранитель фамильнаго архива, смотритель музеевъ резиденціи, исторію которой напечаталъ въ 1772 году. Онъ былъ потомокъ знаменитаго Прочиды, такъ усердно хлопотавшаго о мщеніи убійцѣ Манфреда и Конрадина, — потомокъ другого, также какъ онъ, мало извѣстнаго и очень даровитаго Прочиды, поэта, жившаго въ началѣ XV столѣтія, стихи котораго Таддео приводитъ съ гордымъ замѣчаніемъ: „поэтъ, мой предокъ, подобно всѣмъ своимъ предкамъ и потомкамъ, служилъ потомкамъ Гоэнштауфеновъ безъ измѣны въ несчастіи, безъ лести въ счастіи, какъ стараюсь служить и я“. — Мы увидимъ, что „Исторія Кастель-Бельпассо“, которую пользуюсь я на этихъ страницахъ, посвящена господину и другу автора, тогдашнему князю Кастель-Бельпассо, Альфонсо, отцу князя Эццелино.

Я буду только сокращать брошюру Прочиды, постоянно сохраняя подлинныя слова честнаго, умнаго и даровитаго ученаго.

Благороднѣйшая, свѣтлѣйшая княжеская фамилія носитъ названіе отъ имени своей резиденціи. Резиденція получила вторую, существенную, половину своего имени отъ красоты мѣстоположенія, а придаточную первую имѣла до перестройки отъ своего собственнаго характера; послѣ перестройки, сохранила по преданію.

Въ средніе вѣка на этомъ холмѣ хмурился насупленными парашетами казематныхъ стѣнъ и неуклюжихъ башень-тюремъ темно-цвѣтный феодальный замокъ, дикій, изъ дикаго, едва отесаннаго, шероховатаго камня; мрачный, безъ оконъ, точно слѣпой, только разинувшій пасти амбразуръ, — грозное чудовище, жадное и грозное. „Когда смотришь на этотъ мрачный замокъ изъ долины съ юга или съ сѣвера, съ равнины“, приводитъ историкъ слова своего предка, поэта, „думаешь: это не сооруженіе рукъ человѣческихъ, это созданіе гнѣвныхъ небесъ, увѣковѣченное силою царя воздушнаго, діавола; это туча грозы, ниспавшая и приросшая къ бесплодной скалистой вершинѣ холма на вѣчный страхъ и частое раззореніе всему, что внизу, что растетъ и что живо“. — Это говорится поэтомъ въ началѣ XV вѣка. Но замокъ просуществовалъ до той поры ужъ болѣе четырехъ столѣтій. — Каковъ

былъ онъ сначала? спрашиваетъ ученый историкъ послѣ цитаты, приведенной изъ поэта. Разумѣется, чудовищный уродъ былъ и удобенъ и хорошъ на волчій взглядъ своихъ звѣроподобныхъ основателей, Норманскихъ разбойниковъ. Но приятенъ ли глазамъ другихъ тогдашнихъ людей, кромѣ этихъ звѣроподобныхъ чужеземцевъ, поселившихся въ немъ грабить напѣ островъ? Правился ли этотъ ихъ вертепъ кому изъ истиннаго, кореннаго Сицильянскаго населенія? — Въ нашей волѣ вообразить: Сицильянцы восхищались вмѣстѣ съ Норманнами, грабившими ихъ. Это мы можемъ думать, если намъ такъ угодно; потому что не дошло до насъ никакихъ извѣстій о томъ.

Но начиная съ эпохи, когда царствовалъ надъ Сициліей Фридрихъ II, императоръ, отецъ Манфреда, человекъ очень просвѣщенный, мы ужь имѣемъ о наружности Кастель-Бельпассо свидѣтельства людей, смотрѣвшихъ на феодальную резиденцію не разбойничьими, обыкновенными человѣческими глазами: отзывы расчетливыхъ экономовъ, писавшихъ инвентари, съ отмѣтками, что въ какомъ состояніи находится, какихъ требуетъ поправокъ; отзывы чуждыхъ денежнымъ расчетамъ вдохновенныхъ пѣвцовъ. При этомъ досадномъ для идеализаторовъ старины стараго варварства изобиліи фактовъ мало разгула воображенію; пріятности еще меньше. И поэты и экономы одинаково негодуютъ на феодальное чудовище, каждый со своей точки зрѣнія. Экономы въ отчаяніи, что много денегъ ушло на починку и еще больше надобно употребить, и все таки не поправишь такъ, чтобы вышло сколько-нибудь сносно для взгляда. Поэтъ (предокъ историка) обращается къ владѣльцу замка съ такими воззваніями: „Благороднѣйшій свѣтлѣйшій князь! благосклонно услышите звуки восторга, льющіеся изъ сердца скромнаго пѣвца прекрасной наружности вашей резиденціи. Видъ ея приводитъ въ самое поэтическое настроеніе душу мою, потому что напоминаетъ величественное явленіе природы, тучу грозы. Сходство вашего замка съ тучею грозы, дѣйствительно, совершеннѣйшее. Какъ она, весь онъ рыжевато-грязно-сѣрый, съ черными прожилками трещинъ, съ грязновато-багровыми прожилками, слѣдами ручьевъ крови, струившейся по этимъ стѣнамъ обильными потоками. Это всегда была тюрьма, въ которой мучились добродѣтельные, — въ которой хорошо было только злодѣямъ свирѣпствовать надъ несчастными подданными, въ которой страдали, изнывали всѣ добрые люди вашей фамиліи, благороднѣйшій свѣтлѣйшій князь. Прососались эти стѣны кровью и раздѣлены ею; распались онѣ отъ тяжкихъ стонówъ столькихъ поколѣній. Совѣтую вамъ, могущественный синьоръ, покинуть этотъ вертепъ разбойниковъ, потому что съ часу на часъ, того и жди: онъ развалится и раздавить васъ“.

Сдѣлавши эту выписку, историкъ замѣчаетъ: „мой предокъ только выражалъ въ яркомъ поэтическомъ преувеличеніи то самое чувство, которое имѣлъ самъ владѣлецъ замка. Совѣтъ поэта былъ голосомъ друга, грудь котораго служитъ резонансомъ, съ удвоенною силою повторяющимъ звуки тихой жалобы господина, потрясающей преданнаго нельстиваго слугу“.

Эти слова историка — не пустая фраза. Они совершенно подтверждаются документами, приводимыми у него. Тогдашній князь былъ человекъ очень добрый и съ хорошимъ вкусомъ. Кровавыя воспоминанія, отпечатавшіяся багровыми струями на стѣнахъ его резиденціи, были возмутительны ему. Уродливость вертепа производила отвратительное впечатлѣніе на его тонкое чувство изящнаго. Онъ

искрепно гнушался своею чудовищною резиденціею. И не онъ первый. Почти всѣ его прежніе владѣтели.

Потомки Фридриха II императора, поэта и любителя учености, человѣка очень граціозныхъ манеръ, потомки Манфреда, не уступавшаго отцу ни даровитостью, ни образованностью, ни изяществомъ вкуса, — князья Кастель-Бельпассо были людьми цивилизованными, любившими комфортъ, разборчивыми въ дѣлахъ изящества. Облупившіяся стѣны со щелями, грязь, мракъ и духота нравились имъ ровно столько же, сколько и людямъ изящнаго воспитанія въ наше время. — Съ перваго изъ благороднѣйшихъ свѣтлѣйшихъ князей почти всѣ желали бы перестроить свою уродливую резиденцію. Но очень долго тянулись такія смутныя времена, что неизбежно было оставаться жить за этими казематными стѣнами и невозможно было не то, что перестроить ихъ, даже хотъ придать имъ ту степень благовидности, какую могли бы получить онѣ безъ совершенной перестройки съ самаго фундамента. На это было надобно страшно много свободныхъ средствъ и спокойнаго времени. Или средствъ не доставало, или спокойствія не было. Внутреннія смуты подымались безпрестанно. И хуже того, чуть ли не такъ же непрерывно приходилось отбиваться отъ иностранцевъ, у которыхъ лапы были потяжеле, чѣмъ у домашнихъ враговъ, и умѣли пошире и nociще сгребать съ земли всякое добро. О, если бы только междуусобицы! — партіи подрались бы и помирились бы, если бы раздоры между своими не разжигались подстрекательствомъ чужихъ, искавшихъ случая пограбить. Едва отразили патріоты одно чужое войско, идетъ другой чужой съ арміею, еще болѣе многочисленною, и успѣлъ разбить патріотовъ, и раздавилъ глупцовъ, приглашавшихъ его, и привольно съ конца до конца острова грабить и жгеть, насилуетъ и рѣжетъ. Завладѣлъ, и продолжаетъ грабить ужъ по законному праву. Но вотъ, будетъ, наконецъ, полегче: его потомки обжились въ странѣ, чувствуютъ себя уже туземцами, начинаютъ имѣть жалость, отчасти даже расположеніе къ своимъ подданнымъ. Подданные понемножку оправляются послѣ долгаго грабежа. Иностранцы замѣчаютъ: „А! ужъ накопились добыча намъ; пора идти грабить“. И идетъ орда, отнимать все и у правителей и у народа, — и возобновилась прежняя исторія грабежа, насилуванія, рѣзни.

Были ли князья Кастель-Бельпассо совершенно чисты отъ заблужденій своего времени — заблужденій, состоявшихъ въ томъ, что позволительно самоуправство, что позволительно призывать чужихъ на помощь противъ своихъ? — Они были люди своего времени. И нечего спрашивать, всегда ли могли они избѣгать ошибокъ своего времени. Нѣтъ. Но народъ считалъ ихъ своими защитниками и любилъ ихъ. Подобно своему предку Манфреду, не были они людьми безгрѣшными. Но, вообще говоря, они были достойными потомками Манфреда и Гюэнштауфеновъ. И какъ Манфредъ омытъ передъ судомъ исторіи отъ всѣхъ грѣховъ своихъ слезами народа о его смерти, такъ очищена и добрая слава его потомковъ отъ всѣхъ пятнъ слезами, съ которыми провожали каждого изъ нихъ въ могилу его подданные.

Почти всѣ князья Кастель-Бельпассо были люди добрые. Всѣ, безъ исключенія, люди храбрые, мужественно защищавшіе своихъ подданныхъ. Всѣ люди образованные. И если очень долго не могли они перестроить уродливую твердыню, если не могли разрушить казематныхъ наружныхъ стѣнъ, то внутри своей страшной тюрьмы они понемножку устраивали жизнь, приличную цивилизованнымъ людямъ. А когда —

въ началѣ XV вѣка — явилась надежда на спокойныя времена, тогдашній князь, Лоренцо II, сталъ подумывать о разрушеніи своей тюремной резиденціи, о замѣнѣ ея хорошимъ дворцомъ. Поэтъ, предокъ библіотекаря, ободрилъ своего господина и друга. Лоренцо обратился къ знаменитому архитектору того времени Брунеллески. Геніальный художникъ начертилъ превосходный планъ, прислалъ своего ученика Микалоцци, тоже знаменитаго архитектора, управлять работою. Постройка была колоссальная; происходили задержки отъ военныхъ смуть, отъ истощенія финансовъ. Дѣло тянулось лѣтъ семьдесятъ. Но князь Лоренцо, его сынъ, его внукъ были тверды въ своемъ великомъ желаніи; Микалоцци и его сынъ, внукъ, — также вѣрно преданы великому дѣлу. И при внукѣ Лоренцо II, князь Манфредѣ VI, третьемъ строителѣ, внукѣ перваго, постройка была довершена.

И заслуживалъ дворецъ того, чтобы его возведенію были посвящены всѣ мысли, всѣ средства трехъ поколѣній. Онъ одно изъ самыхъ геніальныхъ созданій мысли Брунеллески. Это дивное совершенство величія и красоты.

Ученый библіотекаръ посвящаетъ много страницъ описанію палаццо, построеннаго по плану Брунеллески. Сужденія почтеннаго ученаго чрезвычайно дѣльны; и совершенно справедливъ энтузіазмъ, которымъ одушевлены они. Я приведу лишь тѣ подробности, которыя необходимы для ясности дальнѣйшей исторіи резиденціи князей Кастель-Бельпассо.

Верхняя терраса холма очень обширна; имѣетъ видъ четырехъ-угольника; длина ея — поперекъ гряды, перпендикулярно рѣкѣ. Соотвѣтственно гребню гряды есть и на террасѣ верхняя линія; она идетъ параллельно рѣкѣ, черезъ ширину террасы, недалеко отъ юго-западнаго края террасы, почти параллельно этому краю. На обѣ стороны отъ этой верхней линіи покатость, едва замѣтная для простаго глаза, но въ перспективѣ, на большомъ разстояніи, дающая значительную разницу между этимъ верхнимъ уровнемъ и нижнимъ краемъ террасы, сѣверо-восточнымъ.

Потому, дѣлать квадратное или загнутое зданіе значило бы портить впечатлѣніе неодинаковостью высоты фундамента.

Другое важное для архитектора соображеніе — видъ на зданіе и видъ изъ оконъ зданія. Холмъ лишь немногими футами выше сосѣднихъ вершинъ гряды по обѣ стороны. И вся гряда была тогда (какъ остается и теперь) покрыта высокимъ вѣковымъ лѣсомъ. На обѣ эти стороны фасады были бы сами не видны и лишены обширныхъ видовъ изъ оконъ. Но и обширны и превосходны перспективы по направленіямъ въ перерѣзъ гряды: на сѣверо-востокъ, черезъ рѣку, на Катанійскую равнину и дальше, до самой Этны; и на юго-западъ, на широкую долину со множествомъ низенькихъ волнистыхъ изгибовъ, маленькихъ озеръ, ручьевъ, деревушекъ, до хребта, въ которомъ возвышается гора Лауры.

По этимъ топографическимъ даннымъ, Брунеллески и опредѣлилъ положеніе направленіе, общее очертаніе дворца. Это постройка по верхней линіи террасы, — центральный павильонъ съ крыльями, развернутыми въ прямую линію. Зданіе трехъ-этажное. Стилъ его — коринфскій орденъ. Длина — около тысячи палмъ (болѣе еще нашихъ русскихъ сажень).

Существуютъ ли въ Европѣ дворцы, болѣе обширные? — дѣлаетъ себѣ вопросъ ученый авторъ, подробно описавъ красоту всего зданія, красоту центрального павильона, павильоновъ на оконечностяхъ, частей, соединяющихъ боковые павильоны съ центральнымъ, — не забывши ни одного портика, ни одной колоннады. —

Болѣе обширные дворцы существуютъ; болѣе прекраснаго — нѣтъ въ цѣлой Европѣ. — Эскуріаль — это дикое безобразіе. Ватиканъ, Латеранъ, Лувръ, Тюльери — это груды построекъ разныхъ эпохъ, разныхъ плановъ; нѣкоторыя части въ нихъ — довольно хороши; въ цѣломъ каждое изъ этихъ сооруженій — безвкусица. Такъ, ученый авторъ перебираетъ всѣ зданія, о которыхъ можетъ быть рѣчь, когда вопросъ идетъ о колоссальномъ дворцѣ. Результатъ обзора — совершенно справедливый выводъ: изъ дворцовъ, превосходящихъ резиденцію князей Кастель-Бельпассо обширностью размѣровъ, нѣтъ ни одного, который годился бы хоть быть упомянуть вмѣстѣ съ нею по архитектурному достоинству. Есть нѣсколько дворцовъ, имѣющихъ равное ей архитектурное достоинство; но всѣ они несравненно меньше ея размѣрами.

Одинъ только дворецъ во всей Европѣ — соперникъ этой резиденціи; палаццо Питти во Флоренціи, другое созданіе того же генія.

Но если палаццо Питти равняется резиденціи князей Кастель-Бельпассо колоссальною красотою своего плана, то какое же сравненіе между этими двумя дворцами по выгодности мѣста, занимаемаго ими? Палаццо Питти стоитъ въ городѣ, стѣсненный отовсюду; нѣтъ перспективы, чтобы видѣть красоту его во всемъ ея величіи. Она видна только на чертежахъ. Кастель-Бельпассо занимаетъ положеніе, какого требуетъ архитектурная величественная красота. Это единственный въ Европѣ дворецъ громаднаго и безукоризненнаго совершенства, вполне проявляющій свою красоту очарованному взгляду знатока, любителя не плановъ зданій, а самихъ зданій.

И этотъ пейзажъ, дающій видѣть несравненную красоту величественнаго дворца, такъ прекрасенъ, что придаетъ резиденціи еще завиднѣйшую прелесть. — О, какъ восхитительна эта мѣстность! — милая долина на югѣ, прелестная Катанійская равнина по другую сторону; между ними, широкая, могучая и спокойная рѣка; по грядѣ возвышеній дивныя вѣковые лѣса; подлѣ дворца, съ востока, перерывъ этой могущественной лѣсной полосы, живописно-дикое ущелье; къ западу эти холмы лѣсовъ тянутся безъ перерыва до края горизонта. По соседству палаццо могучіе лѣса превращены въ дивный паркъ; искусство воспользовалось всѣми силами природы, чтобы дать ей роскошь разнообразія, и обогатило ея дѣла дѣлами мысли человѣческой: повсюду гроты, бассейны, цвѣтники, бюски, статуи. А склоны холма покрыты лавровыми рощами, богатыми фруктовыми садами, — и вся верхняя терраса, прежде неплодная скала, теперь великолѣпнѣйшій цвѣтникъ.

Палаццо, какимъ гордился бы Парижъ, какъ лучшимъ своимъ украшеніемъ, стоитъ въ живописной роскоши пейзажа, какого нѣтъ за Альпами нигдѣ, какихъ мало въ самой Итали. Въ раю — дворецъ, достойный рая.

Три поколѣнія строили этотъ несравненный дворецъ. И всѣ слѣдующія поколѣнія владѣльцевъ — четырнадцать князей Кастель-Бельпассо, бывшіе владѣтелями этого дворца въ теченіе трехъ столѣтій, — всѣ чувствовали сами и слышали отъ всѣхъ, что и нѣтъ лучшаго дворца, и нельзя желать, и что все, о чемъ можно заботиться — это объ усовершенствованіи пейзажа, окружающаго это совершенство красоты, о внутреннемъ обогащеніи этого дивнаго зданія, неприкосновеннаго въ идеальномъ совершенствѣ своей граціозно-величественной формы.

Всѣ князья Кастель-Бельпассо знали это и свято исполняли свою обязанность

хранить неприкосновеннымъ это дивное созданіе Брунеллески, заботясь только объ усовершенствованіи пейзажа кругомъ дворца и приданіи дворцу блистательнѣйшей славы внутренними обогащеніями. Эти двѣ заботы достаточно возвышенны, и многообразны, и безграничны для желаній, чтобы поглощать всѣ мысли самыхъ могущественныхъ умовъ. И многіе изъ князей Кастель-Бельпассо обезсмертили себя на вѣки, предаваясь этимъ великимъ заботамъ съ геніальною силой ума и геройскою твердостью характера.

Лучезарны ореолы князей, трудившихся надъ исполненіемъ этихъ двухъ обязанностей всѣми способностями и средствами своихъ могущественныхъ душъ. Кто затруднится отвѣтомъ, если спросить:

Знаешь ли ты, что сдѣлали князья Кастель-Бельпассо Эццелино, Манфреды III и V, Фридрихи VI, X, XV, и какъ ты думаешь о нихъ?

Каждый любитель искусствъ за Альпами и каждый грамотный человѣкъ въ Италіи скажетъ:

Я хорошо знаю дѣла этихъ князей; и расскажетъ подробно о каждомъ изъ нихъ безъ ошибки, которые изъ нихъ что сдѣлали для украшенія парка, которые что для внутренней отдѣлки комнатъ, которые обогащали картинную галерею или скульптурный музей, или библіотеку дворца.—И прибавитъ: я думаю, что слава cadaго изъ нихъ равна славѣ перваго строителя ихъ палаццо, Лоренцо, потому что каждый изъ нихъ придавалъ этому дворцу высшую славу своими заботами объ окружающемъ дворецъ паркѣ или внутреннемъ обогащеніи дворца.

И нынѣшній князь Альфонсо I, хоть еще только десять лѣтъ занимаетъ санъ главы фамилии, ужъ приобрѣлъ своему имени славу, равную той хвалѣ, какую заслужилъ знаменитѣйшій князь Лоренцо.—заключаетъ свою брошюру почтенный ученый.—Вся Европа превозноситъ имя великаго покровителя искусствъ и наукъ, основавшаго въ Кастель-Бельпассо новый музей античныхъ статуй и барельефовъ, открываемыхъ его заботливостью въ развалинахъ Джирдженти, и новую картинную галерею, составляемую исключительно изъ произведеній Сициланскихъ живописцевъ; великаго покровителя искусствъ и наукъ, неослабно и великодушно ободряющаго также и художниковъ всѣхъ націй приобретеніемъ лучшихъ работъ ихъ по всѣмъ отраслямъ рисовальнаго и скульптурнаго искусствъ; мецената, назначившаго значительныя ежегодныя пособія ученымъ обществамъ Катаніи, Палермо и всѣмъ знаменитѣйшимъ ученымъ обществамъ Италіи, и главнымъ ученымъ обществамъ за-альпійскихъ странъ; щедраго помощника всѣмъ достойнымъ труженикамъ наукъ, выдающаго въ настоящее время болѣе тридцати пенсій знаменитымъ, но бѣднымъ писателямъ. Съ каждымъ годомъ возрастаютъ его щедроты въ пользу искусствъ и наукъ и возрастаетъ блескъ славы его въ Европѣ. Кто изъ насъ проживетъ еще полъ-вѣка, тѣ будутъ слышать, что вмѣсто названія „меценатъ“, общимъ именемъ покровителя музъ будетъ служить слово „альфонсо“.

Почтенный авторъ этого панегирика напечаталъ свою брошюру по секрету отъ князя, которому предрекалъ, что его имя войдетъ во всеобщее употребленіе на мѣсто имени друга Виргилія и Горація. Брошюра была оттиснута только въ 25 экземплярахъ; всѣ экземпляры были великолѣпно переплетены и одинъ изъ нихъ, напечатанный на пергаментѣ, и особенно богато переплетенный,—въ серебряныхъ дощечкахъ съ рѣзьбою и съ золотымъ рельефнымъ гербомъ и вензелемъ князя

Альфонсо. И всё 25 экземпляровъ были присланы ученому автору. Все это, секретно.

Полтора мѣсяца туюкъ съ этими книжками лежалъ въ комнатѣ автора нераспечатанный. Поднести князю назначенный для него экземпляръ — раздумывалъ библиотечарь: или съечь туюкъ? Много листовъ исписалъ Таддео Прочида въ эти полтора мѣсяца. Грустные листы. У меня тосковало сердце, когда я читалъ эту тетрадь его рукописныхъ мемуаровъ.

Старикъ, ни къ чему не пригодный, кромѣ должности библиотечаря и музейнаго хранителя. Жена старуха; его сестры, ея сестры, старыя дѣвушки. И всё привыкли жить въ изобиліи. Привыкли жить безо всякаго запаса на будущее: для чего сберегать Прочидамъ? Пять вѣковъ Прочида неизмѣнно служили потомкамъ Гоэнштауфеновъ и пять вѣковъ князя Кастель-Бельпассо неоскудно вознаграждали службу неизмѣннаго рода Прочидь...

Замѣчаете вы, люди нынѣшняго поколѣнія, мало привычные понимать придворный тонъ въ печати, — замѣчаете ли вы теперь, что нѣсколько ошибались, воображая, будто бы авторъ брошюры нацисалъ ее съ мыслью польстить? — Онъ написалъ панегирикъ; это правда. Но все, что онъ написалъ, онъ искренно чувствовалъ. И кромѣ той разницы, которая существуетъ между энтузіазмомъ и равнодушнымъ судомъ, нѣтъ никакого другого различія между его панегирикомъ и офѣнкою тѣхъ же фактовъ историками, современными намъ. Онъ писалъ съ горячимъ чувствомъ. Но оно не затемняло его разсудокъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Князь Альфонсо,

отецъ князя Эццелино.

Ужъ много разъ спрашивала синьора Бари: „Получили вы вашу книжку, синьоръ Прочида?“ — Онъ отвѣчалъ: „нѣтъ еще, синьора“. Бари, — или „эта Бари“, la Batti, какъ звали ее за глаза, была сдобная женщина съ цѣлымъ возомъ пепельныхъ волосъ, съ безстыжими сѣрыми глазами, — нѣмка изъ Баварской столицы, нарочно доставленная оттуда князю Альфонсо черезъ Альпы, Апеннины и море. Въ Сициліи все черномазья. А потомкамъ Гоэнштауфеновъ, какъ въ жены годились только блондинки, для поддержанія въ родѣ признаковъ своего происхожденія отъ Гоэнштауфеновъ, такъ и въ любовницы гораздо приличнѣе были блондинки. Это распространеніе принципа на выборъ любовницъ было, разумѣется, исключительно принадлежностью тѣхъ изъ князей Кастель-Бельпассо, которые особенно дорожили славою своего имени. Князь Альфонсо былъ первымъ почувствовавшимъ такую необходимость приличія, послѣ многихъ предметниковъ, не имѣвшихъ столько ума и характера, чтобы даже и въ выборѣ любовницъ руководиться идеею своего происхожденія отъ нѣмецкихъ императоровъ, блондиновъ.

Марія Годартъ вела въ Мюнхенѣ жизнь такую безчестную, по мнѣнію камердинера, котораго обязанностью было повѣчаться съ нею, что онъ даже запнулся высказать готовность, — случай безпримѣрный въ теченіе двухъ или болѣе вѣковъ

при дворѣ князей Кастель-Вельпассо. Пораздумавши, согласился, однако, и „эта Годартъ“ — стала „этою Бари“. Такой дерзкой, безстыдной, пошлой, алчной фаворитки никогда еще не бывало ни у одного изъ князей Кастель-Вельпассо по единодушному свидѣтельству всѣхъ ученыхъ, занимавшихся исторіею потомковъ Гоэнштауфеновъ. Сдѣлалось стереотипнымъ выраженіе: „Появленіе Маріи Бари въ Кастель-Вельпассо было такимъ оскверненіемъ дворца, какому еще не подвергалась эта резиденція“. Разверните какую хотите книгу, упоминающую о Маріи Бари, вы найдете эту фразу.

Но такой мастерицы прислуживаться сладострастію не знавалъ князь Альфонсо при всей обширности своихъ знакомствъ по этому вопросу. И „эта“ Бари — по русски говорилось бы съ такимъ отгѣнкомъ смысла: „Машка“, — нераздѣльно владычествовала надъ сердцемъ князя Альфонсо.

„Она сильна, она очень сильна; она всемогущая“, раздумывалъ, библіотекаръ: „Но... все таки, не лучше ли сжечь брошюру?—И князь Альфонсо очень милостивый господинъ; чрезвычайно милостивый; олицетвореніе добродушія; но... все таки лучше: пораздумаю еще“. —И онъ думалъ полтора мѣсяца.

Княгиня Вильгельмина прислала за библіотекаремъ. Супруга князя Альфонсо была тоже нѣмка (и тоже блондинка, это уже разумѣется само собою: для выбора въ супруги своему наслѣднику это было необходимое условіе, по принципу всѣхъ князей Кастель-Вельпассо). Но воспитана была по тогдашнимъ правиламъ благонравія. Выходила замужъ существомъ, уже совершенно забытымъ, замуштрованнымъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше дѣлалась идіоткою. И теперь, года черезъ три четыре послѣ свадьбы, она имѣла лицо до такой степени оробѣлое и обезсмыслившееся, что мудрено было даже разобрать, были ль черты ея лица красивы. Нѣчто кругловатое, желтоватое, съ мутными бѣлками, на которыхъ на каждомъ по голубому круглому пятну, — глазами этого нельзя назвать; остальное, какъ слѣдуетъ: носъ, и уши, и ротъ; можно ли все это назвать человѣческимъ лицомъ? Должно. Кромѣ прислуги ея, — въ томъ числѣ духовника, — рѣдко кто видывалъ княгиню. Но всѣ подданные обожали ее за доброту, уважали и за то, что она умѣла быть всегда важна.

Эта идіотка, на тотъ разъ не стоящая на колѣнахъ въ молитвѣ, а просто сидящая въ темномъ платьѣ полумонашескаго покроя, съ десяткомъ брилліантовыхъ бляхъ, нацѣпленныхъ отъ маковки до пояса повсюду, гдѣ только возможно пришить, и съ двумя, тремя десятками перстней всяческихъ цвѣтовъ на пальцахъ, пошевелила негибающимися отъ перстней пальцами руки въ знакъ того, что видитъ и привѣтствуетъ библіотекаря.

— Я слышала, синьоръ написалъ о палаццо. По такому ли случаю написалъ синьоръ, какъ мнѣ говорили? По разговору съ этою Бари.

— Да, синьора.

— Скажите этой Бари, синьоръ Прочида: я прощаю ей все за это. Желаю вамъ успѣха, синьоръ Прочида.

Въ голосѣ ея было что-то, подобное чувству. На лицѣ промелькнуло нѣчто подобное смыслу. Она слегка наклонила голову въ знакъ, что аудіенція кончена. Библіотекаръ молча вышелъ, пятясь по этикету.

Тощее лицо ученаго старика, будто обтянутое потускнѣлымъ желтоватымъ сафьяномъ прямо по костямъ, всегда будто мертвое, теперь, вѣроятно, подергива-

лось: онъ выражается въ своемъ дневникѣ, что былъ взволнованъ. Постоялъ нѣсколько времени въ аванзалѣ, махнулъ рукою и быстрыми шагами пошелъ къ себѣ, разорвалъ тюкъ, взялъ экземпляръ съ серебряными дощечками и золотымъ гербомъ, и отнесъ къ синьорѣ Бари. — Это было поутру. Весь день библиотекаръ чувствовалъ тяжесть въ головѣ и легкую ломоту во всемъ тѣлѣ. Мучительность ожиданія доводила его до лихорадки. Но онъ говоритъ, что теперь ужъ не имѣлъ робости: какъ рѣшился отдать экземпляръ для поднесенія князю, почувствовалъ радость на душѣ: „Исполняю долгъ вѣрнаго слуги, и будь, что будетъ. Поступаю какъ честный человѣкъ, и будь, что будетъ“. И съ этой минуты онъ пересталъ робѣть, говорить онъ; и надобно вѣрить: онъ былъ честный человѣкъ и не любилъ хвалиться ничѣмъ, кромѣ того, что сдѣлалъ много важныхъ находокъ на покрытыхъ пылью полкахъ библиотеки. И ночь онъ проспалъ спокойно, говоритъ онъ.

Утромъ его позвали къ его господину и другу милостивому и доброму.

Князь Альфонсо сидѣлъ въ шлафрокѣ, ужъ напудренный. Князь Альфонсо дѣйствительно былъ добрый господинъ; и величественный и красивый: полный блондинъ, высокаго роста, съ большимъ лбомъ, съ орлинымъ носомъ, съ толстыми губами, съ розовыми щеками. Теперь красивое лицо ласково улыбалось, — лишь немножко съ иронією; въ сѣрыхъ глазахъ была веселость, отчасти насмѣшливая.

— Благодарю за подарокъ; я прочелъ вашу книжку съ большимъ удовольствіемъ. Прошу садиться, синьоръ Таддео.

— Я писалъ нелестивымъ перомъ, благороднѣйшій свѣтлѣйшій князь. Все, что я писалъ, я чувствую.

— Но вы не все написали, что чувствуете.

— Не все, свѣтлѣйшій благороднѣйшій...

— Оставимъ церемоніальную титуляцію, синьоръ Таддео; проще „князь“.

— Такъ, я написалъ не все, что чувствую; потому что чувства, не дерзкія въ преданномъ сердцѣ, не дерзкія, можетъ быть, и въ изустномъ выраженіи, въ которомъ исходятъ изъ души съ тономъ голоса, свидѣтельствующимъ о настроеніи духа, — превращались бы иногда въ дерзкія мысли при выраженіи ихъ бездушными литерами подъ безпощаднымъ давленіемъ типографскаго станка. Но я надѣялся, что умолчаніе не будетъ утайкою: что для васъ, которому одному должна быть понятна цѣль моей книги, будетъ ясно недосказанное, скрытое отъ постороннихъ мое мнѣніе.

— Ваше мнѣніе? — не будетъ ли точнѣе сказать: ваше порицаніе. — Въ голосѣ князя начинало слышаться рокотаніе гнѣва, но пока еще сдерживаемое, едва замѣтное: — скрытое отъ постороннихъ? вы ошибаетесь, синьоръ Таддео. Вы доказываете, что палаццо — идеалъ совершенства; что всякая пристройка къ нему была бы варварствомъ. Кто жъ могъ бы не понять, съ какимъ намѣреніемъ написана ваша книжка. Вы доказываете, что владѣтелямъ дворца остаются только два способа пріобрѣсти славу — украшать окрестности его и обогащать его внутри; слишкомъ ясно изъ этого, вы запрещаете думать о томъ, чтобы увеличивать самый дворецъ. Вы доказываете, что я пріобрѣлъ достаточную славу обогащеніемъ картинной галлерей и тому подобными прекрасными заслугами; не ясно ли, что я не довольствуюсь этою славою, что я безумный мечтатель и вы образумливаете меня? — „Довольствуйся достижимымъ, не стремись показать Европѣ, что ты ли-

шенъ вкуса, лишень смысла, что ты варваръ, вандалъ“, правильный ли это комментарий на вашу брошюру, синьоръ Таддео?—и у кого не достанеть соображенія прочесть это между строками вашего панегирика.

Грохотаніе замолкло. Склонивши голову, сидѣль библіотекаръ съ опущенными глазами. Была мертвая тишина. И не билось сердце библіотекаря; замерло подъ раскатами грозы, въ ожиданіи удара, который тяжеле смертельнаго. Умереть въ милости—это бы не страшно: жена и тѣ старушки продолжали бы пользоваться всѣмъ изобиліемъ... „Но я исполнилъ обязанность вѣрнаго слуги, и будь, что будетъ“,—библіотекаръ говоритъ въ своемъ дневникѣ, что сохранялъ это сознаніе и въ ту роковую минуту, и не раскаивался.

— Вы очень ученый человекъ, синьоръ Таддео, вы...

Неужели смягчился гнѣвъ? Кажется, это ласково. Библіотекаръ поднялъ глаза. Такъ. Лицо князя еще горитъ горячкою гнѣва, но ужъ просвѣтлѣло улыбкою милости. Библіотекаръ опять потушилъ глаза; но теперь на сердцѣ у него было ужъ легко.

— Вы очень ученый человекъ и при этомъ очень умный человекъ, синьоръ Таддео. Но вы кабинетный человекъ. Вы не дипломатъ.—Князь опять замолчалъ. Библіотекаръ видѣлъ его колѣна, руку, лежащую на колѣняхъ; въ рукѣ золотую табакерку съ портретомъ княгини, осыпаннымъ брилліантами. Рука, прежде неподвижно сжимавшая въ ладони табакерку, теперь пошевелилась, табакерка передвинулась держась между пальцевъ; опустилась другая рука и стала вертѣть табакерку.—Князь повернулъ руку съ табакеркою ладонью кверху и началъ пальцами другой руки пощелкивать по табакеркѣ.

— Я вспылить, Прочида, и былъ не совсѣмъ правъ передъ вами. Вы честный, преданный, неизмѣнный другъ. Въмѣсто досады, я долженъ чувствовать признательность къ вамъ и благодарить судьбу за то, что имѣю такого друга.—Князь медленно понюхалъ табакъ.—Прочида, дайте мнѣ видѣть вашъ взглядъ. Это взглядъ преданности и чести. Онъ не долженъ быть потуляемъ.—Библіотекаръ сидѣлъ не въ огорченіи теперь, а отъ стыда, все опустивши глаза; и, вѣроятно, на сухихъ желтыхъ щекахъ старика игралъ теперь румянецъ, какъ у дѣвушки отъ застѣнчивой радости.

— Прочида, сказалъ князь: не хотите ли вы понюхать?—Князь протянулъ къ нему раскрытую табакерку.

Въ самомъ дѣлѣ, князь Альфонсо былъ человекъ высокой души. Честный слуга имѣлъ право говорить въ своемъ дневникѣ, что его господинъ и другъ, свѣтлѣйшій князь, не по титулу только, но и по сердцу „благороднѣйшій“ между свѣтлѣйшими князьями.

— Синьоръ Прочида, началъ князь: прошу васъ принять отъ меня эту мою любимую табакерку въ память о настоящей минутѣ, въ память о вашемъ благородномъ... и вдругъ не договоривши размѣренной фразы, горячо сказалъ: Таддео, я не князь, я только твой другъ, и благодарю тебя, — и обнялъ Прочиду.

— Мы, на которыхъ обращены глаза милліоновъ, не можемъ держать себя со свободою людей, живущихъ въ болѣе скромной долѣ, — началъ князь, послѣ этого порыва чувства;—мы должны быть всегда сдержанны въ своихъ чувствахъ. Этикетъ—это цѣпи, сбросить которыхъ съ себя мы не имѣемъ права, потому что нѣтъ

на насъ никакихъ другихъ цѣлей. Наше счастье было бы счастьемъ болѣе, нежели человѣческимъ, если бы мы освободили себя и отъ этого единственнаго стѣненія, напоминающаго намъ, что мы люди. До свиданія, Прочида; я не могу продолжать разговора въ стѣнительныхъ формахъ, налагаемыхъ на меня обязанностями моего общественнаго положенія.

Черезъ полтора или два часа библіотекарь былъ опять позванъ къ своему господину и другу. Князь былъ теперь въ своемъ золотомъ и кружевномъ полномъ туалетѣ и въ орденѣ Подвязки, который одинъ пользовался его уваженіемъ и одинъ былъ всегда на немъ, кромѣ случаевъ необходимости надѣвать другіе ордена.

Теперь князь былъ и во весь разговоръ остался спокоенъ; но и милостивъ, и ласковъ, сколько позволяли формы этикета.

— Прону садиться, синьоръ Прочида, и поговоримъ какъ должны говорить люди вашихъ лѣтъ и моихъ лѣтъ, также лѣтъ зрѣлаго разсудка, и если еще не преклонныхъ, то ужъ и далекихъ отъ поры юности, счастливой поры, въ которой и позволительны и даже прекрасны увлеченія. Мы должны быть разсудительны, хладнокровны. Поговоримъ, какъ прилично людямъ серьезнымъ и дѣльнымъ. Вы неправъ, синьоръ Прочида. Ваше чувство прекрасно, но оно не выдерживаетъ хладнокровнаго разбора. И я даже полагаю, что вы были въ этомъ случаѣ орудіемъ интриги. Такова часто бываетъ роль людей, подобныхъ вамъ чистотою души. Кто внушилъ вамъ эту мысль?

— Никто, благороднѣйшій свѣтлѣйшій князь. Эта мысль давно глодала мое сердце.

— Мы здѣсь одни и отношенія наши интимныя, дружескія. Повторяю просьбу называть меня просто „князь“, безъ лишней длинной титуляціи. Я вѣрю, синьоръ Прочида, что эта мысль мучила ваше сердце. Вѣрю и тому, что давно она стала вашимъ собственнымъ убѣжденіемъ. Но я полагаю, первый зародышъ этого чувства, самобытно развивагося въ васъ, былъ заброшенъ въ ваши мысли какими-нибудь, будто бы, искренними и благородными сожалѣніями этой женщины, уваженія къ которой я требую, потому что все, близкое ко мнѣ, должно быть уважаемо, но которую самъ я не могу уважать.

— Вы ошибаетесь, князь. Синьора Бари тутъ не при чемъ. Она только исполнила мою просьбу передать вамъ эту книгу, — просьба была потому, что я былъ взволнованъ, боялся, томился, хотѣлъ, чтобы это скорѣе разрѣшилось тѣмъ или другимъ для меня, человѣка семейнаго. Я не могъ длить свою тоску еще тою проволочкою, чтобы просить у васъ аудіенціи и ждать пока вы будете имѣть время принять меня.

— Вы отвѣчаете, какъ обязанъ благородный человѣкъ. Но я знаю все отъ самой этой Бари.

— Когда синьора Бари рассказала все вамъ, князь, то мой языкъ свободенъ отдать громко передъ вами справедливость благородному чувству, высказанному ею въ этомъ дѣлѣ. Синьора Бари не могла судить правильны ли мои расчеты. Если я ошибаюсь, вина лежитъ на мнѣ одномъ. За синьорою Бари остается заслуга преданности интересамъ вашимъ и вашего рода, благороднѣйшій свѣтлѣйшій князь.

Князь расхохотался. — Преданность этой Бари? Даже благородство. Надобно

лучше понимать жизнь, вѣрнѣе судить о людяхъ. Постройка будетъ поглощать лишнія деньги. Бари будутъ получать меньше подарковъ. Вотъ какъ надобно понимать дѣло. Алчная женщина воспользовалась простодушіемъ Прочиды, чтобы отклонить князя отъ предпріятія, невыгоднаго ей.

Библіотекарь былъ ошеломленъ. Это не приходило ему въ голову. Князь торжественно, подшучивая надъ его незнаніемъ жизни. Старикъ сидѣлъ, понурившись. Но черезъ двѣ, три минуты поднялъ глаза и твердо сказалъ:

— Я былъ смущенъ догадкою, неожиданною для меня. Я человекъ кабинетный, и легко смущаюсь, наталкиваясь на возраженія, дѣлаемые мнѣ съ точки зрѣнія, на которую трудно мнѣ становиться по моей житейской неопытности. Но я привыкъ разбирать ученые вопросы, которые гораздо запутаннѣе житейскихъ интригъ. И при маленькомъ размысленіи я легко могу рассмотреть и по житейскимъ дѣламъ, въ чемъ правда. Ваша догадка несправедлива, благороднѣйшій свѣтлѣйшій князь. Синьора Бари алчная женщина. Но въ этомъ дѣлѣ ея корыстолюбіе не при чемъ. Или нашептываетъ ей даже въ пользу вашего проекта. У васъ не будетъ свободныхъ денегъ, вы будете дарить ей меньше прежняго. Но подрядчики будутъ давать ей взятки. И ростовщики, къ которымъ будете вы обращаться, тоже. Ваша постройка дастъ ей въ десять, въ двадцать разъ больше, нежели могла бы она когда-нибудь получить отъ вашихъ милостей. Она жертвуетъ своими расчетами для пользы вашей и вашихъ дѣтей. Вы говорите: она подлая женщина. Не мнѣ быть защитникомъ ея образа жизни. Но въ этомъ дѣлѣ она поступила, какъ благородный человекъ.

Въ свою очередь, князь призадумался. Но опять разсмѣялся: Вы несправильный юноша съ сѣдыми волосами, синьоръ Прочида. Я презираю эту женщину. Мое семейство ненавидитъ и оскорбляетъ. Душа у нея подлая. Она живетъ со мною только для того, чтобы обирать меня. И больше говорить нечего о ея участи въ вопросѣ объ этомъ ли, о какомъ ли другомъ дѣлѣ. Займемся лучше разборомъ брошюры, написанной вами. Все въ ней—или преувеличеніе, внушенное вамъ энтузіазмомъ, или совершенное незнаніе жизни.

Простодушный бібліотекарь говоритъ въ своемъ дневникѣ, что князь очень расшутился, разбирая его брошюру, и говорилъ многое, конечно, только для шутки, или увлекаясь живостью своего скептическаго остроумія. Князь осмѣивалъ своихъ предковъ, не щадя даже и самихъ Гоэнштауфеновъ. Осмѣивалъ пустоту генеалогическихъ чувствъ. Шутки его были блистательны. Но не основательны, по мнѣнію бібліотекаря, который гораздо серьезнѣе самого князя изучалъ исторію Гоэнштауфеновъ и ихъ потомковъ. Словомъ, эти остроумныя тирады были такъ же циничны и занимательны для любителей цинизма, какъ легкомысленныя произведенія Вольтера, и такъ же поверхностны, такъ же недостойны того, чтобы серьезный ученый обращалъ на нихъ вниманіе. Онъ стыдился бы осквернять листы своего дневника этими скандальными анекдотами, или недостовѣрными, или совершенно опровергнутыми основательною историческою критикою. Для сущности вопроса, о которомъ шелъ споръ, эти остроумныя клеветы на великихъ людей и не имѣютъ никакого значенія. Библіотекарь записалъ только то, что относилось прямо къ спорному дѣлу, — и по своей скромности и безусловной искренности, откровенно признается, что на всѣхъ существенно важныхъ пунктахъ онъ былъ совершенно разбитъ княземъ.

Дворецъ, какого другого нѣтъ въ Европѣ. Это слишкомъ. Очень хороший, это правда. Одинъ изъ самыхъ хорошихъ въ цѣлой Европѣ — и это, пожалуй, можно сказать по справедливости. Но не говоря о за-альпійскихъ странахъ, въ одной Италіи насчитывается пять или шесть такихъ, которые не хуже или даже лучше.

Внутренними обогащеніями можно приобрести славу, равную знаменитости строителя дворца, князя Лоренцо. — Нѣтъ. Въ старину говорили: „толпа хочетъ быть обманываема, и надобно обманывать ее“. Это устарѣло. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ толпа не хочетъ быть обманываема; и если стараться, не успѣешь обмануть ее. И благородные люди нашего просвѣщеннаго вѣка не могутъ унижаться до желанія обманывать. Обманъ — это подлость. Но толпа — все таки толпа и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ. Она не умѣетъ цѣнить тихой и скромной дѣятельности. Ей нужны эффекты. Людовикъ XIV любилъ производить эффекты, онъ великій человекъ. Людовикъ XV живетъ смиренно — его презираютъ всѣ. А при немъ благосостояніе Франціи возрастаетъ; это не хотятъ знать и сами французы. Они презираютъ своего короля, который и умѣе и добрѣе великаго Людовика, и превозносятъ великаго Людовика, который во сто разъ ничтожнѣе нынѣшняго презираемаго короля. Люди, которые хотятъ быть знамениты, должны дивить, чѣмъ бы то ни было, лишь бы дивить „Vulgus vult stupere, ergo stupeat“. — „Толпа хочетъ быть ослѣпляема, надобно ослѣплять ее“.

Князя Капель-Вельпассо не могутъ имѣть своихъ армій. Потомки Гоэнштауфеновъ не могутъ служить династіямъ. „Я не могу прославиться какъ правитель или полководецъ. Я могу соперничать съ Людовикомъ XIV только постройками. И я создамъ нѣчто побольше и получше его Версаля. У меня во сто разъ меньше средствъ, нежели у него, но я превзойду его на той аренѣ соперничества, которая одна доступна мнѣ для состязанія съ нимъ. И тѣмъ яснѣе будетъ для всѣхъ, какъ неизмѣримо выше его я по уму и силѣ характера.“

Вѣдный простякъ, проникнутый благоговѣйнымъ усердіемъ къ славѣ князей Капель-Вельпассо былъ ослѣвленъ. Надъ нимъ первымъ совершилось дѣйствіе правила, принятаго княземъ Альфонсо *Vulgus vult stupere, ergo stupeat*. Въ тотъ и въ слѣдующій день онъ исписалъ цѣлый десятокъ листовъ своего дневника восторженными тирадами о величій души князя Альфонсо.

Но хоть и простякъ съ узкими понятіями вѣрнаго слуги, бібліотекаръ былъ человекъ съ твердымъ здравымъ смысломъ. На день, на два его разсудокъ затмился очаровательнымъ блескомъ идеи, что его господинъ и другъ затмитъ славу Людовика XIV. Но на третій день Прочида ужъ началъ образумливаться и думать о дѣлѣ по прежнему.

Семьдесятъ лѣтъ строился дворецъ, занимающій одну сторону террасы. Сколько же лѣтъ заняла бы постройка, охватывающая три другія стороны, изъ которыхъ двѣ, перпендикулярныя нынѣшнему дворцу, чуть не вдвое длиннѣе этой линіи дворца. — Если строить, какъ пло дѣло тогда, — на излишекъ доходовъ, — это потребуетъ цѣлыхъ трехъ столѣтій. А все должно быть создано однимъ княземъ Альфонсо. Что жъ это значитъ? — На постройку пойдутъ не излишки только. Пойдутъ всѣ доходы. Князь обрекаетъ себя жить нищимъ. И той жертвы мало. Надобно будетъ заложить всѣ владѣнія. Нищета на три, на четыре поколѣнія князей Капель-Вельпассо.

И безо всякой надобности. И Версаля все таки не постройтъ князь Альфонсо, хоть бы отдалъ и дѣтей, и жену, и самого себя въ закладъ подъ векселя. Стало быть, не только бесполезное дѣло, но и такое, которое не можетъ принести удовольствія даже и завсѣгда. Принесетъ только стыдъ. Обнаружить недостаточность средствъ.

И безвкусіе. Пусть правда, что нынѣшній дворецъ не самый первый дворецъ въ цѣломъ свѣтѣ по красотѣ. Но одинъ изъ лучшихъ, въ этомъ сознался самъ князь Альфонсо. Одно изъ тѣхъ зданій, какія производятся только гениями первой величины. Брунеллески, Рафаель, Браманте, — и кто еще послѣ нихъ? — кажется четвертаго такого архитектора еще не было. И теперь — это несомнѣнно — нѣтъ такого. Что жъ будетъ новая постройка? — Громадный аргументъ: „Этотъ князь хотѣлъ быть соперникомъ Брунеллески“. О, стыдъ! подвергать себя такому подавляющему сравненію.

Страшно латалкиваться на его гнѣвъ во второй разъ. Но такъ велить обязанность.

И княгиня звала опять къ себѣ и просила продолжать. И синьора Бари ободряетъ. — Подумаль, подумаль Прочида, и при первомъ удобномъ случаѣ возобнови въ разговоръ.

Князь Альфонсо былъ и добръ и уменъ. Выслушалъ съ улыбкою, не раздражаясь. И отвѣчалъ, смѣясь:

Лучше, нежели Брунеллески, я не умѣю строить. Но хорошіе архитекторы есть и теперь. И самъ я человекъ со вкусомъ. — Надобности нѣтъ? — Вы самъ прославляете князя Лоренцо за нынѣшній дворецъ; это зданіе въ десять разъ громаднѣе, нежели требуетъ надобность. Размѣры того, что нужно для удобства, простора, роскоши — размѣры обыкновеннаго большого дома. Князь Лоренцо построилъ не то. И какъ теперь дивитесь величію его души вы, такъ будетъ потомство дивиться величію моей души. Голосъ современниковъ — это отголосокъ мелочныхъ отношеній, грошевыхъ расчетовъ, обыденныхъ неудобствъ. Кто хочетъ жить въ вѣкахъ, долженъ быть глухимъ къ мимолетному ропоту. Нищенство? — Это фантазія. Князья Капель-Вельпассо не могутъ быть нищими, пока длится настоящій порядокъ вещей. Пусть мой наслѣдникъ наслѣдуетъ отъ меня только долги; въ Германіи, въ Англіи много невѣсть съ колоссальными придаными, — выбирай изъ нихъ такую, которая самага знатнаго рода. — Но проченъ ли такой порядокъ, при которомъ невѣсты самыхъ знатныхъ фамилій считаютъ за честь вступитъ въ мою фамилію? Руссо говоритъ: непроченъ этотъ порядокъ. Совѣтуетъ знатнымъ учить дѣтей какому нибудь ремеслу, потому что можетъ настать время, когда бывшимъ знатнымъ понадобится пріобрѣтать хлѣбъ столярствомъ или плотничествомъ. Но если такъ, то не все ли равно: богатыми или задолжавшими застанетъ ихъ эта конфискація?

И ученый библіотекаръ опять видѣлъ себя сбитымъ со всѣхъ позицій.

— Меня ожидалъ санъ кардинала; я рассчитывалъ сдѣлаться папою. Смерть старшихъ братьевъ дала мнѣ другое положеніе въ обществѣ. Не жалѣю. Мнѣ привольнѣе жить въ свое удовольствіе. Но мнѣ дали образованіе, котораго не имѣли мои старшіе братья, предназначавшіеся быть — одинъ празднымъ вельможею, другой — солдатомъ. Я не невѣжда, какъ были они, какъ были почти всѣ люди, прежде меня занимавшіе санъ главы семейства. Мои понятія шире; и мое честолюбіе не можетъ довольствоваться пошлыми обыденностями. Я все сказалъ, синьоръ

Прочида, и прошу васъ не возобновлять этого разговора. Благодарю васъ за преданность мнѣ, но прошу васъ не возобновлять этого разговора. Вы знаете, какъ поступилъ Людовикъ XIV съ Фенелономъ, Вобаномъ, Расиномъ? Онъ былъ глупецъ съ пошлымъ характеромъ. Я считаю себя не такимъ. Но и я человѣкъ. И я могу потерять терпѣніе. Не вводите меня въ грѣхъ быть неблагодарнымъ за вашу вѣрную службу.

— Исполню вашу волю, сказалъ честный добрякъ. Но прошу васъ объ одномъ: не подвергайте отвѣту за меня синьору Бари. Это только моя дерзость. Синьора Бари не виновата.

— Вы не на шутку стали уважать эту подлую женщину. Князь Альфонсо засмѣялся. — Успокойтесь. Она для меня совершенно незамѣнимая прислужница.

— Но она въ немилости у васъ.

— Да. Но не тревожьтесь. Она заслужитъ свою вину.

Добрякъ помолчалъ. Потекли слезы у него изъ глазъ.

— Благороднѣйшій свѣтлѣйшій князь, вы человѣкъ великаго ума и сильной души. Вы могли бы заслужить славу не менѣе блистательную, чѣмъ ваши предки Фридрихъ II и Барбарусса. И вы растрачиваете вашу жизнь... Прочида не могъ продолжать, помѣшали слезы.

— Растрачиваю мою жизнь на грязный развратъ и хочу тратить на пустую, хоть колоссальную, затѣю? — Такъ пришлось, любезный другъ. Нѣтъ дѣятельности достойной меня. О, если бы нашлась! О, если бъ оправдались предсказанія этого сумасброда, но умнѣйшаго и даже разсудительнѣйшаго изъ всѣхъ нашихъ современниковъ, этого республиканскаго дикаря Руссо! О, если бы демагоги успѣли взбунтовать чернь при моей жизни! Тогда мы всѣ — Гоэнштауфены, Бурбоны, Габсбурги, — могли бы забыть наши семейные раздоры; на защиту порядка противъ буйства, мы должны были дружно дѣйствовать всѣ, покинувши наши мелкіе счеты о старшинствѣ и старыхъ взаимныхъ обидахъ. Я рѣшился бы командовать арміями Бурбуновъ и Габсбурговъ, и нашелъ бы дорогу къ славѣ, достойной моихъ душевныхъ силъ...

Простякъ благоговѣнно слушалъ и подробно записалъ, какіе великіе подвиги совершилъ бы его господинъ и другъ, если бы открылась для этого гениальнаго человѣка дорога къ славѣ, достойной его душевныхъ силъ.

И не напрасно считалъ вѣрный слуга своего господина и друга гениемъ. Хоть и честный человѣкъ, добрякъ привыкъ имѣть образъ мыслей вѣрнаго слуги. А идеи вѣрнаго слуги всегда бывають узки, низки. И господину, если онъ не набитый дуракъ, легко изумлять слугу, хоть бы отъ природы и умнаго человѣка, широтою и возвышенностью своихъ воззрѣній.

Но хоть и одурѣвшій отъ привычки быть вѣрнымъ слугою, Прочида былъ человѣкъ отъ природы неглупый, даже очень даровитый. И опять оправился въ разсудкъ и скоро сталъ исписывать листы своего дневника сожалѣніями о томъ, что его господинъ и другъ раззоряется самъ и готовитъ нищенство дѣтямъ чрезмѣрными расходами на постройку, ни къ чему не нужную.

Впрочемъ, какъ человѣкъ правдивый, Прочида признавалъ, что напрасная пристройка, которую порицалъ онъ, какъ раззорительную, не обезобразитъ прежняго палаццо: князь Альфонсо призвалъ Панини, очень хорошаго архитектора, и, самъ человѣкъ со вкусомъ, руководилъ Панини при составленіи плана превосход-

ными соображеніями: „Лучше Брунеллески намъ съв ами, синьоръ Панини, не придумать; притомъ же зданіе должно казаться построеннымъ все по одному плану; намъ надобно только увеличить созданіе Брунеллески, примѣняясь къ обстоятельству мѣстности. Прошу васъ начертить планъ трехъ новыхъ сторонъ четырехъ-угольника въ стилѣ готовой стороны“.

И планы вышли хоть не имѣющіе никакой самобытности, но прекрасно гармонирующіе съ произведеніемъ гениальнаго Брунеллески,—то есть, и сами прекрасные.

Прочида добросовѣстно записалъ въ своемъ дневникѣ, что съ художественной точки зрѣнія онъ опасался по напрасну. Палаццо не искажается; выигрываетъ въ отношеніи величія, ни мало не утрачивая красоты. — Но денежный вопросъ — увь! — съ каждымъ годомъ оказывается имѣющимъ размѣры все ужаснѣе всѣхъ прежнихъ ужасныхъ соображеній.

Цѣны матеріаловъ и работы все растутъ; и воровство все развивается. Синьора Вальберни, потерпѣвши немилость и купивши себѣ прощеніе усиленными усердіями по службѣ собственнымъ тѣломъ и менѣе опытными, но болѣе свѣжими тѣлами мимолетныхъ жительницъ гарема, очень скоро примирилась съ необходимостью отбросить всякую честную мысль о будущности, которую желаетъ приготовить себѣ и своимъ дѣтямъ ея господинъ и другъ. Нельзя удержать его отъ раззоренія, — надобно перехватывать, сколько можно, изъ денегъ, которыми соритъ онъ по тремъ окраинамъ террасы. И съ каждымъ мѣсяцемъ совершенствовалась она въ искусствѣ выжимать деньги изъ подрядчиковъ. И за каждые новые два, три процента уступки ей, подрядчики умѣли обманывать ее на двадцать, на тридцать новыхъ процентовъ грабежа въ свою пользу... И кто отважился бѣ уличать, идя противъ нея, когда и объ руку съ нею была погибель за первое слово правды. И какъ было бѣ уличать? Князь Альфонсо строить съ энергіею горячки: быстрѣе быстрѣе! — только и слышно отъ него. Недостатокъ въ рабочихъ — надобно привлекать, повышая плату; несообразный съ производствомъ запросъ на матеріалы — не могутъ же дорожать они! Всѣ счеты сообразны съ естественными условіями дѣла, и правильно сводятся всѣ балансы... И со втораго же года пошли займы; одно помѣстье за другимъ отдается въ залогъ; доходы уменьшаются, а расходъ на бесполезное дѣло растетъ...

Пять, шесть лѣтъ еще такъ, — и все будетъ продано съ аукціона. Или даже скорѣе... Погибель, близкая погибель потомкамъ Гоэнштауфеновъ...

Этими размышленіями наполнены три послѣдніе годы дневника вѣрнаго слуги. Таддео Прочида тремя годами пережилъ свою брошюру и начало постройки. — „Скорбитъ мое сердце... Изнемогаетъ душа и ветшаетъ тѣло“... Замѣтки этого характера все чаще и чаще попадаются на печальныхъ страницахъ. — „Это гибельное предпріятіе сводитъ меня въ гробъ раньше времени“, замѣчаетъ вѣрный слуга на одной изъ послѣднихъ строкъ дневника.

Но если бѣ простодушный простякъ прожилъ еще съ годъ или съ полтора, онъ увидѣлъ бы, что могъ бы и не принимать дѣло такъ близко къ сердцу. Печаль, которая свела его въ гробъ, скоро послѣ его смерти оказалась близорукимъ страхомъ, мелкимъ и низкимъ понятіемъ раба о душевной жизни человѣка свободнаго.

Года четыре князь Альфонсо горячился строить и строить памятникъ своего умственнаго и нравственнаго величія на славу въ вѣкахъ. Выведенъ былъ фундаментъ по всѣмъ тремъ новымъ сторонамъ будущаго четырехъ-угольника. Начина-

лась мѣстами кладка гдѣ кирпича, гдѣ тесаного камня, первыхъ рядовъ нижняго этажа. Князю Альфонсо стали прискучивать хлопоты о славномъ имени въ потомствѣ. И сталъ онъ соображать хладнокровно. Невозможно продолжать постройку такимъ горячимъ манеромъ: гораздо раньше, нежели кончишь, займы съ процентами разростутся такъ, что все пойдетъ на аукціонъ. Еще нѣсколько времени пораздумалъ такъ и рѣшилъ вести дѣло, какъ требуетъ разсудокъ. Раззоряться не для чего. Какія будутъ оставаться лишнія деньги отъ обыкновеннаго образа жизни, тѣ пусть обращаются на постройку.

— Недостаетъ денегъ, надобно заключить новый заемъ, сказалъ ему главный кассиръ постройки.

Не нужно займа. Разложить работы на сроки подольше.

Синьора Бари была тутъ, какъ всегда при всякихъ важныхъ случаяхъ. Что жъ это будетъ? Князь Альфонсо сказалъ ей, какъ рѣшилъ. Она стала доказывать, что по такому порядку дѣло пойдетъ слишкомъ медленно.

— Молчи, дура, остановилъ господинъ и другъ ревностную помощницу свою въ приобрѣтеніи вѣчной славы. Прежде—помнишь?—ты сама хотѣла бы отклонить меня отъ этого. А теперь воровать по архитектурной части вошло тебѣ такъ во вкусъ, что когда я образумился, тебѣ не нравится. Въ этомъ отношеніи, ты не глупа; и за это я тебя хвалю. Но въ томъ ты дура, что проживши со мною столько лѣтъ, все еще воображаешь, будто можешь управлять мною. Говори это другимъ,—не запрещаю. Даже самъ подаю видъ другимъ, будто слушаюсь тебя. Пусть даютъ тебѣ взятки. Но сама ты должна помнить: не прошу тебя управлять мною. Дура, не забывайся. Понимаю, милѣйшая: горько тебѣ, что иссохнетъ самый богатый источникъ твоихъ доходовъ. Но—умѣй покориться жестокости судьбы.

И постройка пошла очень тихо. Все тише и тише. Черезъ два, три года оставалось на работѣ лишь три, четыре десятка людей, вмѣсто прежнихъ безчисленныхъ работниковъ. Много ли могло оставаться лишнихъ денегъ изъ обыкновенныхъ доходовъ?

Вовсе бросить бы эту постройку. Слѣдовало бы. Было только стыдно показать, что не достало твердости характера. Князь Альфонсо говорилъ, что израсходовался, что времена нынѣ тяжелыя, что какъ только придутъ времена благопріятія, онъ возобновитъ дѣло съ прежнею энергіею. А по довѣрію говорилъ синьоръ Бари: „найди ты мнѣ благовидный предлогъ вовсе бросить эту постройку и тогда скажу: умная женщина.“

Но какой же можно было найти благовидный предлогъ отказаться отъ славы въ грядущихъ вѣкахъ? — Сколько ни предлагала предлоговъ синьора Бари, ни одинъ не годился.

И тянулось дѣло со всевозможною вяlostью, а все таки тянулось... Лѣтъ десять, и больше. И дотягивалось до того, что еще бы лѣтъ десятокъ такой работы и была бы возведена постройка до верху оконъ перваго этажа.

Но—вдругъ однажды—это было въ 1794 году—князь Альфонсо съ улыбкою медленно понюхалъ табаку, потеръ руки и сказалъ синьоръ Бари: выходить тебѣ случай немножко поживиться опять на счетъ подрядчиковъ. Не въ прежнемъ размѣрѣ, но порядочно таки. Мнѣ пришла въ голову хорошая мысль. Нынѣшнія обстоятельства годятся для того, чтобы съ честью покончить вопросъ о постройкѣ.

И кончить можно скоро, и расходовъ не такъ много, и отъ одного этажа въ неотдѣланномъ видѣ, съ голыми стѣнами и даже безъ дверей, пожалуй, для сокращенія издержекъ, приобретется такая слава, какой не заслужило бы dokonченное зданіе во всѣ три этажа съ великолѣпнѣйшею отдѣлкой.

Князь Альфонсо былъ умный человекъ. Едва ли кто другой подумалъ бы извлечь изъ тогдашнихъ обстоятельствъ еще и эту славу, въ добавленіе къ славамъ, ужъ извлекавшейся изъ нихъ княземъ Альфонсо.

О какихъ тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ говорилъ, понятно по цифрѣ года, въ которомъ онъ придумалъ извлечь изъ нихъ, кромѣ всѣхъ прежнихъ славъ, еще новую.

Вспыхнула французская революція. Принцы королевской фамиліи, большинство аристократовъ эмигрировали. Возбуждали всю Европу усмирить буйство. Сами собирали войска на Рейнѣ. И пошли коалиціонныя арміи усмирять буйство. Начались войны, сравнительно съ которыми походы Фридриха II, маршала Саксонскаго, Карла XII Шведскаго, всѣ войны сплошь до тридцатилѣтней, были маневрами мелкой забавы.

Князь Альфонсо дождался того, что открывалась ему дорога къ совершенію геройскихъ подвиговъ, собственными своими предреченіями о которыхъ приводилъ онъ когда-то въ благоговѣніе добряка библіотекаря.

Но мало ли что говорится. Не все то дѣлаетъ умный человекъ, о чемъ говорить. Кто могъ бы уличить: „хвалились, когда ничего не было; что жъ теперь не геройствуете?“ — Старикъ давно былъ похороненъ. А если были говорены такія предрѣченія и въ уши другимъ, легко было отговориться: „Если бы я былъ моложе, пошелъ бы самъ усмирять буйство. Тогда, я моложе; и если бы тогда, то дѣйствительно пошелъ бы“.

И кто изъ разсудительныхъ людей могъ упрекнуть пятидесятилѣтняго человека, что онъ не идетъ сражаться самъ? Никто не требовалъ этого. Всѣ только восхваляли усердіе, дивное усердіе князя Альфонсо къ защитѣ порядка, усмирению буйства.

Кто раньше его началъ приносить жертвы на пользу общаго дѣла? Кто приносилъ больше жертвъ? Кто приносилъ ихъ болѣе постоянно? — Никто.

Въ Кобленцѣ отправлялись груды денегъ; тянулись обозы съ оружіемъ, купленнымъ по распоряженію князя Альфонсо на нѣмецкихъ, на бельгійскихъ фабрикахъ. Маріи-Антуанетта писала, и всѣ Бурбоны, и Габсбурги, и Вельфы, и Виттельсбахи писали князю Альфонсо, что онъ достойный преемникъ Гоэнштауфеновъ...

Не только для славы, но и въ коммерческомъ отношеніи это было умное дѣло, хлопотать о томъ, чтобы поскорѣе и пожарче разгоралась война. — На войнѣ стрѣляютъ; на стрѣльбу нуженъ порохъ; на порохъ нужна сѣра. Сѣру на всю Европу доставляютъ окрестности Этны. Очень большіе куски окрестностей Этны — во владѣніяхъ князя Альфонсо.

Лишь только успѣвай добывать сѣру — сколько хочешь подавай, всю покупаютъ на расхватъ; по двойной, по тройной цѣнѣ противъ прежняго.

Князь Альфонсо пощелкивалъ по крышкѣ табакерки, поюхивалъ, улыбаясь, и говорилъ синьорѣ Вари: — „Хорошія подошли времена; лишь бы эти санкюлоты дрались хорошенько, подольше бы держались противъ моихъ милыхъ союзниковъ. Одна только и можетъ быть бѣда: скоро побьютъ злодѣевъ. Ты все еще вѣришь

въ Бога, мой ангелъ; такъ молись же, милѣйшая, чтобъ онъ помогаль этимъ безбожникамъ подольше отбиваться отъ нашихъ друзей. Тутъ и на твою долю кое что перепадаетъ“.

Синьора Бари молилась. И скоро князь Альфонсо убѣдился, что молитвы ея услышаны. А въ 1794 году было ужь очевидно, что много, много лѣтъ и запросъ на сѣру и цѣна ея будетъ все только рости.

Дѣло выходило такое солидное, что оказывалась надобность не на шутку приобрѣтать славу въ вѣкахъ. Куда дѣвать столько лишнихъ денегъ?—Некуда, кромѣ какъ приобрѣтать славу. А когда такъ, то слѣдуетъ позаботиться, чтобы современникамъ и потомству легко было исполнѣ цѣнить жертвы, которыя приносить князь Альфонсо на пользу праваго дѣла.

Во-первыхъ, всѣ должны слышать и видѣть, что постройка—это пламенная страсть князя Альфонсо; если работа ужь много лѣтъ шла очень вяло, это не потому, что князь Альфонсо охладѣвалъ къ своему дѣлу—нѣтъ, только потому, что не было денегъ. Онъ страдалъ отъ этой проволоочки. И вотъ, какъ только явились средства, онъ возгорѣлся прежнимъ пыломъ.

И работа закипѣла. Быстро поднялись стѣны перваго этажа. И вдругъ, Панини слышитъ приказаніе: „бросить все“. Какъ бросить? Что это значить?—Князь Альфонсо мучится совѣстью; совѣсть восторжествовала. Все должно идти на помощь правому дѣлу. Это рѣшено. Возраженія напрасны.

— Но если бросить такъ, размоютъ дожди. Надобно хоть покрыть, вставить двери, окна.

— Правда. Что ужь выстроено, то надобно сбережъ. Только, чтобы это обошлось какъ можно дешевле. Все должно быть самое простое, самое дешевое. Каждый лишній дукатъ, истраченный на это, будетъ жечь мою душу адскимъ пламенемъ. Какъ можно дешевле; все самое простое.

Такъ и было исполнено. И былъ это эффектъ. И останется эффектомъ для потомства. Пламенная страсть—и подавлена для общей пользы. Должно было выстроить въ три этажа—а вотъ, видите, только одинъ этажъ. О, великая душа!

— Очень ловкій фокусъ, говорилъ Панини синьорѣ Бари, при прощаньѣ. И какъ жаль, что такой умъ занимается только пошлостями.

— Какъ же вы хотите, чтобъ въ головѣ у этого человѣка было что-нибудь, кромѣ пошлости? отвѣчала синьора Бари. Все сердце у него сплошь каменное. Всѣ мы сколько-нибудь честно чувствуемъ хоть что-нибудь, хоть когда-нибудь. Онъ—совершенно не знаетъ ничего похожаго на привязанность или хоть на состраданіе.

Я заимствоваль всѣ эти подробности изъ мемуаровъ Панини, книги, хорошо извѣстной всѣмъ, занимающимся исторіею Италіи того времени (*Storie. Palermo. 1811*).

На свои обыкновенные доходы князь Альфонсо жилъ съ такою пышностью, больше какой не нужно умному человѣку. Когда всѣ кричатъ: „у него самый лучший гаремъ; у него самые роскошные пиры“—этого довольно умному человѣку. Бросать еще больше денегъ на это, значило бы терять деньги безъ пользы. Потому и приходилось князю Альфонсо приносить изумительныя жертвы на пользу праваго дѣла, пока цли ему совершенно лишніе миллионы экстренныхъ доходовъ.

Самъ онъ не пошелъ предводительствовать усмирителями злодѣевъ не потому, что не хватило бы у него храбрости. Полководецъ остается далеко позади боевой

лини; опасности отъ пуль нѣтъ ему никакой; и ядра рѣдко могутъ долетать. Князь Альфонсо не пошелъ воевать просто потому, что излѣнился. Въ недостатокѣ мужества никто и не подозрѣвалъ его. И по всей вѣроятности, онъ не имѣлъ недостатка въ этомъ славномъ качествѣ. Оно было фамилльнымъ въ потомствѣ Гоэнштауфеновъ.

И сыновья князя Альфонсо не были трусы. По мѣрѣ того, какъ подростали, они рвались биться за правое дѣло. Отецъ не особенно поощрялъ ихъ; но и не удерживалъ.

Сыновой у него было четверо. Ставшій подростъ для войны въ 1793 году; младшій — Эццелино — въ 1798.

Когда Эццелино сталъ проситься у отца на войну, одинъ изъ тѣхъ старшихъ былъ ужь убитъ. Но все еще остается трое сыновей. А необходимъ только одинъ. Владѣнія князей Кастель-Бельпассо не раздроблялись. Одному наслѣднику необходимо существовать на свѣтѣ; а если есть у него братья, это уже сверхъ-штатные люди. Эти сверхъ-штатные сыновья предназначались, по общему правилу тогдашней аристократіи, на карьеры холостой жизни: быть духовными, быть военными. Самъ князь Альфонсо — бывший третьимъ братомъ — воспитывался для духовнаго званія. И чуть не пожалѣлъ, когда смерть старшихъ двухъ братьевъ въ первой молодости передвинула на него наслѣдство. Кардиналомъ было бы ему привольнѣе жить. Женитьба — это непріятное стѣсненіе. Но какъ быть, когда велитъ судьба? — Князь Альфонсо не только женился, но даже былъ добросовѣстнымъ мужемъ, какъ это ясно ужь и изъ того, что жена родила четырехъ сыновей; а были, кромѣ того, еще и дочери.

Одинъ изъ четырехъ былъ ужь убитъ; но оставалось еще двое сверхштатныхъ. Поэтому отецъ не удерживалъ младшаго, желавшаго показать, что онъ не уступаетъ храбростью старшимъ.

Они въ это время командовали партизанскими отрядами въ южно-итальянскихъ горахъ. Эццелино предназначался къ военной карьерѣ; умѣлъ маршировать, былъ знатокъ всѣхъ тонкостей тогдашняго многосложнаго плацъ-параднаго ремесла. Поэтому съ перваго же дня годился быть офицеромъ въ отрядѣ одного изъ братьевъ. Очень скоро годился самъ командовать особымъ отрядомъ. Геройскіе подвиги его были такіе же ежедневные, иной день ежечасные, какъ и старшихъ братьевъ. Да всѣ молодые князья были достойными потомками героевъ, своихъ предковъ, короля Манфреда и двухъ Фридриховъ императоровъ.

Пока Макдональдъ оставался въ Неаполѣ, геройскія дѣла доставляли только славу храбрымъ партизанамъ. Французы били ихъ при каждой серьезной встрѣчѣ. — Но Макдональдъ съ большею частью войска долженъ былъ идти на подкрѣпленіе малочисленной французской арміи въ сѣверной Италіи; въ Неаполѣ остался только слабый отрядъ. Французы ужь могли ходить летучими колоннами въ горы; должны были держаться всѣ вмѣстѣ; думать только о защитѣ столицы противъ русско-турецкаго войска, высадившагося въ окрестностяхъ Неаполи. Кардиналъ Руффо — главнокомандующій партизановъ, собралъ свои отряды и пошелъ помогать русскимъ и туркамъ штурмовать городъ. Французы и Неаполитанскіе приверженцы новаго порядка дѣлъ были подавлены числомъ. Рѣзня продолжалась нѣсколько дней. Изъ трехъ сыновей князя Альфонсо, участвовавшимъ въ этомъ подвигѣ, пережилъ рѣзню только одинъ — младшій.

И долженъ былъ перестать сражаться. Отецъ — вдовый старикъ. Эццелино

остался одинъ сынъ у него. Эццелино долженъ жить, жениться, быть наслѣдникомъ и продолжать фамилію.

То, что право наслѣдованія передвинулось на него, это не могло быть непріятно бывшему младшему брату, которому предстояло быть не болѣе, какъ военнымъ авантюристомъ, — дослужиться, пожалуй, и до очень важныхъ чиновъ, — но когда-то еще. Да хоть сдѣлаться когда и самымъ важнымъ генераломъ какой-нибудь иностранной службы, — что это значитъ сравнительно съ саномъ главы фамиліи Кастель-Вельпассо. Подобно отцу, примирившемуся съ тѣмъ, что судьба отняла у его душевныхъ силъ дѣятельность въ званіи кардинала и мечту быть папою, Эццелино легко примирился съ необходимостью прекратить свои военные подвиги.

Но какъ отцу, такъ и ему, одно обстоятельство представлялось непріятнымъ въ новой его судьбѣ — надобность жениться. Это стѣсненіе. Стѣсненіе не можетъ нравиться никому. Но что необходимо, то необходимо.

Князь Эццелино вѣхалъ жить съ отцомъ не совсѣмъ довольный только тѣмъ, что надобно будетъ жениться. Если бы не жениться, эта дѣвушка не была бы непріятностью. Нисколько. Даже было бы очень мило быть близкимъ къ ней. Какъ дѣвушка, она прекрасна. А впрочемъ, не надобно же забывать: жениться, это необходимость. А когда надобно имѣть жену, то имѣть женой Эмилию Роанъ — это самое лучшее. Вообще, это непріятность быть женатымъ, но быть женатымъ на Эмили Роанъ — это очень пріятно. И хоть сейчасъ же по пріѣздѣ онъ готовъ вѣнчаться. И даже, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Очень радъ, очень радъ.

(На этомъ рукопись прерывается).

КОРМИЛО КОРМЧЕМУ.

(Переводъ съ татарскаго).

ГЛАВА 1.

1. Во дни Абдъ-Эль-Кадера и маршала Бюжо, былъ въ Алжиріи, въ горахъ Джурджурскихъ, человѣкъ угодный Богу. И имя ему было Махмудъ-Абу-Джафаръ-Ибнъ-Мустафа. 2) И жилъ онъ въ горахъ Джурджурскихъ съ отцомъ своимъ Мустафою и сыномъ своимъ Джафаромъ. 3) И былъ отецъ его Мустафа старецъ, исполненный долгою днѣй; и занимался богомыслиемъ, земныя же дѣла оставилъ. 4) И занимался ими сынъ его Махмудъ-Абу-Джафаръ. И продавалъ Абу-Джафаръ втайнѣ водку правовѣрнымъ; въявѣ же, дѣвушекъ Джурджурскихъ французскимъ офицерамъ. 5) И ѣздилъ онъ въ Алжиръ; и былъ угоденъ маршалу Бюжо. И ѣздилъ въ смалу Абдъ-Эль-Кадера; и былъ угоденъ Абдъ-Эль-Кадеру. 6) И былъ онъ по званію марабутъ; и потому прозвали его марабутъ-Абу-Джафаръ Продажная Душа. 7) И благо ему было съ отцомъ его Мустафою и сыномъ его Джафаромъ, и всемъ домомъ его. 8) Потому что былъ онъ угоденъ Абдъ-Эль-Кадеру, и угоденъ маршалу Бюжо. И творилъ добро и былъ угоденъ Богу.

9. И по дняхъ маршала Бюжо настали дни герцога Омальскаго. И генераль Ламорисьеръ взялъ въ плѣнъ Абдъ-Эль-Кадера. 10) И не стало въ Алжиріи вождя правовѣрныхъ, чтобы быть Абу-Джафару угоднымъ вождю правовѣрныхъ. А гяурамъ стало не нужно, чтобы Абу-Джафаръ былъ угоденъ имъ. 11) И восплакалъ Абу-Джафаръ плачемъ великимъ, съ отцомъ своимъ Мустафою и сыномъ своимъ Джафаромъ, и всемъ домомъ своимъ.

12. И исполнились дни отца его Мустафы въ плачѣ томъ, отъ печали великой; и умеръ Мустафа. 13) И оплакалъ Абу-Джафаръ смерть отца своего, и предалъ землѣ тѣло его, и пересталъ плакать объ отцѣ своемъ. 14) И продолжалъ плакать съ сыномъ своимъ Джафаромъ и всемъ домомъ своимъ о печали своей великой, что нѣтъ въ Алжиріи вождя правовѣрныхъ, чтобы быть угоднымъ вождю правовѣрныхъ; а гяуры говорятъ: „нѣтъ намъ надобности, чтобы ты былъ угоденъ намъ“.

15. И по немногихъ дняхъ явился ему ночью въ видѣніи сна отецъ его Мустафа и сказалъ: 16) „Возстань отъ горъ Джурджурскихъ, и иди въ страну Восточную, въ горы Кавказскія. 17) Есть тамъ вождь правовѣрныхъ и воюеть съ гяурами. И благо тебѣ будетъ въ горахъ Кавказскихъ, и сыну твоему Джафару“. 18) И

возбуждавшись отъ сна, повѣдалъ то Абу-Джафаръ сыну своему Джафару, и возрадовались оба радостью великою.

19) И продалъ Абу-Джафаръ французскимъ офицерамъ женъ своихъ и женъ сына своего Джафара, и другихъ домочадицъ молодыхъ своихъ; 20) а старымъ домочадицамъ своимъ и вѣмъ домочадцамъ своимъ далъ по гауреккой монетѣ въ пять франковъ, каждой старой домочадицѣ и каждому домочадцу далъ монету въ пять франковъ: и отпустилъ ихъ съ миромъ. 21) Потому что былъ Абу-Джафаръ человѣкъ угодный Богу, и творилъ добро.

22) И возставши съ сыномъ своимъ Джафаромъ отъ горъ Джурджурскихъ, пошелъ въ страну Восточную, на Кавказъ. 23) И пришелъ съ сыномъ своимъ Джафаромъ въ горы Кавказскія и поселился тамъ.

24) И были на Кавказѣ дни Шамиля, и дни князя Воронцова. 25) И сталъ Абу-Джафаръ тайнѣ продавать водку правобѣрнымъ; вѣявѣ же дѣвухекъ Кавказскихъ русскимъ офицерамъ. 26) И ѣздилъ онъ въ Тифлисъ и былъ угоденъ князю Воронцову; и ѣздилъ въ Гунибъ къ Шамилю, и былъ угоденъ Шамилю. 27) И благо ему было въ горахъ Кавказскихъ, лучше прежняго въ горахъ Джурджурскихъ, и сыну его Джафару. И купилъ себѣ новыхъ женъ, лучше прежнихъ; и домочадицъ молодыхъ новыхъ, лучше прежнихъ, и больше числомъ. И сыну своему Джафару. 28) Потому что былъ онъ угоденъ Шамилю и угоденъ князю Воронцову. 29) И творилъ добро, и былъ угоденъ Богу.

Г Л А В А 2.

1) И въ двадцатое лѣто дней Шамиля, и въ десятое лѣто дней князя Воронцова, въ мѣсяцѣ Шеввалѣ, въ первый день мѣсяца, въ праздникъ Великаго Байрама, въ первый день праздника, въ седьмой часъ дня, пришелъ Абу-Джафаръ въ Гунибъ во дворъ Шамилевъ, и сынъ его Джафаръ съ нимъ; и рукописание въ рукѣ сына его Джафара. 2) И сталъ Абу-Джафаръ во дворѣ Шамилевомъ, посреди двора; и возошилъ Абу-Джафаръ голосомъ великимъ:

3. Услышь, о Шамиль Гимрійскій, и услыште, набы Шамилевы и мюриды его, и весь народъ.

4. Я, марабутъ Махмудъ Абу-Джафаръ Ибнъ-Мустафа Джурджурскій, человѣкъ угодный Богу. 5) И жилъ я въ странѣ Западной, въ горахъ Джурджурскихъ, и былъ я угоденъ Абдъ-Эль-Кадеру. 6) И по слову отца моего Мустафы, бывшему ко мнѣ ночью въ видѣнїи сна, возсталъ я отъ горъ Джурджурскихъ, отъ страны Западной, и пошелъ въ страну Восточную, на Кавказъ. 7) И живу въ горахъ Кавказскихъ, и угоденъ я Шамилю. 8) И вотъ, пришелъ я во дворъ Шамилевъ въ Гунибъ, и сталъ во дворѣ Шамилевомъ, посреди двора; и сынъ мой Джафаръ со мною. 9) И стою я посреди двора Шамилева и сынъ мой Джафаръ стоитъ при мнѣ, и рукописание въ рукѣ Джафара. 10) И истинно слово мое.

11. И вышелъ Шамиль и вышли набы Шамилевы и мюриды его, изъ дому его, на средину двора его. И сошелся весь народъ: ' 2) Кумыки, и Казы-Кумыки, и Авары, и Мизджехи, называемые Чеченцы, собравшіеся на праздникъ Великаго Байрама въ Гунибъ, многое множество народа. 13) И сталъ народъ окрестъ мюридовъ, и мюриды окрестъ набовъ, и набы окрестъ Шамиля, и Абу-Джафара,

и сына его Джафара. 14) И сталъ Абу-Джафаръ передъ Шамилемъ, и сынъ его Джафаръ, и рукописаніе въ рукъ Джафара. 15) И возопилъ Абу-Джафаръ голосомъ великимъ:

16. Я, марабутъ Абу-Джафаръ Джурджурскій, человекъ угодный Богу. Истинно слово мое. 17) И сынъ мой Джафаръ стоитъ при мнѣ, свидѣтель мой, и рукописаніе въ рукъ Джафара.

18. Было мнѣ, Абу-Джафару, видѣніе сна. Явился мнѣ ночью въ видѣніи сна Казы-Мулла и сказалъ: 19) Абу-Джафаръ, человекъ угодный Богу, выслушай слово мое. И да напишетъ сынъ твой Джафаръ слово мое къ тебѣ, по слову твоemu, и будетъ свидѣтель твой. 20) И иди въ Гунибъ во дворъ Шамилевъ, и сынъ твой Джафаръ съ тобою, свидѣтель твой, и рукописаніе въ рукъ его. 21) И стань во дворъ Шамилевъ на праздникъ Великаго Байрама, въ первый день праздника, и повѣдай Шамилю и наибамъ Шамилевымъ, и мюридамъ его, и всему народу слово Казы-Муллы, что прочелъ Казы-Мулла въ книгѣ судебъ.

22. И возопилъ Абу-Джафаръ голосомъ великимъ:

23. Слово Казы-Муллы къ Абу-Джафару и слово Абу-Джафара къ Шамилю, и наибамъ Шамилевымъ, и мюридамъ его, и всему народу по слову Казы-Муллы ко мнѣ.

Г Л А В А 3.

1. И возопивши, возопилъ Абу-Джафаръ голосомъ великимъ, великимъ: Слово Казы-Муллы о судьбѣ Кавказа, какъ написано о судьбѣ Кавказа въ книгѣ судебъ.

2. Будутъ дни Шамиля; и во дни Шамиля сокрушится Кавказъ. Будутъ дни князя Воронцова и во дни князя Воронцова сокрушится Кавказъ.

3. Не отъ князя Воронцова сокрушится Кавказъ. Но будетъ во дни князя Воронцова Пожиратель Книгъ; и не отъ Пожирателя Книгъ сокрушится Кавказъ. 4) Но будетъ во дни князя Воронцова Сейсмоть Хадергетъ; и отъ Сеймота Хадергета сокрушится Кавказъ.

5. И написано о томъ въ книгѣ судебъ такъ:

6. Во дни Махмуда Стамбульскаго и Мегеметъ-Али Каирскаго родится въ самомъ большомъ городѣ на самой большой изъ гяурскихъ рѣкъ дитя мужскаго пола, не умѣющее читать. И назовутъ имя ему: Пожиратель Книгъ.

7. И прежде, нежели выучится дитя ходить, выучится оно читать. Трудно для вѣры людей слово то. Но истинно.

8. И выучившись читать, будетъ читать. 9) И по мѣрѣ возрастанія своего, будетъ все больше заслуживать данное ему имя: Пожиратель Книгъ.

10. И изучитъ семьдесятъ семь глухихъ наукъ, и семьдесятъ семь пустыхъ наукъ. А для отдыха, будетъ читать. 11) Потому что такова воля Божія, чтобъ у гяуровъ было 77 глухихъ наукъ и 77 пустыхъ наукъ; и чтобъ это дитя по мѣрѣ возрастанія изучило ихъ всѣ. 12) Потому что велика немилость Божія къ гяурамъ, и великъ его гнѣвъ на Пожирателя Книгъ. 13) Потому что отъ этого гяура будетъ много вреда правовѣрнымъ.

14. И когда онъ изучитъ 77 глухихъ наукъ и 77 пустыхъ наукъ, начнетъ

онъ изучать 77 хорошихъ наукъ. И въ это время начнутъ пробиваться у него усы. 15) Потому что такова воля Божія, чтобы нельзя было гяурамъ изучать никакой хорошей науки прежде, чѣмъ начнутъ пробиваться усы; и то рѣдко бываетъ, чтобы добивались гяуры до такихъ наукъ такъ рано. 16) И изучивши 77 хорошихъ наукъ, выберетъ онъ изъ нихъ семь, чтобы заниматься дальнѣйшею разработкою ихъ. 17) И выбравши, станетъ разрабатывать ихъ; а для отдыха будетъ читать всякія книги по прежнему.

18. И когда кончить писать семь томовъ сочиненія по одной изъ семи наукъ, начнетъ писать сочиненіе въ семь томовъ по другой. И въ это время будетъ читать для отдыха 23-й томъ первой серіи Энциклопедіи Эрта и Грубера. 19) Потому что такова воля Божія, чтобы былъ на свѣтѣ человекъ, который читалъ бы для отдыха Энциклопедію Эрта и Грубера отъ доски до доски. 20) И что такое Эртъ и Груберъ, не толкуется то въ книгѣ судебъ, и неизвѣстно никому на небесахъ; 21) Потому что такова воля Божія, чтобы не было то извѣстно никому на небесахъ.

22. И когда онъ прочтетъ для отдыха 123 тома Эрта и Грубера, близка будетъ погибель правовѣрныхъ на Кавказѣ. Потому что по прочтеніи ста двадцати трехъ томовъ Эрта и Грубера мало ужъ останется вышедшихъ томовъ той Энциклопедіи для прочтенія въ отдыхъ Пожирателю Книгъ. 23) И будетъ то около времени праздника Великаго Байрама въ двадцатое лѣто дней Шамиля. 24) И пришло время то. И близка погибель Кавказа.

25. Потому что ужъ немного остается вышедшихъ томовъ Эрта и Грубера для прочтенія въ отдыхъ Пожирателю Книгъ. 26) И прочитавши всѣ, которые вышли, онъ вздумаетъ, въ ожиданіи слѣдующихъ читать для отдыха интегралы. 27) И что такое интегралы, не истолковано въ книгѣ судебъ и неизвѣстно никому на небесахъ, потому что такова воля Божія.

28. И когда прочтетъ для отдыха интегралы, станетъ онъ больше прежняго думать о механикѣ. И механика толкуется въ книгѣ судебъ: столпотвореніе Вавилонское.

29. И будетъ онъ думать такъ: мало у людей силы, чтобы дѣлать столько работы, сколько нужно. 30) И у скота ихъ мало силы; и дорого стоитъ содержать скоть. 31) И выдумали люди паръ, чтобы работать; и мало силы у пара, и дорого стоитъ топливо, чтобы дѣлать паръ. 32) И потому не могутъ люди наработать себѣ ничего столько, сколько нужно. И потому живутъ скудно.

32. И напрасно мысль эта написана въ книгѣ судебъ. Потому что написано въ книгѣ судебъ:

33. Не потому бѣдность между людьми, что мало у нихъ силы на работу, а потому, что нѣтъ правды между людьми. 34) И пока не будетъ правды между людьми, не поможетъ людямъ ничто.

Г Л А В А 4.

1. Нѣтъ правды въ странѣ гяуровъ. 2) И пока не будетъ правды въ странѣ, бѣдно будутъ жить люди страны той. Такъ написано въ книгѣ судебъ.

3. Но не читалъ Пожиратель Книгъ книгу судебъ и не знаетъ онъ, что написано въ книгѣ судебъ. И напрасны мысли его:

4. И мысли его: мало у людей силы работать; и у скота ихъ, и у паровыхъ машинъ ихъ. И дорого стоитъ работа. И оттого бѣдность между людьми. И много силы у рѣкъ, и у моря, и у солнца. И сила та даромъ. И если брать силу отъ нихъ на работу, будетъ работы сколько нужно; потому что у нихъ много силы. И работа ихъ даромъ. И можно будетъ людямъ дѣлать все, что нужно.

5. И надобно, чтобы была такая машина, которая брала бы всякую силу на землѣ и въ водѣ, и въ воздухѣ, и въ небѣ, всякую большую силу, которая даромъ. Таковы мысли Пожирателя Книгъ. И прочитавши интегралы, будетъ онъ думать о той машинѣ, больше прежняго, и будетъ думать о ней правильно. Потому что правило тому въ интегралахъ.

6. И выдумаетъ онъ такую машину. И можно будетъ дѣлать ее такой силы, какой угодно. И работа ея даромъ.

7. И годится она для всякой работы, и большой и малой. И малая работа ей: варить, и печь, и прясть, и ткать, и шить; и строить дома и топить; и возить людей; и возить товары; и пахать землю; и сѣять, и жать, и собирать хлѣбъ.

8. И побольше малой, но не большая работа ей: строить дороги, и проводить каналы; и поправлять рѣчки; и проводить канавами и ручьями и рѣками воду для поливанія полей; и отводить воду канавами и рѣками, чтобъ не было болотъ, и не было болѣзни отъ болотъ; потому что всякая болѣзнь отъ болотъ; и чтобы не было болѣзни—и то побольше малой, но не большая работа машинѣ той.

9. И большая работа ей: чтобы не было ни песчаныхъ степей, ни соленыхъ пустынь, никакой бесплодной земли на лицѣ земли; покрывать лицо земли плодородной землей; и дѣлать равнины и долины, какъ нужно, и холмы и горы, какъ нужно; и бросать воду подъ облака дождемъ, и орошать землю дождемъ; и сосать воду изъ облаковъ, чтобы не было лишняго дождя; и дуть вѣтромъ, какъ нужно, и ставить до облаковъ загородки отъ вѣтра; и дѣлать вѣтеръ, и тихую погоду, какъ нужно; и наводить облака; и разгонять облака, чтобъ былъ видъ земли, какой нужно, и почва земли, какую нужно, и дождь и ясная погода, какъ нужно.

10. И подумаетъ Пожиратель Книгъ: вотъ и будетъ все, какъ нужно людямъ, и будетъ всего у людей сколько нужно; и будутъ люди жить хорошо, отъ работы этой машины; и будетъ имя этой машинѣ Эвергетъ.—И толкуется Эвергетъ по разумнѣю гяуровъ: благодѣтель; и толкуется по книгѣ судьбъ: добрая работа.

11. И сдѣлаетъ Пожиратель Книгъ чертежъ Эвергета; и отдастъ чертежъ.

12. И возьмутъ чертежъ Эвергета, и спрячутъ ото всѣхъ. И начнутъ дѣлать три бомбы; каждую бомбу вѣсомъ въ сто милліоновъ пудовъ. И толкуется то: вѣсь Сіона. И будутъ дѣлать ихъ втайнѣ.

13. И видъ той бомбы: огромность горы; и крѣпки стѣны ея, какъ врата ада; и сила воспламененія ея, какъ сила пламени геенны.

14. И сдѣлаютъ три бомбы. И тогда по чертежу Эвергета сдѣлаютъ машину такой мѣры, чтобъ она бросала ту бомбу на тысячу верстъ въ высоту; и толкуется то: сто высотъ облаковъ и выше того. И будутъ дѣлать машину ту съ катапультою; и толкуется то: рукоять, и на рукояти ложка, и ложка та для бомбы, и рукоять та вертится. И будетъ то машина не для работы; будетъ то машина для бросанія бомбы. И будутъ дѣлать ее втайнѣ.

15. И сдѣлави машину откроютъ; и скажутъ: имя этой машинѣ Сейсмоть; и толкуется то по разумѣнію гяуровъ: Потрясатель земли; и толкуется то по книгѣ судебъ: магеръ-шалалъ; и толкуется то: сильное оружіе.—И откроютъ бомбы и пустятъ машину заводить пружины, и охватятъ пружины одну бомбу, и будутъ подымать бомбу на катапульту.

16. И увидѣвъ то, и услышавъ то, вострепещутъ народы и скажутъ въ сердцахъ своихъ: На кого та бомба? Горе странѣ той, на которую та бомба!

17. И посылетъ пепломъ главу свою Пожиратель Книгъ и возрыдаетъ, и скажетъ: не сдѣланъ Эвергетъ, вмѣсто Эвергета сдѣланъ Сейсмоть, и да будетъ проклятъ Сейсмоть и да будетъ имя ему Хадергетъ. И толкуется то по разумѣнію гяуровъ: Дѣлатель геенны; и толкуется то по книгѣ судебъ: Хазъ-Базо. И толкуется то: Сейсмоть Хадергетъ потрясатель земли силою геенны, и толкуется то Магеръ-Шалалъ-Хазъ-Базо, сильный оружіемъ вскорѣ разорится.

18. Такъ написано въ книгѣ судебъ: Магеръ-Шалалъ-Хазъ-Базо, Сильный оружіемъ вскорѣ разорится.

Г Л А В А 5.

1. И возопивши возопилъ Абу-Джафаръ голосомъ великимъ: Потрясатель земли силою геенны, сильный оружіемъ вскорѣ разорится; такъ написано въ книгѣ судебъ.

2. И откроется народамъ Сейсмоть и будетъ подымать на себя бомбу, и положить на себя, на катапульту. И начнетъ Сейсмоть заводить пружину катапульту. И будутъ трепетать народы.

3. И заведется пружина катапульты, и спустится; и взмахнется катапульта, и полетитъ бомба. И будутъ смотрѣть народы, куда полетитъ бомба. Горе странѣ той.

4. И поднимется бомба на тысячу верстъ въ высоту и полетитъ на Кавказъ. Горе Кавказу, горе!

5. И возопилъ Абу-Джафаръ и возопивши возопилъ голосомъ великимъ: Горе Кавказу, горе!

6. Потому что съ тысячи верстъ высоты упадетъ бомба на Эльбрусъ. И пробьетъ Эльбрусъ до основанія. И великое землетрясеніе будетъ по всему Кавказу. И десятая часть людей на Кавказѣ погибнетъ въ расщелинахъ и подъ обрывами скалъ.

7. Велико горе Кавказу отъ паденія бомбы. И отъ взрыва ея погибель.

8. Взорвется бомба подъ Эльбрусомъ, подъ основаніемъ Кавказа, и разнесетъ Кавказъ; отъ моря до моря весь разнесетъ его на всѣ четыре вѣтра небесъ—въ море и въ море, и на сѣверъ и югъ разнесетъ она Кавказъ обломками скалъ. И въ этомъ взрывѣ и паденіи раздроблено будетъ въ щепки всякое дерево, бывшее на Кавказѣ, и стерто будетъ съ пылью въ грязь всякое живое тѣло, бывшее на Кавказѣ, отъ человѣка до мухи и до блохи.

9. Такъ написано въ книгѣ судебъ. Горе Кавказу, горе!—И возопивши возопилъ Абу-Джафаръ голосомъ вопля великимъ, великимъ: Горе Кавказу, горе! Такъ написано въ книгѣ судебъ.

10. И стояли наибы и мюриды, и плакали. И весь народъ.

ГЛАВА 6.

1. И возопилъ Абу-Джафаръ: Горе Кавказу, горе! Такъ написано въ книгѣ судебъ. 2) Но милосердъ Богъ и милостивъ. И пошлетъ Богъ спасеніе Кавказу. И спасеніе то будетъ баранъ.

3. Войдетъ баранъ во дворъ Шамилевъ въ Гунибъ и влѣзетъ на кровлю дома Шамилева, 4) и заблеетъ баранъ по козлиному, и спасетъ Кавказъ.

5. Потому что будетъ то вѣсть отъ Бога Кавказу: сталъ Пожиратель Книгъ читать для отдыха интегралы и скоро выдумаетъ Эвергета. 6) И не сдѣлаютъ гяуры Эвергета, сдѣланъ будетъ гяурами Хадергетъ. 7) Потому что такъ написано въ книгѣ судебъ: заблеетъ баранъ по козлиному и будетъ то знаменіе Кавказу о Пожирателѣ Книгъ. 8) Потому что баранъ символъ качествъ души Пожирателя Книгъ, голосъ же у этого гяура козлинъ. Такъ написано въ книгѣ судебъ.

9. И явится на кровлѣ дома Шамилева знаменіе того гяура и услышитъ народъ козлогласованіе его и пойметъ Кавказъ: близка погибель Кавказу отъ Пожирателя земли. 10) И смирится Кавказъ, и спасется Кавказъ. Такъ написано въ книгѣ судебъ. 11) И возопилъ Абу-Джафаръ: Такъ написано въ книгѣ судебъ! 12) И возопивши возопилъ голосомъ великимъ: Смирится Кавказъ, и спасется Кавказъ!

13. И плакали наибы и мюриды, и говорили: „Увы, если не смирится, сокрушится Кавказъ. Увы намъ, ахъ!“—И плакали плачемъ великимъ. И весь народъ. 14) И возопилъ народъ, и мюриды, и наибы возопили: Такъ написано въ книгѣ судебъ: смирится Кавказъ, и спасется Кавказъ.

15. И возопили воплемъ великимъ, какъ ревъ моря въ плескѣ бури волнами о скалы Кавказа: смирится Кавказъ, и спасется Кавказъ! Такъ написано въ книгѣ судебъ. И смиримся, и спасемся!

ГЛАВА 7.

1. И сказалъ Шамиль наибамъ своимъ, и мюридамъ своимъ, и всему народу:—Кто вамъ сказалъ это?

2. И сказали всѣ:—это сказалъ марабутъ Махмудъ Абу-Джафаръ Ибнъ-Мустафа Джурджурскій, человѣкъ угодный Богу. 3) И свидѣтель Абу-Джафару сынъ его Джафаръ; и рукописаніе въ рукѣ Джафара.

4. И сказалъ Шамиль:—Какъ же по прозванію этотъ марабутъ Махмудъ?

5. И сказали всѣ:—По прозванію онъ марабутъ Абу-Джафаръ Продажная Душа.

6. И сказалъ Шамиль:—Онъ человѣкъ угодный Богу; Богу-ли только? Можеть быть, еще кому нибудь?

7. И сказали всѣ:—Онъ также угоденъ тебѣ, Шамиль.

8. И сказалъ Шамиль:—мнѣ онъ угоденъ, это точно. Но мнѣ ли только?

9. И сказали всѣ:—Нѣтъ, не тебѣ только; и князю Воронцову также.

10. И сказалъ Шамиль:—Хорошо. Онъ угоденъ и мнѣ, и князю Воронцову. Одному бы кому изъ насъ, еще годилось бы куда нибудь. А то, угоденъ обоимъ намъ. Какъ же можетъ онъ быть угоденъ Богу?—И сами вы говорите: по прозванію онъ Продажная Душа.—Понимаете, какъ вышло дѣло?

11. И сказали всѣ:—Чего тутъ не понимать! Князь Воронцовъ подкупилъ его сказать такъ. И слово его лживое. 12) И выхватили шашки наибы, и мюриды, и весь народъ изрубить Абу-Джафара и сына его Джафара въ мелкіе куски.

13. И сказалъ Шамиль:—Младшему обманщику хорошо будетъ такъ: этого наказанія довольно съ него, потому что онъ лишь подговоренъ отцомъ. А старшему обманщику мало такого наказанія. Сдѣлайте такъ: возьмите большое бревно, толстое; и расколите вдоль и выдолбьте, и вложите лживаго пророка въ это дерево и возьмите пилу и распилите его.

14. И сказалъ Абу-Джафару:—А пока готово будетъ дерево, въ которомъ пилить тебя, иди за мной.

15. И велье Шамиль Абу-Джафара въ домъ свой. 16) А Джафара изрубили мюриды въ мелкіе куски; и рукописаніе съ нимъ.

Г Л А В А 8.

1. А Абу-Джафара Шамиль ввелъ въ домъ свой, въ особый покой дома своего. 2) И дрожалъ Абу-Джафаръ, какъ дрожитъ листъ осины въ лѣсахъ гауровъ; и былъ синій, какъ ледъ въ ледникахъ Эльбруса. 3) И затворилъ Шамиль дверь покоя особаго своего за собой и Абу-Джафаромъ; и поставилъ у двери Арсланъ-бея.

4. И былъ наибъ Арсланъ-бей мюридъ изъ мюридовъ; и одинъ изъ наибовъ и мюридовъ не восплакалъ и не сказалъ: „смиримся и спасемся“, когда восплакали всѣ и сказали то. 5) И былъ Арсланъ-бей головой выше всѣхъ мюридовъ; и воинъ сильный передъ Богомъ. 6) И была праведна душа его, и не было коварства въ сердцѣ его, и не было обмана на языкѣ его. 7) И добрый былъ человѣкъ Арсланъ-бей; и видна была доброта его на безстрашномъ лицѣ его.

8. И поставилъ Шамиль наиба Арсланъ-бея на стражѣ у двери покоя особаго своего, а самъ затворился съ Абу-Джафаромъ, и сказалъ Абу-Джафару:

9. Марабуть Абу-Джафаръ, ты мерзавецъ; ты хуже пса; и душа твоя грязнѣе нечистаго тѣла свиньи. Но ты марабуть. Какъ допускаетъ Богъ такихъ людей быть марабутами, я не знаю. Но такова воля Божія.—Знаю я, недорого купить тебя на всякое подлое дѣло. Но не подкупленъ ты княземъ Воронцовымъ на такой совѣтъ. Сколько ни давать тебѣ, чтобы ты устраивалъ миръ, ты будешь разстраивать миръ. Въ томъ твоя выгода, чтобы не было мира. И зналъ ты, что ведетъ тебя на смерть такой совѣтъ. Своею волею не могъ ты прійти сказать такое слово. Сила Божія привела тебя противъ твоей воли. И знаю я твое слово истинное.

10. И сказалъ Абу-Джафаръ:—Такъ. Зналъ я, что иду на смерть. И не хотѣлъ идти. И сынъ мой Джафаръ не хотѣлъ идти; и не хотѣлъ писать моего слова. Но вельѣ ему писать сила Божія, и повела его со мною, какъ повела меня.

11. И сказалъ Шамиль:—Какъ быть! Зналъ я, что невиноватъ онъ. Но мо-

лодой человекъ не умѣлъ бы послѣ молчать, что было это слово по волѣ Божіей и что истинное оно. Нельзя было мнѣ поступить съ нимъ иначе.

12. И сказалъ Абу-Джафаръ:—А меня, ты помилуй.

13. И сказалъ Шамиль:—А что это было въ рукѣ у него? Написано было слово твое по слову Казы-Муллы, это конечно. Но было еще что?—Отъ князя Воронцова было что нибудь?

14. И сказалъ Абу-Джафаръ:—Было. Но ты помилуй меня.

15. И сказалъ Шамиль:—Такъ я и понималъ, что было. Потому и далъ изрубить его бумаги съ нимъ. Говори, что было.

16. И сказалъ Абу-Джафаръ:—Ты помилуй меня.

17. И сказалъ Шамиль:—И просить не о чемъ. Зачѣмъ же я и увелъ тебя отъ тѣхъ бѣшеныхъ?—Сына твоего нельзя было оставить живого. А ты будешь говорить всѣмъ, что твое слово было лживое. Отъ тебя вреда не будетъ. А выгода мнѣ отъ тебя большая. Нечего тебѣ бояться.

18. И обрадовался Абу-Джафаръ, и припалъ къ ногамъ Шамилевымъ, и цѣловалъ ихъ.

19. И поднялъ его Шамиль, и сказалъ: Ъздилъ ты въ Тифлисъ. Что тамъ?

20. И сказалъ Абу-Джафаръ:—Идутъ на тебя полторы дивизіи гяуровъ. И я сказалъ князю Воронцову, гдѣ найти тебя: въ Хундзахѣ.

21. И сказалъ Шамиль:—Хорошо сказалъ ты. Съѣзжу въ Хундзахъ, чтобы правъ ты былъ передъ княземъ Воронцовымъ. А какъ и гдѣ они пойдутъ?

22. И сталъ говорить Абу-Джафаръ. И когда рассказалъ все, сказалъ:—Такъ я узналъ. И о тебѣ рассказалъ я имъ все, что велѣлъ ты сказать, ничего не забылъ. И далъ мнѣ князь Воронцовъ за то тысячу рублей. И другую тысячу, чтобы я отвезъ къ тебѣ ту бумагу. Потому я и замедлилъ: страшно было отдать тебѣ ту бумагу. И два дня и двѣ ночи молился я Богу, чтобы онъ научилъ меня, какъ не отдать ее.

23. И улыбнулся Шамиль, и сказалъ:—Все ты говоришь хорошо, а въ этомъ совралъ: не по страху ты хотѣлъ утаить ее,—отдать мнѣ одному втайнѣ, какой же страхъ? А невыгодно было тебѣ, вотъ что.

24. И улыбнулся Абу-Джафаръ, и сказалъ:—Когда такъ, то правда. Жаль мнѣ сына, а что бумага изрублена хорошо.

25. И сказалъ Шамиль:—Что же, предлагалъ князь Воронцовъ условія лучше прежнихъ?

26. И засмѣялся Абу-Джафаръ и сказалъ:—Что изрублено, то изрублено.

27. И сказалъ Шамиль: Не бойся, не соблазнишь. Говори. Для соображенія моего, не мѣшаетъ же знать.

28. И сказалъ Абу-Джафаръ, какія условія для мира были въ той бумагѣ.

29. И задумался Шамиль, и сказалъ:— Дураки гяуры, предлагать такія условія. Лучше, нежели я думалъ, хоть и зналъ глупость гяуровъ.

30. И испугался Абу-Джафаръ и сказалъ:— Вотъ оно такъ и есть.

31. И сказалъ Шамиль:—Не пугайся, другъ. Я только дивлюсь глупости гяуровъ. Половину бъ ихъ силы мнѣ, взялъ бы я и Москву ихъ, не то что эти горы. А соблазнить меня не бойся: не соблазнять.

32. И обрадовался Абу-Джафаръ, и сказалъ:—Такъ не соблазняешься и на эти условія?

33. И сказалъ Шамиль: — Нечего спрашивать у орла, какія условія приметъ онъ, чтобы дать подрѣзать свои крылья. — Теперь, этотъ разговоръ конченъ, Абу-Джафаръ; и прошу тебя, доскажи, что тамъ дальше въ книгѣ судебъ. Тамъ было о трехъ бомбахъ. Первая — на Кавказъ; а тѣ двѣ на кого будутъ?

34. И сказалъ Абу-Джафаръ: — Что слышалъ отъ Казы-Муллы, все сказалъ. Больше не слышалъ. Потому что, какъ услышалъ: „смирится Кавказъ“, я очень испугался за такое слово, что долженъ сказать тебѣ такое слово при всемъ народѣ. И отъ испуга проснулся.

35. И сказалъ Шамиль: — Жаль. Надо бы мнѣ узнать о тѣхъ двухъ бомбахъ.

36. И сказалъ Абу-Джафаръ: — Чего не знаю, того не знаю. Но, можетъ быть, если помолюсь, откроетъ мнѣ Богъ.

37. И сказалъ Шамиль: — Хорошо. Молись. И замолчалъ.

38. И сѣлъ Шамиль, и молчалъ. И сѣлъ Абу-Джафаръ, какъ садятся при совершеши намаза, и молился въ духѣ своемъ.

Г Л А В А 9.

1. И всталъ Абу-Джафаръ; и знаменіе духа на лицѣ его; и глаза его возведены вверхъ, и неподвижны глаза его, и раскрыты широко. И возопилъ Абу-Джафаръ.

2. Въ неправдѣ рожденъ я, и полна беззаконія жизнь моя. 3) Продажна душа моя, и алчетъ геенна пожрать душу мою. 4) Но правы видѣнія мои и сила Божія говоритъ устами моими въ видѣніяхъ моихъ.

5. Возносится духъ мой къ Богу, и возвожусь я въ духѣ на вершину Эль-бруса. 6) Долины Грузіи подо мною на югѣ; и море на западѣ; 7) и обращается лицо мое въ духѣ на сѣверъ.

8. И когда говорилъ Абу-Джафаръ: „обращается лицо мое въ духѣ на сѣверъ“, вошелъ Арсланъ-бей и сказалъ: „Шамиль, пришли мюриды“. 9) И сказалъ Шамиль Абу-Джафару: „Замолчи. Доскажешь въ другой разъ“. И не замолчалъ Абу-Джафаръ, и говорилъ въ видѣніи своемъ:

10. На сѣверъ обращено лицо мое и степь гуровъ подо мною.

11. И дернулъ Шамиль Абу-Джафара за рукавъ одежды его, и покачнулся Абу-Джафаръ, и обозрѣлся, и увидѣлъ Шамиля и Арсланъ-бея, и удивился, и сказалъ Шамилю: „Не мѣшай же“.

12. И сказалъ Шамиль Арсланъ-бею: „Держи его, а я завяжу ему ротъ“. И снялъ тюбанъ свой. И сказалъ Абу-Джафаръ: „Что такое?“ — И сказалъ Шамиль: „Ничего“. — И распустилъ тюбанъ свой, а Арсланъ-бей взялъ Абу-Джафара за руки. И сказалъ Абу-Джафаръ: „Какъ?“ — и задрожалъ и сталъ синій. И сказалъ Шамиль: „Нельзя иначе, Абу-Джафаръ“. И завязалъ ему ротъ тюбаномъ своимъ. А Арсланъ-бей держалъ его.

13. И закричалъ Шамиль мюридамъ: „Войдите“. — И вошли мюриды и сказали: „готово Шамиль“. И сказалъ Шамиль: „Хорошо. Возьмите его. И смотрите, чтобы онъ не сорвалъ повязку. Онъ богохульствовалъ здѣсь“.

14. И взяли мюриды Абу-Джафара и повели его. И влошили между двухъ половинокъ расколотаго дерева, выдолбленныхъ, и связали половины. И положили пилу на грудь Абу-Джафару, на дереро противъ груди его.

15. И стоялъ народъ и смотрѣлъ; и стоялъ Шамиль и смотрѣлъ. И говорилъ народъ: „Такъ и хорошо обманщику“. А мюриды пилили. А Шамиль говорилъ мюридамъ: — „Вы не торопитесь; подольше, будетъ лучше ему. Онъ хотѣлъ обмануть народъ“. — И пилили мюриды безъ торопливости. А народъ говорилъ: „Такъ и хорошо ему. Онъ хотѣлъ обмануть народъ“.

16. И пилили Абу-Джафара, человѣка угоднаго Богу. Да помилуетъ душу его Богъ. Вазаконна была жизнь его. Но по волѣ Вожией умеръ онъ. И молился за него Шамиль въ сердцѣ своемъ: Да помилуетъ Богъ душу его.

17. И когда распилили Абу-Джафара, сказалъ: „Бросьте тѣло его собакамъ“. И взяли мюриды тѣло его бросить собакамъ.

18. А Шамиль пошелъ назадъ въ домъ свой.

Г Л А В А 10.

1. И вошелъ Шамиль въ домъ свой, и пошелъ въ покой особый свой дому своего. И Арсланъ-бей съ нимъ.

2. И сказалъ Арсланъ-бей: развѣ онъ богохульствовалъ? Мнѣ казалось не похоже на то. Было знаменіе духа на лицѣ его.

3. И сказалъ Шамиль: — Такъ Богу было угодно, чтобъ умеръ онъ, какъ велѣлъ Богъ. И жаль мнѣ, что рано пришли мюриды. Немножко бы еще, и услышалъ бы я отъ него о тѣхъ двухъ бомбахъ, на кого онъ будутъ.

4. И сказалъ Арсланъ-бей: О тѣхъ двухъ бомбахъ. А точно. Понимаю, важно бы это. Можетъ быть, на кого будутъ тѣ бомбы, помогли бы намъ, если бы сказать имъ.

5. И сказалъ Шамиль: Такъ.

6. И помолчавши, сказалъ Арсланъ-бей: Какъ же ты убилъ истиннаго пророка, Шамиль. Не хорошо. Грѣхъ передъ Богомъ.

7. И сказалъ Шамиль: „Такъ надобно, Арсланъ-бей. Кто не дѣлаетъ такъ, не годится управлять народомъ. Вотъ, на примѣръ, ты. Сражаться, ты хорошъ. А въ правители не годишься.“

8. И сказалъ Арсланъ-бей: Но когда его слово истинное, то все равно сбудется же.

9. И сказалъ Шамиль: — Когда сбудется, то и сбудется. А пока сбудется, не надобно позволять, чтобы смущали народъ и мѣшали нашему дѣлу.

10. И помолчавши, сказалъ Арсланъ-бей: Но хоть бы о двухъ-то бомбахъ дать ему договорить.

11. И сказалъ Шамиль: — Хорошо бы, если бы можно. Но мюриды-то ждали бы; что подумали бъ они? — Видно Шамиль вѣрить истинѣ его словъ, когда заставляеть насъ ждать, подумали бъ они.

12. И сказалъ Арсланъ-бей: Такъ. А жаль, что не услышалъ ты о двухъ-то бомбахъ.

13. И сказалъ Шамиль: Я и самъ сказалъ: жаль.

14. И сказалъ Арсланъ-бей: — Какъ же ты теперь, — гдѣ найдешь другаго пророка, чтобы узнать?

15. И сказалъ Шамиль: Обойдусь. Что надобно мнѣ видѣть въ видѣннн, то я и самъ все вижу,

16. И замолчалъ Арсланъ-бей. И замолчалъ Шамиль.

17. И сълъ Шамиль писать слова тѣ, все, отъ слова до слова, для наученія дѣтямъ своимъ, если кто изъ нихъ будетъ править народомъ. Потому что этого не знаетъ Шамиль, и не можетъ видѣть въ видѣніи, будетъ ли кто изъ его дѣтей править народомъ. Потому что такова воля Божія. Что нужно видѣть Шамилю, то даетъ ему Богъ видѣть въ видѣніи. А чего Богъ не даетъ ему видѣть, того онъ не знаетъ.

18. И да будетъ воля Божія. И что написано въ книгѣ судебъ, то написано. Но милосердъ Богъ и милостивъ. И можетъ быть, кромѣ того, что сказалъ изъ книги судебъ Казы-Мулла Абу-Джафару, тамъ написано и еще что нибудь. И можетъ быть написано тамъ какъ спастись Кавказу и безъ покорности гяурамъ. Богъ великъ; и нѣтъ мѣры всемогуществу Его, и нѣтъ конца благости Его къ правовѣрнымъ.—Такъ написалъ Шамиль Гумрійскій.

Да будетъ препрославленъ Богъ!

ЗНАМЕНИЕ НА КРОВЛѢ.

(По разсказу очевидца).

Не только простолюдины, вездѣ и всегда лекговѣрные, но и мюриды, и даже наибы — сами администраторы, опытные въ пріемахъ управленія, — всѣ остались убѣждены, что Абу-Джафаръ говорилъ по подкupu отъ князя Воронцова и получилъ достойное наказаніе за обманъ; и всѣ смѣялись надъ его лживымъ словомъ. — Но не долго.

На пятую пятницу послѣ страдальческой смерти несчастнаго марабута, — въ то самое время, когда муэзинъ, взобравшись на минареть, или единственной, какъ мнѣ показалось по характеру выраженій разсказчика, или, если не единственной, то главной мечети въ Гунибѣ, взвизгнувъ пронзительнымъ голосомъ, призывая правовѣрныхъ къ утренней молитвѣ, — въ тотъ же самый мигъ пронесся надъ Гунибомъ, съ той стороны, гдѣ домъ Шамиля, другой крикъ, заливающійся перекатами еще болѣе визгливыми, — козлинъ крикъ, — чистѣйшій козлинъ крикъ, но чрезвычайной энергіи.

Что такое? Неужели сбывается? — вздрогнулъ самъ Арсланъ-бей, — хотъ и чело-вѣкъ вообще безтрепетнаго мужества, хотъ и приготовленный, не нынѣ завтра, услышать козлогласованіе, предсказанное пророкомъ. Тѣмъ ужаснѣе, разумѣется, затрепетали сердца другихъ, менѣе безстрашныхъ и не ожидавшихъ. Кто въ чемъ былъ, — многіе даже не надѣвши туфель, — бѣжали, какъ и самъ Арсланъ-бей, къ дому Шамиля, бѣжали, оглушаемые неумолимымъ и неимоверно звонкимъ козлинымъ воплемъ.

И подбѣгая, видѣли: былось.

На кровлѣ дома Шамиля стоялъ и блялъ совершенно по козлиному, дѣйствительно, баранъ; очень обыкновенный съ виду и даже не изъ казистыхъ: самый простой баранъ, тускло-желтоватый, средняго роста, сухощавый, — словомъ, незавидный, простой баранъ.

Какъ подбѣгалъ кто, остолбенѣвалъ, и стоялъ молча, разинувъ ротъ, вытаращивъ глаза. Баранъ заливался съ какимъ-то неистовствомъ, будто въ упоеніи восторга отъ своего искусства и звучнаго органа: задравши кверху голову, тихо поводилъ носомъ и раскрытымъ широко ртомъ, и дралъ горло по козлиному съ силою десяти козловъ.

Нѣсколько минутъ было гробовое молчаніе въ толпѣ подъ ужасомъ этихъ руладъ.

И вдругъ, зашумѣлъ народъ, заколыхался, взволновался; взрывы шума заглушали даже неистово-пронзительное козлиное бляніе барана.

Выбѣжалъ на крыльцо Шамиль—и Арсланъ-бей, опомнившись, бросился стать подлѣ него.

— Мириться! мириться!— былъ гвалтъ народа.

— Молчать, сволочь! крикнулъ Шамиль. Никого не испугалъ: былъ страхъ страшнѣ всякаго Шамиля.

— Мирись съ русскими! мирись!— кричалъ и подступалъ народъ. Шамиль обратился къ окружавшимъ его мюридамъ:

— За мной, друзья! Разгонимъ этихъ трусовъ!

Пять или шесть челоувѣкъ изъ мюридовъ взяли за шашки. Остальные пожали плечами:— Нѣтъ, Шамиль; когда народъ глупъ, то глупъ; а когда правъ, то правъ.

Какъ тутъ было быть?— Если бъ одинъ Гунибъ— не велико бы горе,—или хоть бы только Кумыки, хоть и съ Казы-Кумыками, пожалуй,—все бы не проиграно дѣло, если бы только. Но куда ни придетъ слухъ о бляеніи барана по козлиному, вездѣ будетъ то же.

Шамиль стоялъ, хмураясь. А народъ подступалъ: „Мирись съ русскими. Мирись“.— А баранъ заливался неумолкаемо своими шайтанскими козлиными перекатами.

— И какъ не стащили его до сихъ поръ?— сказалъ Арсланъ-бей Шамилю.

— Да, какъ не стащили? сказалъ Шамиль мюридамъ, тѣмъ, которые еще держались за шашки.

— Не было приказанія отъ тебя.

— Правда! проговорилъ Шамиль, стиснувъ зубы, и холодный потъ выступилъ на лбу старика: струсилъ я, Арсланъ-бей, растерялся: сидѣлъ, какъ дуракъ, пока опомнился отъ крику народа, и выбѣжалъ:— Шамиль струсилъ, Арсланъ-бей—а?— Шамиль трусь!

— Нечего тутъ стыдиться, Шамиль, и нельзя называть себя трусомъ за это, сказалъ Арсланъ-бей: Такой случай, какъ не растеряешься? И со мною то же было: одурѣлъ я совсѣмъ.

— Плохо дѣло, Арсланъ-бей.

— Плохо, Шамиль.— А народъ подступалъ: „Мирись! мирись“.

— И ума не приложишь, какъ быть съ ними, сказалъ Шамиль уныло. Но вслѣдъ затѣмъ и оживился: находчивость ума воскресла.

— Дурачье, съ чего бѣснуетесь-то? Какой тутъ страхъ, что тутъ за знаменье, какое тутъ диво?— Должно быть вырвался баранъ, когда хотѣлъ зарѣзать его кто изъ такихъ шелопаевъ, какъ тѣ вотъ, которые кричатъ: „Мирись“. Такому ротозѣю, ослу и барана не съумѣтъ зарѣзать, какъ слѣдуетъ; напугалъ барана и упустилъ. Съ перепугу это оретъ баранъ такъ. Вотъ и все диво. Съ перепугу, не то что по козлиному, можетъ заорать и по коровьему, и по лошадиному. Понимаютъ это, я думаю, кто здѣсь умные люди. Не всѣ же кричатъ.

— Нашель дураковъ обманывать! Разказывай!— закричалъ народъ:— Да что ты насъ обижаешь-то? Шелопан мы по твоему, ротозѣи, ослы.— Смотри, Шамиль, не полатиться бы тебѣ за это!

И нѣкоторые въ народѣ ужъ выхватывали шашки. А мюриды, кромѣ пяти, шести, пожимали плечами и говорили: „Нѣтъ, Шамиль, народъ не всегда дуракъ. Иной разъ и правъ бываетъ“.

— Дѣти мои... братья мои...—начиналъ Шамиль опять заговаривать съ народомъ. Народъ не давалъ ему выговорить слова: „ты обидѣлъ насъ. Еще и трусами назвалъ! и сволочью! Поплатишься! Мирись! мирись!“

— Не слушаютъ; шутя и бросаясь изрубить, сказалъ Арсланъ-бей. — Уйдемъ. Выпросимъ время подумать. Закричалъ народу: Друзья, дайте Шамилю время подумать. Сначала не хотѣли слушать. Онъ уговаривалъ, упрасивалъ.

— Отвѣчаешь ли за то, что отерочка не будетъ въ обманъ?—стали соглашаться.

— Отвѣчаю, сказалъ Арсланъ-бей.

— Хорошо. Твоему слову вѣримъ. Даемъ Шамилю время подумать до слѣдующаго намаза.

— Братья, оцѣпимъ дворъ, караулить, кричали изъ толпы.

— Такъ, такъ, подтвердили всѣ.

Обидно показалось это Арсланъ-бею: онъ привыкъ, что его слову вѣрили. — Братцы, какъ же это? Меня подъ караулъ?

— Не тебя. Ты насъ не обманешь. Но Шамиль тебя и насъ обманетъ. Извѣстный обманщикъ. И Абу-Джафара погубилъ за правду, обманувши насъ. Кровь праведника на немъ.

Нѣкоторые даже кричали: „Шамиль хуже гяура!“ — „Шамиль хуже пса!“ — „Шамиль проклятъ отъ Бога!“

Шамиль скрежеталъ зубами, и порывался броситься съ шашкою на толпу. Здоровый мужчина, хоть ужъ и не молодой былъ тогда. Но Арсланъ-бей имѣлъ атлетическую силу и удерживалъ его, и получивши позволеніе отъ народа, насильно увелъ въ домъ. Отвелъ въ особую комнату, усадилъ.

— Трусы! Неблагодарная сволочь! говорилъ Шамиль и сидѣлъ, стискивая шашку.

— Шашкою тутъ ничего не сдѣлаешь, сказалъ Арсланъ-бей: надо придумать что нибудь.

Шамиль будто не слышалъ. Сидѣлъ, понуря голову.

— Плохо дѣло, объ этомъ и спору быть не можетъ, сказалъ Арсланъ-бей:— но все же, можетъ быть, и придумаешь какъ нибудь, если подумаешь поспокойнѣе.

Шамиль усмѣхнулся.—Досадно только, Арсланъ-бей! А придумывать, нѣтъ надобности ломать голову теперь. Предвидѣно; стало быть и обдуманно.

— Какъ же?

— Простое дѣло. Только выгоды отъ него мало. Какъ бы тѣ двѣ бомбы годились, пріятнѣе бы. А то, не годятся. И должно дѣло поэтому не имѣть никакой пользы намъ.

— А тѣ двѣ бомбы не годятся?

— Ни къ чему.

— Да ты знаешь о нихъ?

— Знаю.

— Имѣлъ видѣніе о нихъ?

— Имѣлъ. Ты ему такъ и скажешь: было видѣніе Шамилю. Стало быть и сомнѣнія тутъ не должно быть у него: такъ будетъ!

Вторая бомба полетитъ на Турцію. И истребитъ Стамбулъ. И землетрясеніемъ и осколками опустошитъ землю на сто часовъ пути кругомъ. И развалинами завалитъ Босфоръ.

Третья бомба — на Австрію. И истребить Вѣну. И землетрясеніемъ и осколками опустошить землю на сто часовъ пути кругомъ. И развалинами завалить Дунай и все рѣки и озера на пятьдесятъ часовъ пути кругомъ.

Стало быть на эти бомбы нечего разсчитывать, чтобъ отъ страха передъ ними была помощь намъ. Турція — страна правовѣрныхъ, оно такъ. Но годится она лишь на то Кавказу, чтобы черкесы имѣли куда продавать дочерей. Кромѣ, ни къ чему. Гнилая трость и сломится подъ рукой опирающагося на нее, и ранить руку. — И Австрія не лучше, сколько я слыхивалъ.

„Сколько я слыхивалъ“! — запало это въ душу Арсланъ-бей. Простой былъ человекъ онъ; и могъ иногда казаться недалекимъ, потому что никогда не хитрилъ. Но я могу сказать по личному знанію: не былъ обдѣленъ умомъ этотъ прямодушный человекъ. — „Сколько я слыхивалъ“ — это что-то не похоже на видѣніе. Хотѣлъ онъ замѣтить Шамилю: „Да ужъ говори, ты самъ такъ сообразилъ“, — но не ко времени терять время. Промолчалъ онъ.

— Вотъ потому-то и горько, продолжалъ Шамиль: — у кого силы нѣтъ, между тѣми еще есть люди, каеъ люди. Вотъ хоть бы мы съ тобой, къ примѣру. А у кого могла бы быть сила, — и есть, можетъ быть, — сами-то ни къ чему неспособные люди. Ну, да не о томъ рѣчь. О бомбахъ дѣло. Отъ тѣхъ двухъ пользы нѣтъ. Но дѣло не кончится на нихъ. Пустивши ихъ урусы начнутъ дѣлать еще. То было три, — значить, четвертую. На кого, не открылъ мнѣ Богъ. Но то вѣрно, что начнутъ дѣлать. Только, будетъ ужъ недоставать у нихъ ни желѣза, ни пороху, ни работниковъ. Потому что, слышалъ ты самъ: Магеръ-Шалаль-Хазъ-Вазо — сильный этимъ потрясателемъ земли скоро раззорится. Не такое еще будетъ раззореніе ему, но и это будетъ попрежде того: ни желѣза, ни пороху, все истрачено, на тѣ три бомбы; ни работниковъ — заморены работники надъ тѣми. Однако же охота сильная: самъ ты слышалъ, это оружіе Хадегетъ, сила геенны въ этомъ оружіи. Кто разъ отдалъ душу Иблису, тому ужъ не вырвать ее изъ подъ управленія Иблиса. И будетъ Иблисъ заставлятъ урусовъ дѣлать четвертую бомбу, хоть обнищали они и отъ тѣхъ трехъ. Сами, можетъ быть, не желали бы, а будутъ дѣлать: Иблису отдали души свои.

Ну, слушай же, Арсланъ-бей, какъ дальше открылъ мнѣ Богъ. Будутъ дѣлать урусы четвертую бомбу, а другіе-то гяуры не глупѣе жъ ихъ. Хоть три бомбы и проворонили, но по короткости времени, потому что не знали заранѣе. А теперь, скажутъ: „стой, парень-урусъ, довольно пошалилъ Иблисовой игрой“. И сложатся другіе гяуры — нѣмцы и французы и англичане, — и легко имъ вмѣстѣ сдѣлать Потрясателя Земли и бомбы еще гораздо больше тѣхъ.

Сдѣлаютъ Потрясателя Земли и двѣ бомбы, втрое больше тѣхъ продолжалъ Шамиль: и опустятъ одну бомбу на Петербургъ; истребить она его, и опустошить Россію на триста часовъ пути кругомъ. Другую бомбу пустятъ на Москву и истребится Москва и опустошится Россія на триста часовъ пути кругомъ. И мало останется живыхъ людей въ Россіи, только по самымъ дальнимъ угламъ кое кто. А вся Россія на триста часовъ пути кругомъ Петербурга и кругомъ Москвы будетъ пустыня въ развалинахъ безъ живыхъ людей. Такъ исполнится названіе Потрясателя Земли, — помнишь Арсланъ-бей? Магеръ-Шалаль-Хазъ-Вазо, Сильный оружіемъ вскорѣ раззорится.

— Помню, какъ не помнить! отвѣчалъ Арсланъ-бей. И понимаю все теперь.

Шамиль посмотрѣлъ на него: Что же ты понимаешь?

— Понимаю, что ты хорошо сообразилъ, Шамиль. Оно точно, такъ должно быть.

Шамиль посмотрѣлъ на него еще, опустилъ глаза, подумалъ: Хорошо; такъ, то пусть и по твоему. Мы съ тобою свои люди.—Повѣжай же ты, Арсланъ-бей, къ Пожирателю Книгъ. Ищи его въ томъ городѣ. Не тамъ онъ, то можно узнать гдѣ. У гууровъ такъ заведено, что извѣстно обо всякомъ начальству.

— Понимаю, не толкуй. Найду, не бойся.

— Отдашь Пожирателю Книгъ эту книжку, въ которой написано мной все видѣніе Абу-Джафара, и перескажи все, что слышалъ теперь отъ меня о бомбахъ на Турцію и Австрію, и о раззореніи Россіи. Если Пожиратель Книгъ повѣритъ, броситъ выдумывать свою машину. Не повѣритъ, ты убьешь его.—Смотри же хорошенько, можно ли оставить его въ живыхъ. Я надѣюсь на тебя, какъ на себя самого.

— Не опасайся, Шамиль, сказалъ Арсланъ-бей. Оно правда, иной разъ по жалости къ людямъ дѣлаю не совѣмъ какъ слѣдовало бы. Но отпустить живымъ какогонибудь генерала, отъ этого не велика бѣда Кавказу. А тутъ совѣмъ иное дѣло. Думаю, что придется убить Пожирателя Книгъ. Будь онъ и добрый человекъ, и пусть кажется, что на его слово можно положиться, а убить—это будетъ вѣрнѣе.—Значитъ, въ дорогу. Схожу проститься съ женой и съ дѣтьми. Дорога опасная.

— Мѣсяць буду ждать тебя назадъ. Послѣ мѣсяца, подожду еще полгода, сказалъ Шамиль.

— Ну, а не ворочусь и черезъ полгода съ мѣсяцемъ?

— Тогда посмотрю, какъ быть. Подожду слуховъ, когда начнутъ дѣлать бомбы. Оно, положимъ, будетъ это втайнѣ. Но слухамъ нельзя же не быть. Кто не знаетъ, тому и останется непонятно; а мнѣ извѣстно, могу понять, что такое дѣлаютъ втайнѣ.

— Тогда будешь мириться?

— Тогда ничего другого не остается.—Шамиль вздохнулъ.—Однако, народъ ждетъ. Пойдемъ сказать.—Онъ отдалъ Арсланъ-бею книжку, въ которой описалъ видѣніе Абу-Джафара.

Вышелъ на крыльцо.—Народъ столпился:—Ну, что скажешь?

— Братья, началъ Шамиль, у гууровъ есть поговорка: голосъ народа—голосъ Божій. Есть, видно, и у гууровъ кое что правдивое въ мысляхъ. Поищемъ же правды у гууровъ. Посылаю Арсланъ-бея.

— Хорошо, хорошо, закричалъ народъ. И не догадался даже потребовать опредѣлительныхъ словъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ Арсланъ-бей.

А баранъ продолжалъ блеять по козлиному.

— Братья, сказалъ Шамиль, этотъ проклятый слуга шайтана сдѣлалъ свое дѣло. Стащите его съ кровли, зарѣжьте. И мясо бросьте собакамъ, сами не ѣшьте: онъ слуга шайтана, онъ проклятый.

— Такъ, такъ, говорилъ народъ. Онъ слуга шайтана.

— Вотъ и подготовлено, чтобы дѣло опять повернулось, какъ надобно Шамилю, подумалъ Арсланъ-бей. Баранъ—слуга шайтана; шайтанъ—обманщикъ;

шайтанъ пріятельствуетъ гяурамъ, старается вредить правовѣрнымъ. Дня черезъ два для народа будетъ явное дѣло: баранъ понапрасну смущалъ правовѣрныхъ, надобно смѣяться надъ шайтаномъ: не удалось проклятому шайтану обмануть народъ. И каждый будетъ говорить, что онъ съ самаго же начала понималъ это; только дивился глупости другихъ: чего пугаются? Какъ не понимать, что это шайтанова продѣлка, — онъ съ самаго начала понималъ это, будетъ говорить каждый.

А между тѣмъ тащили съ кровли барана. Иди, иди, шайтановъ сынъ, — крикивалъ на него народъ. Вѣднѣй баранъ упирался и продолжалъ во весь духъ бляеть по козлиному. Но стащили таки его и зарѣзали. И прекратилось его козлогласованіе.
